

ISSN 2414-5815

ЭКОНОМИКА ПРАВО ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 3(8)

2017

Витебск

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 2 раза в год
Издается с января 2015 года

2017 № 3(8)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
А.В. Егоров

Редакционная коллегия:

В.В. Богатырева (зам. главного редактора),
В.Н. Бибило, С.Л. Богомаз,
А.А. Бочков, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
Д.М. Демичев, А.Г. Егорова,
В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косареvская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.Ф. Трацевская,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков,
В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахменок (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

Московский пр-т, 33,
210038, г. Витебск, Беларусь
Тел.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Подписано в печать 20.12.2017 г.
Формат 60 x 84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,56. Уч.-изд. л. 12,06.
Тираж 100 экз. Заказ 217.

Издатель и полиграфическое исполнение –
учреждение образования «Витебский
государственный университет имени
П.М. Машерова». 210038, г. Витебск,
Московский проспект, 33.

Свидетельство о государственной
регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/255 от 31.03.2014 г.

П Р А В О

- Алексина Я.П., Шостак М.А.** Прекращение производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации 3
- Самбор Н.А.** Административное задержание как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении и установление личности задержанного 9
- Козак М.А.** Систематизация норм, закрепляющих правовой статус органов представительной власти 17
- Шеленговский П.Г., Дюкарева А.А.** Проблемы международно-правового признания вновь образовавшихся государств 22
- Иванова Т.В.** Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в процессе правообразования: теоретический аспект 26

Э К О Н О М И К А

- Храмцова Ф.И.** Национальный механизм обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь: социально-экономический аспект 31
- Солодовников С.Ю.** Современная структурная политика и кризис nano-индустрии 42
- Сергиевич Т.В.** Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы 49

П С И Х О Л О Г И Я

- Клещева Е.А., Пономарева Е.И., Валитова И.Е.** Анализ нормативно-правового обеспечения психолого-педагогического сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития 56
- Фролова Ю.Г.** Взаимосвязь личностных характеристик студентов и удовлетворенности качеством медицинской помощи 62
- Богомаз С.Л., Мизовец А.В.** Аксиологическое влияние различных институтов социализации на формирование системы ценностей литовских подростков 67
- Гиринская А.Ю.** Когнитивные ошибки с позиции тренера и спортсмена .. 72
- Катренко О.А.** Воспитанность духовных ценностей белорусских детей 7–10 лет посредством детского телевидения 78
- Белявский Г.Н.** Влияние культурного фрейминга на восприятие грамматических значений иностранных текстов 84
- Ткач М.Г., Косареvская Т.Е.** Личностные предпосылки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности 89
- Фурманов И.А., Лепешко К.В.** Ревность социального сравнения как аттитюд 95
- Поляков А.М.** Развитие знаково-символического опосредствования у ребенка 100

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 2 times a year
Published since January 2015

2017 № 3(8)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
A.V. Egorov

Editorial Board:

V.V. Bogatyreva (Deputy Editor-in-Chief),
V.N. Bibilo, S.L. Bogomaz,
A.A. Bochkov, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
D.M. Demichev, A.G. Egorova,
V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.F. Tratsevskaya,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov,
G.A. Yasheva, V.A. Yanchuk

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
Yu.N. Karandashev (Poland),
T.V. Senko (Poland),
V.A. Moliako (Ukraine),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
«Law. Economics. Psychology»
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:

33 Moskovsky Prospect,
210038 Vitebsk, Belarus
Tel.: +375 (212) 58-48-93,
E-mail: nauka@vsu.by
http://www.vsu.by

Signed print 20.12.2017. Size 60x84¹/₈.
Offset paper. Conventional printed
sheet 12,56. Publisher's sheet 12,06.
Circulation 100 copies. Order 217.

Publisher and printing performance –
educational establishment «Vitebsk State
P.M. Masherov University». 33, Moskovsky
Prospect, 210038, Vitebsk.

Certificate of state registration as a publisher,
manufacturer, distributor of publications
№ 1/255, 31.03.2014.

LAW

- Aleksina Ya.P., Shostak M.A.** Cessation of Criminal Proceedings with Exemption from Criminal Liability in Criminal Procedural Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation 3
- Sambor N.A.** Administrative Detention as a Measure to Ensure the Proceedings on an Administrative Offense and the Identification of the Detainee 9
- Kozak M.A.** Systematization of Norms Which Establish the Legal Status of Representative Authorities 17
- Shelengovski P.G., Dukareva A.A.** Issues of the International Legal Recognition of Newly Formed States 22
- Ivanova T.V.** The role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in the Law Formative Process: Theoretical Aspect 26

ECONOMICS

- Khramtsova F.I.** National Mechanism of Providing Gender Equality in Republic of Belarus: the Social and Economic Aspect 31
- Solodovnikov S.Yu.** Modern Structural Policy and Crisis of the Nanotech Industry 42
- Serhiyevich T.V.** Economic Incentives for the Production of Goods of Intensive Renewal: Theoretical and Methodological Bases 49

PSYCHOLOGY

- Kleshcheva E.A., Ponomareva E.I., Valitova I.E.** Analysis of the Normative and Legal Provision of the Psychological and Pedagogical Accompaniment of Pupils with Psychophysical Development Peculiarities 56
- Frolova Yu.G.** Interdependence between Student Personality Characteristics and Satisfaction with Medical Aid Quality 62
- Bogomaz S.L., Myzovets A.V.** Axiological Impact of Different Socialization Institutions on Shaping Lithuanian Teenagers' System of Values 67
- Girinskaya A.Yu.** Cognitive Errors from the Point of view of the Coach and the Athlete 72
- Katrenko A.A.** Breeding Spiritual Values of 7–10 Year Old Belarusian Children by Means of Children Television 78
- Bialiauski H.N.** Influence of Cultural Framing on the Perception of Grammatical Meanings in Foreign Texts 84
- Tkach M.G., Kosarevskaya T.E.** Personality Prerequisites of Student Psychological Readiness for Professional Activities 89
- Furmanov I.A., Lepeshko K.V.** Jealousy of Social Comparison as an Attitude . 95
- Polyakov A.M.** Sign-symbolic Mediation Development in Childhood 100

Прекращение производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации

Алексина Я.П., Шостак М.А.

Учреждение образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

Современный этап развития уголовного процесса направлен на быстрое и полное восстановление нарушенных прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Восстановительный характер уголовного процесса с одновременным сохранением принципа неотвратимости уголовной ответственности не может не отразиться на реформировании процессуальных норм, регламентирующих порядок освобождения от уголовной ответственности.

Цель данной научной работы – путем сравнительного анализа норм материального и процессуального права Республики Беларусь и Российской Федерации определить теоретические и практические проблемы правового регулирования прекращения производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности.

Материал и методы. Правовую основу работы составило уголовно-процессуальное законодательство Беларуси и России. Теоретической базой исследования явились научные публикации, затрагивающие проблемные вопросы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. В работе использовались всеобщий диалектический метод, общенаучные методы познания (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой и формально-юридический методы).

Результаты и их обсуждение. В результате сравнительного анализа норм действующего уголовно-процессуального законодательства Беларуси и России установлены некоторые соответствия и различия в основаниях и порядке прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности. Одинаковыми основаниями являются: деятельное раскаяние и примирение с потерпевшим. Вместе с тем использование разных правовых конструкций, определяющих формы решений об освобождении от уголовной ответственности по одинаковым основаниям, вызывает затруднение их применения в деятельности государственных органов. Отмечается недостаточная правовая регламентация формы процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности в отношении отдельного лица, когда по уголовному делу признано несколько подозреваемых (обвиняемых).

Заключение. Совершенствование процессуального порядка принятия решений об освобождении от уголовной ответственности будет способствовать правильному применению процессуальных норм в деятельности органов предварительного расследования и прокуратуры.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, прекращение производства по уголовному делу, прекращение уголовного преследования, прекращение предварительного расследования.

Cessation of Criminal Proceedings with Exemption from Criminal Liability in Criminal Procedural Legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation

Aleksina Ya.P., Shostak M.A.

Educational Establishment "Academy of Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus"

The contemporary stage of criminal procedure development is aimed at fast and complete restoration of violated rules and legal interests of people who are involved into the criminal procedure. The restoration character of criminal procedure with the simultaneous preservation of the principle of liability inevitability can't but reflect on the reform of procedure norms, which regulate the order of criminal liability exemption.

The purpose of the paper is to identify theoretical and practical issues of legal regulation of cessation of criminal proceedings with exemption from criminal liability by means of the comparative analysis of norms of material and procedural law of the Republic of Belarus and the Russian Federation.

Material and methods. The legal basis of the work is criminal procedural legislation of Belarus and Russia. The theoretical basis of the study is scientific publications on problem issues of cessation of criminal prosecution and proceedings on a criminal case. The general dialectical method, general cognition methods (analysis and synthesis, induction and deduction, the comparative and legal and the formal legal methods) are used in the research.

Findings and their discussion. As a result of a comparative analysis of norms of the current criminal procedural legislation of Belarus and Russia it was found out that there is some conformity and differences in the causes and order of cessation of criminal proceedings with exemption from criminal liability. The similar causes are: active repentance and reconciliation with the offended person. At the same time application of different legal structures, which determine the forms of decisions on exemption from criminal liability based on the same causes, results in difficulties in their application in state bodies operation. Insufficient legal regulation of the form of procedural decision on exemption from criminal liability in reference to one person when there are several suspects (accused) in one criminal case is pointed out.

Conclusion. Improvement of the procedural order of taking decisions on exemption from criminal liability will promote the right application of procedural norms in the activities of preliminary investigation and prosecution bodies.

Key words: exemption from criminal liability, cessation of criminal proceedings, cessation of criminal prosecution, cessation of preliminary investigation.

Современный этап развития процессуальной науки и уголовно-процессуального законодательства направлен на поиск наиболее эффективных механизмов достижения первостепенной задачи уголовной политики государства – защиты личности, ее прав и свобод.

Принципы гуманизма, процессуальной экономии, справедливости и дифференциации уголовной ответственности нашли отражение в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве многих стран, в том числе Республики Беларусь и Российской Федерации. Указанные принципы легли в основу института освобождения от уголовной ответственности. Нормы материального и процессуального права, регламентирующие особенности его применения при производстве по уголовному делу, содержатся в соответствующих главах УК и УПК Беларуси и России. Вместе с тем сопоставление указанных норм этих двух государств показывает различия в реализации института освобождения от уголовной ответственности. Изучение и сопоставление норм государств, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности, позволяет применить опыт другого государства в совершенствовании законодательства, относящегося к указанному институту.

Цель данной научной работы – сравнительный анализ норм действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации, касающихся оснований и порядка прекращения предварительного расследования с освобождением от уголовной ответственности, определение теоретических и практических проблем правового регулирования прекращения производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности.

Материал и методы. Правовую основу работы составило уголовно-процессуальное законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации. Теоретической базой исследования явились научные публикации белорусских и российских авторов, затрагивающие проблемные вопросы прекращения уголовного преследования и

производства по уголовному делу. Эмпирической основой работы послужили уголовные дела, по которым принимались решения о прекращении производства в порядке ст. 30 УПК Республики Беларусь. В работе использовались всеобщий диалектический метод, общенаучные и частные методы познания (анализ и синтез, сравнительно-правовой, индукция и дедукция, формально-юридический).

Результаты и их обсуждение. Нормы, устанавливающие концептуальные основы института прекращения производства по уголовным делам с освобождением от уголовной ответственности, содержатся в ст. 30 УПК Республики Беларусь [1, с. 121]. При этом законодатель, используя формулировку «В соответствии со статьями», отсылает нас к положениям материального права (ст. 20, 86, 87, 88, 88¹, 89 и 118 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

В названных статьях УК Республики Беларусь указаны обстоятельства, в связи с которыми лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. В ст. 30 УПК Республики Беларусь эти обстоятельства определены как основания прекращения производства по уголовному делу. К ним относятся: применение мер административного взыскания (ст. 86 УК); утрата деянием или лицом общественной опасности (ст. 87 УК); деятельное раскаяние (ст. 88 УК); добровольное возмещение причиненного ущерба (вреда), уплата дохода, полученного преступным путем (ст. 88¹ УК); примирение с потерпевшим (ст. 89 УК); передача несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих (ст. 118 УК); наличие оснований, предусмотренных ст. 20 УК, в отношении участника преступной организации или банды.

Схожий институт освобождения от уголовной ответственности имеется в уголовном праве Российской Федерации. Обстоятельства, в связи с которыми лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, перечислены в главе 11 УК Российской Федерации: в связи с деятельным раскаянием (ст. 75 УК), в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК), по делам о преступле-

ниях в сфере экономической деятельности (ст. 76¹ УК), с назначением судебного штрафа (ст. 76² УК). В ч. 1 ст. 212 УПК Российской Федерации указанные обстоятельства названы основаниями прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Что касается предусмотренного в главе 11 УК Российской Федерации обстоятельства освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК), то оно является аналогом обстоятельства, указанного в ст. 83 УК Республики Беларусь. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК Республики Беларусь и п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК Российской Федерации эти обстоятельства являются основаниями прекращения производства по уголовному делу как обстоятельства, исключающие такое производство. Порядок освобождения от уголовной ответственности по этому основанию в соответствии с уголовно-процессуальными законами этих государств одинаков.

Таким образом, одинаковыми основаниями прекращения производства по уголовному делу как по УПК Республики Беларусь, так и по УПК Российской Федерации являются: деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим. В какой-то мере схожи основания, предусмотренные ст. 88¹ УК Республики Беларусь, и ст. 76¹ УК Республики Беларусь. Назначение штрафа как основание освобождения от уголовной ответственности, предусмотренное ст. 76² УК Российской Федерации, согласно п. 1 ч. 2 ст. 86 УК Республики Беларусь является одной из мер, применяемых при прекращении производства по уголовному делу в связи с применением мер административного взыскания (п. 1 ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь). Причем имеются существенные различия в порядке применения штрафа по УПК Республики Беларусь и Российской Федерации. Если в соответствии со ст. 30 УПК Беларуси производство по уголовному делу может быть прекращено в связи с применением мер административного взыскания, в том числе с применением штрафа, судом, прокурором или следователем с согласия прокурора, то согласно ст. 25¹ УПК России производство по уголовному делу может быть прекращено в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа только судом.

В отличие от УК Республики Беларусь в уголовном законе России не предусмотрено основание освобождения от уголовной ответственности в связи с утратой деянием или лицом общественной опасности, а также при наличии оснований, предусмотренных ст. 20 УК, в отношении участника преступной организации или банды.

Согласно ст. 118 УПК Республики Беларусь несовершеннолетний может быть освобожден от уголовной ответственности с передачей его

под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, при соблюдении условий, указанных в этой статье, и порядка прекращения производства по уголовному делу, предусмотренного ст. 30 УПК. Такое основание освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности уголовным законом России не предусмотрено. Согласно п. «б» ч. 2 ст. 90 и ч. 1 ст. 92 УК Российской Федерации передача несовершеннолетнего под наблюдение родителей или лиц, их заменяющих, применяется судом как принудительная мера воспитательного воздействия в связи с освобождением от наказания.

Не отходя от исследуемой темы, хотелось бы отметить, что в науке по-разному трактуются основания освобождения от уголовной ответственности, изложенные в нормах материального и процессуального права. Некоторые авторы в зависимости от отрасли права разделяют основания на уголовно-правовые и уголовно-процессуальные [2, с. 14], отдельные ученые полагают, что в нормах уголовно-процессуального права речь идет не об основаниях, а об условиях освобождения от уголовной ответственности, прекращения уголовного преследования [3, с. 266].

Нам видится, что основания, при которых уполномоченные лица вправе прекратить производство по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности, содержатся в нормах уголовно-процессуального права, их перечень предусмотрен в ч. 1 и 2 ст. 30 УПК Республики Беларусь. Отдельный перечень оснований, по которым лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности, в процессуальном законодательстве России не содержится. На них лишь указано в соответствующих статьях УК Российской Федерации.

Каждое основание освобождения от уголовной ответственности содержит совокупность условий, при которых лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Эти условия указаны в нормах материального права, названных в ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь, к которым отсылает законодатель (совершение преступлений определенной категории, явка с повинной, возмещение причинного ущерба и др.). Схожие условия освобождения от уголовной ответственности содержатся в ст. 75–76² УК Российской Федерации.

Порядок реализации института освобождения от уголовной ответственности отражен в нормах процессуального законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации в виде прекращения производства по уголовному делу или прекращения уголовного преследования. В нормах процессуального права России,

в отличие от УПК Беларуси (ст. 30), законодатель не использует правовую категорию «освобождение от уголовной ответственности», но отсылает к соответствующим нормам материального права, регулирующим данный институт (ст. 25, 25¹, 28, 28¹ УПК Российской Федерации).

В главе 4 УПК Российской Федерации «Основания отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования» в отдельных статьях предусмотрено право суда, следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора *прекратить уголовное дело* в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК Российской Федерации) или *уголовное преследование* в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК Российской Федерации). *Уголовное преследование* по делам преступлений в сфере экономической деятельности прекращается судом, а также следователем с согласия руководителя следственного органа (ст. 28¹ УПК Российской Федерации).

Возникает вопрос, отождествляет ли российский законодатель категории «прекратить уголовное дело» и «прекратить уголовное преследование», придавая им однородное значение, либо правовые категории «примирение сторон» и «деятельное раскаяние» по-разному реализуются в процессуальном аспекте российского законодательства. Попробуем разобраться, что представляют собой процессуальные конструкции «прекратить уголовное дело» (российский вариант) или «прекратить производство по уголовному делу» (белорусский вариант) и «прекратить уголовное преследование», как они соотносятся с правовой категорией «освобождение от уголовной ответственности».

В законодательстве не содержатся определения указанных правовых конструкций, однако в науке выработано множество различных подходов к понятию и соотношению данных категорий.

Е.Г. Васильева полагает, что производство по уголовному делу может осуществляться в трех режимах: уголовное преследование, производство о применении принудительных мер медицинского характера, производство о применении принудительных мер воспитательного воздействия. Рассматривая порядок прекращения производства по уголовному делу в режиме уголовного преследования, автор отмечает, что если в ходе производства по уголовному делу обнаруживаются *препятствия* для привлечения лица к уголовной ответственности, уголовное преследование прекращается. Если при этом уголовное преследование прекращается в отношении всех лиц, прекращению подлежит и само производство по уголовному делу. Обращаясь к авторскому понятию

«прекращение уголовного преследования» можно сделать вывод о том, что автор под «препятствием» понимает «предусмотренные законом обстоятельства», при обнаружении которых продолжение реализации уголовной ответственности становится невозможным или нецелесообразным [4, с. 239].

Л.П. Веницкий постановление о прекращении уголовного дела и постановление о прекращении уголовного преследования относит к процессуальным формам освобождения от уголовной ответственности, при этом прекращение уголовного преследования в отличие от прекращения уголовного дела является исключительно индивидуальным актом и постановление о прекращении уголовного преследования выносится в отношении конкретного лица. В то же время автор отмечает, что УПК Российской Федерации дифференцирует процессуальные способы освобождения от уголовной ответственности применительно к различным основаниям освобождения от уголовной ответственности. Анализируя положение ст. 25 УПК Российской Федерации, указанный автор отмечает, что законодатель абсолютно верно указал форму освобождения от уголовной ответственности в виде прекращения уголовного дела, поскольку примирение должно быть достигнуто между потерпевшим и каждым обвиняемым, а прекратить уголовное преследование в отношении отдельного лица недопустимо [5, с. 11].

Если данное положение брать за искомое, то по какой причине в диспозиции ст. 25 УПК Российской Федерации говорится о том, что уполномоченное лицо вправе «прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления», т.е. в отношении конкретного лица. В ст. 28 УПК Российской Федерации уже говорится про возможность прекращения уголовного преследования в отношении конкретного лица, в то время как прекращение уголовного преследования не влечет прекращения производства по уголовному делу в целом. Кроме этого, если исходить из того, что уголовное преследование осуществляет орган дознания, следователь и прокурор в ходе предварительного расследования на досудебных стадиях уголовного процесса, то каким образом суд может прекратить уголовное преследование на стадии судебного разбирательства, когда такими полномочиями не наделен.

Стоит поддержать позицию С.Ю. Солониной, которая указывает на то, что в отличие от следователя и дознавателя суд не может ни осуществлять, ни непосредственно прекратить уголовное преследование, так как *уголовное преследование* – это функция не суда, а стороны обвинения [6, с. 882].

В нашем же понимании уголовное пресле-

дование не является функцией обвинения, а выступает отдельной самостоятельной функцией уголовного процесса, осуществляемой на досудебных стадиях.

Говорить о прекращении уголовного преследования можно только до окончания предварительного расследования и передачи уголовного дела прокурору для направления в суд, т.е. до того момента, когда уголовное преследование лиц, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, завершено [3, с. 265].

На неоднозначность использования анализируемых конструкций указывают как белорусские, так и российские исследователи [7, с. 29; 8, с. 55; 9, с. 5].

Белорусский законодатель, несмотря на то, что включает ст. 30 УПК Республики Беларусь в главу 3 «Уголовное преследование», не использует в ней само понятие «уголовное преследование», а наделяет суд, прокурора и следователя с согласия прокурора правом «прекратить производство по уголовному делу» и «освободить лицо от уголовной ответственности».

Анализируя нормы уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, можно сделать вывод, что формой процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности является постановление о прекращении производства по уголовному делу и освобождении от уголовной ответственности.

Возникает вопрос, какова будет форма такого решения в том случае, если решение об освобождении от уголовной ответственности принимается в отношении отдельного лица, в то время как по уголовному делу признано несколько подозреваемых (обвиняемых).

В правоприменительной практике независимо от числа лиц, признанных по уголовному делу подозреваемыми (обвиняемыми), принимается решение в форме постановления о прекращении производства по уголовному делу и освобождении конкретного лица от уголовной ответственности.

Обращаясь к ч. 2 ст. 250 УПК Республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что уголовное преследование прекращается «при недоказанности участия подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств», при этом производство по уголовному делу продолжается. При таком подходе, процессуальная конструкция «прекращение уголовного преследования» с освобождением от уголовной ответственности конкретного лица с одновременным продолжением производства

по уголовному делу, в белорусском законодательстве, равно как и в российском, не действует.

Надо понимать, что по белорусскому и российскому законодательству неопровержимым условием освобождения лица от уголовной ответственности является доказанность виновности лица в совершенном преступлении. Прекратить же уголовное преследование по основанию вышеприведенных норм УПК Беларуси возможно только при недоказанности его участия в совершении преступления. Исходя из сказанного, при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности одного подозреваемого (обвиняемого), когда по уголовному делу признано несколько подозреваемых (обвиняемых), верным видится выделить материалы в отношении лица, по которому решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности, в отдельное производство с последующим его прекращением.

Обращаясь к ч. 3 ст. 250 УПК Республики Беларусь, которая разрешает прекращать уголовное преследование в отношении отдельных подозреваемых (обвиняемых) в том случае, если основания к прекращению уголовного преследования относятся не ко всем подозреваемым или обвиняемым, становится не совсем понятно, на какие основания указывает законодатель. Относятся ли к таким основаниям уголовного преследования основания, изложенные в ст. 30 УПК Республики Беларусь?

Данный вопрос нашел свое разрешение в п. 7 комментария к ст. 250 УПК Республики Беларусь, где указано, что уголовное преследование в отношении отдельных подозреваемых, обвиняемых может быть прекращено также по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 29 и ч. 1 и 1^а ст. 30 УПК. В частности, в отношении отдельных подозреваемых, обвиняемых прокурором или следователем с согласия прокурора может быть прекращено уголовное преследование в связи с освобождением от уголовной ответственности при наличии оснований, указанных в ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь [10, с. 709]. Как видно, комментарий расширенно толкует применение данного положения на практике, и разрешает прекращать уголовное преследование в отношении отдельного лица в связи с освобождением его от уголовной ответственности, когда само производство по уголовному делу продолжается в отношении иных подозреваемых (обвиняемых). Исходя из положений комментируемой статьи, становится понятно, что формой процессуального решения об освобождении от уголовной ответственности является постановление о прекращении уголовного преследования в отношении конкретного лица и освобождении его от уголовной ответственности.

Неразрешенным остается вопрос о применении такой процессуальной формы решения и прекращении уголовного преследования в отношении лица, которое признано по уголовному делу обвиняемым. Поскольку на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого уголовное преследование уже завершено, то при прекращении уголовно-процессуальной деятельности по основаниям, предусмотренным ст. 30 УПК, прекращается не уголовное преследование, а обвинение [11, с. 53].

Принимая во внимание тот факт, что виновность лица в совершенном преступлении констатируется в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, то освободить от уголовной ответственности возможно только лицо, признанное обвиняемым по уголовному делу. В таком случае, при принятии решения об освобождении отдельного лица от уголовной ответственности с одновременным продолжением производства по уголовному делу в отношении иных обвиняемых должна использоваться правовая конструкция «прекращение обвинения». Процессуальной формой такого решения будет являться постановление о прекращении обвинения конкретного лица с освобождением его от уголовной ответственности.

Заключение. По результатам сравнительного исследования уголовно-процессуального законодательства Беларуси и России видно, что в законодательстве обеих стран предусмотрены схожие основания освобождения от уголовной ответственности, однако порядок их применения различен. В законодательстве указанных государств наравне с правовой конструкцией «прекращение производства по уголовному делу» («прекращение уголовного дела») используется понятие «прекращение уголовного преследования». В отличие от законодательства Российской Федерации, где категории «прекращение уголовного дела» и «прекращение уголовного преследования» могут использоваться при освобождении лица от уголовной ответственности, в законодательстве Республики Беларусь строго определено, что уголовное преследование прекращается только при недоказанности участия подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. В процессуальной науке уголовное преследование как уголовно-процессуальная деятельность выступает отдельной функцией, осу-

ществляемой на досудебных стадиях уголовного процесса. Конкретизация отдельных процессуальных форм в уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь освобождения от уголовной ответственности в законодательной плоскости устранил затруднения в применении процессуальных норм в практической деятельности государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцева, Л.Л. Прекращение производства по делу с освобождением от уголовной ответственности: спорные вопросы правоприменения / Л.Л. Зайцева // Уголовный процесс и криминалистика: история и современность: Криминалистические чтения памяти заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Н.И. Порубова: материалы междунар. науч.-практ. конф. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: И.В. Данько (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2015. – Ч. 1. – С. 119–127.
2. Сухарева, Н.Д. Проблемы соотношения уголовного и уголовно-процессуального закона при прекращении уголовного преследования / Н.Д. Сухарева // Российский следователь. – 2002. – № 12. – С. 13–14.
3. Шостак, М.А. Прекращение уголовного преследования с освобождением лица от уголовной ответственности / М.А. Шостак, И.А. Горовая // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки. – 2010. – № 10. – С. 264–269.
4. Васильева, Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу / Е.Г. Васильева. – М.: Юрлитинформ, 2006. – 304 с.
5. Виницкий, Л.В. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования: монография / Л.В. Виницкий, А.А. Русман, Г.С. Русман; под ред. Н.И. Мацнева. – М.: «Юрлитинформ», 2011. – 152 с.
6. Солонина, С. Ю. Прекращение уголовного дела и прекращение уголовного преследования: соотношение понятий / С.Ю. Солонина // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 881–883.
7. Кукреш, Л. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты / Л. Кукреш, Э. Саркисова // Юстыцыя Беларусі. – 2012. – № 3. – С. 26–30.
8. Данько, И. Уголовное преследование: взгляд на проблему / И. Данько // Суд. весн. – 2004. – № 3. – С. 55–57.
9. Томин, В. Соотношение уголовного материального и процессуального законодательств / В. Томин, В. Сверчков // Законность. – 2002. – № 5. – С. 5–8.
10. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
11. Горовая, И.А. Прекращение уголовного процесса преследования / И.А. Горовая, М.А. Шостак; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2017. – 150 [2] с.

Поступила в редакцию 11.10.2017 г.

Административное задержание как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении и установление личности задержанного

Самбор Н.А.

Прилукский отдел полиции Главного управления Национальной полиции в Черниговской области

В статье рассматриваются вопросы, связанные с применением меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении – административного задержания с целью установления личности.

Цель работы – исследование мер, которые могут быть предприняты для установления личности как основания для применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении – административного задержания в контексте обеспечения основоположных прав, свобод и интересов личности, в первую очередь, свободы и неприкосновенности личности.

Материал и методы. Материалом исследования избраны конституционные основания для административной ответственности Украины, Российской Федерации, Польской Республики и Республики Греция, а также нормы национального административно-деликтного законодательства Украины, Российской Федерации, определяющие порядок и возможные механизмы установления личности задержанного. Основным методом избран сравнительно-правовой. В процессе исследования использованы структурно-функциональный метод, а также метод дедукции, формально-юридический метод познания юридической действительности.

Результаты и их обсуждение. Исходя из проведенного анализа формируется содержательное наполнение понятия «сведения о личности задержанного и правонарушителя». Отдельное внимание акцентируется и на моменте задержания как отправной точке отсчета срока административного задержания.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее законодательство не дает исчерпывающего ответа на указанный вопрос. Вследствие такого состояния вещей, органы исполнительной власти стараются всячески «подогнать» нормативно-правовые акты к ведомственным интересам. Помимо указанного обстоятельства, позитивное право не дает ответа и на вопрос о механизме установления сведений о лице задержанного. Ведь отсутствуют нормативные предписания, которые определяли бы права уполномоченных лиц на конкретные действия, направленные на установление личности: фотографирование, дактилоскопирование, получение иных данных, по которым можно идентифицировать личность, в том числе и доступ к информационным ресурсам иных органов исполнительной власти, которые обладают соответствующими данными, позволяющими установить личность задержанного. Такое положение нормативно-правового регулирования нивелирует гарантии обеспечения права на свободу и неприкосновенность, а также иных естественных, социальных прав человека и гражданина.

Ключевые слова: меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, административное задержание, установление личности, сведения о личности задержанного.

Administrative Detention as a Measure to Ensure the Proceedings on an Administrative Offense and the Identification of the Detainee

Sambor N.A.

Pryluky City Police Department of the Main Administration of the National Police in Chernihiv Region

The article deals with issues related to the application of the measure of ensuring the proceedings in the case of an administrative offense – administrative detention for the purpose of identifying the person.

The purpose of the work is to investigate the measures that can be taken to establish the identity, as the basis for applying the measure of ensuring the proceedings in the case of an administrative offense – administrative detention in the context of ensuring the fundamental rights, freedoms and interests of the individual, and primarily freedom and personal inviolability.

Material and methods. The constitutional grounds for administrative responsibility of Ukraine, the Russian Federation, the Republic of Poland and the Republic of Greece, as well as the norms of the national administrative-delinquency legislation of Ukraine, the Russian Federation, determining the order and possible mechanisms for identifying the detainee, have been selected as the material for the study. The main method is the comparative legal method. In the process of the research, the structural and functional method, as well as the deduction method, the formal legal method of cognition of legal reality was used.

Findings and their discussion. Based on the analysis, a meaningful content of the notion of information about the identity of the detainee and the offender is formed. Special attention is also paid to the moment of detention, as the starting point to count of the duration of administrative detention.

Conclusion. The conducted research allows to draw a conclusion that the current legislation does not provide an exhaustive answer to this question. Owing to this state of affairs, the executive authorities are trying in every possible way to "adjust" the regulatory legal acts to departmental interests. In addition to the above, positive law does not provide an answer to the mechanism for establishing information about the person of the detainee. After all, there are no normative prescriptions that would determine the rights of authorized persons for specific actions aimed at identifying a person: photographing, fingerprinting, obtaining other data that can identify the individual, including access to information resources of other executive bodies that have relevant data, allowing to establish the identity of the detainee. This provision of regulatory legal regulation negates guarantees of ensuring the right to freedom and inviolability, as well as other natural, social rights of a person and a citizen.

Key words: measures to ensure the proceedings on an administrative offense, administrative detention, identification, information about the arrested person.

Права, свободы и интересы человека всегда были предметом если не всех, то значительного количества научных исследований. Конечно, не всегда права, свободы и интересы являются непосредственным предметом исследований, но они всегда входят в круг объекта того или иного исследования. Это вызвано, с одной стороны, важностью обозначенных категорий для общества, а с другой – исключительно эти категории могут быть ограничителем вседозволенности государства по отношению к социальным группам и отдельным гражданам.

Права человека выступают в качестве нормативной формы взаимодействия людей, упорядочения их связей, координации их поступков и деятельности, предотвращения противоречий, противоборства, конфликтов. По своему существу они нормативно формулируют те условия и способы жизнедеятельности людей, которые объективно необходимы для обеспечения нормального функционирования индивида, общества, государства. Эти нормативы основаны на принципах свободы, равенства, справедливости. Такие права, как право на жизнь, свободу, достоинство, неприкосновенность личности, свободу мнений, убеждений, автономию личной жизни, право на участие в политических процессах и др., являются необходимыми условиями устройства жизни человека в цивилизованном обществе и должны быть безоговорочно признаны и охраняемы государством [1, с. 217].

Права человека, их генезис, социальные корни, назначение – одна из «вечных» проблем социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находящаяся в центре внимания политической, правовой, этической, философской и религиозной мысли [1, с. 218]. Идеологическое, доктринальное обоснование прав человека – учение о естественных, прирожденных правах человека, которые независимы от усмотрения и произвола государ-

ственной власти; цель последней – обеспечение прав, изначально данных природой или творцом, – указывает Е.А. Лукашева [1, с. 219].

Вот почему И.Г. Шаблинский утверждает, что для общества и государства важнейшим критерием является расширение (или сужение) каталога прав человека, усиление или ослабление государственного (точнее бюрократического) контроля за реализацией этих прав [2, с. 47].

Осознавая приоритетность прав и свобод человека, их значимости в социальном устройстве, а также в механизме государства, их анализу посвящено множество работ. Каждое такое исследование рассматривает права и свободы под разной призмой, что в своем комплексе позволяет сформулировать общесоциальную доктрину прав и свобод человека.

Несмотря на проведенные масштабные социально-политические и правовые исследования прав, свобод и интересов, на современном этапе развития человека и общества, сама правоприменительная практика выявляет ряд вопросов, которые не имеют мотивированных ответов. Еще одним фактором, который открывает пробелы в исследовании прав, свобод и интересов, есть формирование новых отраслей права и законодательства, которые несмотря на «впитывание» основоположных принципов утверждения и обеспечения прав, свобод и интересов оставляют значительное поле для усмотрения законодателем механизма охраны и защиты прав, свобод и интересов. Ведь круг общественных отношений настолько широк и изменчив в условиях социально-экономических исторических и политических трансформаций, что доктрины прав, свобод и интересов просто не выдерживают своей нерушимости и требуют новых исследований, доказательства новых теорий и установления незыблемых аксиом. Вопросам исследования прав, свобод и интересов личности в административно-деликтном праве уделено недостаточное внимание.

Исходя из этого, целью данной статьи стало изучение мер, которые могут быть предприняты для установления личности как основания для применения меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении – административного задержания в контексте обеспечения основоположных прав, свобод и интересов личности, в первую очередь, свободы и неприкосновенности личности.

Материал и методы. Материалом исследования избраны конституционные основания для административной ответственности Украины, Российской Федерации, Польской Республики и Республики Греция, а также нормы национального административно-деликтного законодательства Украины, Российской Федерации, определяющие порядок и возможные механизмы установления личности задержанного. Основным методом избран сравнительно-правовой. В процессе исследования использованы структурно-функциональный метод, а также метод дедукции, формально-юридический метод познания юридической действительности.

Результаты и их обсуждение. Права, свободы и интересы человека имеют важнейшее методологическое значение не только для их утверждения и реализации, но и определяют состояние и развитие общества и общественных отношений в целом, уровень развития и характеристики государственности.

Вот почему С.С. Алексеев указывал, что функция позитивного права – выступать в качестве официального критерия юридической правомерности или неправомерности поведения [3, с. 380]. Очевидно, что в первую очередь для утверждения, а впоследствии и для осуществления прав, свобод и интересов необходимы веские и качественные нормативные предписания, находящие свое отображение в нормах действующего законодательства.

Право не создает, не порождает свободу, а лишь фиксирует ее наличие в обществе и вводит механизм защиты интересов личности. Право – официально установленный каталог свободы [4, с. 9]. Допустимость правомерного ограничения или самоограничения прав и свобод личности диктуется публичными интересами [4, с. 21] производства по делу об административном правонарушении. Поэтому важным является признание наличия прав, свобод и интересов у личности, которое отображается в законодательном установлении соответствующих норм.

Таким образом, существенным в утверждении прав и свобод выступает их конституционное закрепление и регулирование, что подчеркивает важность этих категорий для человека, государ-

ства и общества (безусловно, когда речь идет о правовом государстве, а не о тоталитарном, деспотичном, в котором права и свободы человека есть не что иное, как декларация, ни к чему не обязывающая государство). Так, в ст. 29 Конституции Украины [5] провозглашено, что каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никого не могут арестовать или содержать под стражей иначе как по мотивируемому решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом. Фактически аналогичное положение встречаем и в ст. 22 Конституции Российской Федерации [6], где читаем: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». Подобного содержания норму встречаем и в конституциях иных государств, к примеру, в ч. 3 ст. 5 Конституции Республики Греция [7] говорится о том, что личная свобода ненарушима. Никто не может преследоваться, арестовываться, заключаться в тюрьму или подвергаться какому-либо иному лишению свободы иначе как в случаях и формах, предусмотренных законом. Каждому обеспечивается личная неприкосновенность и личная свобода. Лишение или ограничение свободы может иметь место только в соответствии с принципами и порядком, определенными в законе, прописано в ст. 41 Конституции Польской Республики [8]. Исходя из проанализированного материала, можно сделать вывод о том, что свобода и неприкосновенность относятся к основополагающим естественным правам человека, которые находятся под государственной защитой, и любое посягательство на их ограничение или лишение недопустимо.

Возникает вопрос, можно ли ограничивать право на свободу и личную неприкосновенность? Как показывает отечественный и зарубежный конституционный опыт, в определенных, предусмотренных законом случаях допускается ограничение права человека на свободу и неприкосновенность. Подчеркивая значительность указанных прав и свобод, именно в конституционных нормах находят проявление и исключения из общих правил, а именно условия, при наличии которых возможно ограничение указанных прав и свобод. Для понимания порядка и условий ограничения права на свободу и личную неприкосновенность необходимо акцентировать внимание именно на отраслевом законодательстве, поскольку это условие оговорено и в конституционных нормах, в данном случае обратимся к законодательству об административных правонарушениях.

Остановимся подробнее на сфере регулирования административно-деликтного права.

Основным законодательным актом этой отрасли законодательства есть Кодекс Украины об административных правонарушениях [9] (далее КУоАП). Исходя из конституционных положений, именно в данном законодательном акте должна быть предусмотрена возможность ограничения права на свободу и неприкосновенность.

Ст. 260 КУоАП (меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях) указывает, что в случаях, прямо предусмотренных законами, в целях установления личности допускается административное задержание лица. В ч. 2 ст. 260 КУоАП говорится о том, что порядок административного задержания определяется КУоАП и иными законами. Практически аналогичную норму содержит Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее КоАП РФ), в ст. 27.1 которого речь идет о том, что в целях установления личности нарушителя уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять ряд мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, в том числе и административное задержание (п. 2 ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ).

Таким образом, со всей уверенностью можем говорить о том, что в данном вопросе соблюдения конституционных положений обеспечения права на свободу и личную неприкосновенность относительно выдержаны. Ведь, помимо существования законодательной нормы для возможности такого ограничения, конституционные положения указывают на необходимость наличия решения суда, чего в случаях применения административного задержания нет.

Как утверждается в положении Решения Конституционного Суда Украины от 11 октября 2011 года № 10-рп/2011 [10], на законодательном уровне содержание понятия «задержание» как административно-процессуального мероприятия не раскрыто, однако анализ положений пункта 5 части первой статьи 11 Закона (имеется в виду Закон Украины «О милиции», который на данный момент утратил силу – отмечено нами. – Н.С.) дает основания считать, что под задержанием законодатель понимает не только ограничение свободы лица, которое подозревается в совершении преступления, относительно которого избрана мера пресечения содержание под стражей обвиняемого лица (то есть криминально-процессуальные меры), но и административное задержание лица, которое совершило административное правонарушение (то есть административно-процессуальные меры).

Итак, основываясь на официальном толковании законодательства, сделанном органом конституционной юрисдикции – Конституционным Судом Украины, анализ норм позитивного права

позволяет сделать вывод о правомерности задержания лица как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении без наличия соответствующего решения суда. В данной статье мы не будем поднимать вопрос о содержании понятия «производство по делу об административном правонарушении», поскольку это не входит в цель нашего исследования, в то же время лишь отметим, что с содержательным наполнением данного словосочетания также существует ряд проблем, обусловленных неопределенностью данного понятия в теории и законодательстве.

Помимо всех озвученных проблем также не можем не обратить внимания и на такое понятие, как «момент задержания», от которого и начинает исчисляться срок задержания. Действующие нормы КУоАП не дают возможности четко определить момент задержания, что позволяет злоупотреблять этим пробелом в административно-деликтном законодательстве. Ведь нормы административно-деликтного законодательства только указывают на то, что об административном задержании складывается протокол, в котором указываются время и мотивы задержания (ч. 1 ст. 261 КУоАП). Данная норма позволяет двояко подходить к толкованию момента задержания, что негативно отображается на обеспечении прав, свобод и интересов лиц, которые задерживаются. Такое положение вещей тянет за собой часто необоснованное удержание задержанного, что приводит к прямому нарушению права на свободу и личную неприкосновенность. Обращаясь к аналогии закона, можем увидеть, что нормы Уголовного процессуального кодекса Украины [11] в ст. 209 четко предусмотрели, что лицо является задержанным с момента, когда оно силой или через подчинение приказу вынуждено оставаться рядом с уполномоченным служебным лицом или в помещении, определенном уполномоченным служебным лицом.

На наш взгляд, невозможно постоянно пользоваться аналогиями права и закона в вопросах обеспечения прав, свобод и интересов человека и гражданина. Как только правоприменительная практика изобличила такие пробелы их необходимо в максимально сжатые строки заполнять.

Наряду с установлением законности задержания как меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении указанная мера носит индивидуально-правоприменительный характер, то есть применяется к отдельному взятому лицу, подозреваемому в совершении административного правонарушения. В связи с этим архиважной является законность применения мер к конкретному лицу.

К примеру, в ст. 256 КУоАП констатируется то, что в протоколе об административном правонарушении наряду с иными обязательными данными указываются сведения о личности нарушителя. В то же время в нормах КУоАП императивно законодатель не предусматривает перечень таких данных о личности правонарушителя, которые, на наш взгляд, относятся к персональным данным, то есть представляют собой сведения или совокупность сведений о физическом лице, которое идентифицировано или может быть конкретно идентифицировано, и охраняются законом.

Согласно ст. 261 КУоАП об административном задержании также составляется протокол, где также указываются сведения о личности задержанного. Аналогичная по содержанию норма изложена и в ст. 27.4 КоАП РФ, которая гласит о том, что об административном задержании составляется протокол, в котором указываются сведения о задержанном лице. При этом нормы указанных статей КУоАП и КоАП РФ также не указывают, какими же должны быть сведения о личности задержанного.

Возникает вопрос: какие сведения о личности достаточны и необходимы для составления протокола об административном задержании? Во-первых, такие сведения должны быть достаточными для идентификации личности; во-вторых, они не должны быть чрезмерными и нарушать права человека, в том числе и необоснованного собирания и хранения данных органами власти и управления, которые (сведения) могут быть персональными данными отдельного взятого лица. К сожалению, ни нормы КУоАП, ни нормы КоАП РФ не раскрывают понятия «сведения о личности задержанного», также отсутствует и нормативный документ, которым были бы определены общие сведения, которые устанавливают (идентифицируют) физическое лицо. Углубившись в исследования подзаконных нормативно-правовых актов, к примеру, приказа МВД Украины от 06.11.2015 года № 1376 «Об утверждении Инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в органах полиции» [12], из содержания п. 6 раздела III Инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в органах полиции понимаем, что к сведениям о лице задержанного относятся фамилия, имя и отчество (без сокращения) задержанного, число, месяц, год его рождения, фактическое местожительство. Такое умозаключение можно сделать исключительно из формы бланка протокола об административном задержании, где предусматриваются соответствующие графы. Вследствие сказанного можем заключить, что на законодательном уровне указанный вопрос не

разрешен и полностью передан на усмотрение органов исполнительной власти, которые уполномочены на производство административного задержания. На наш взгляд, это не целесообразно, поскольку может привести к необоснованному собиранию персональных данных о лице и в дальнейшем противоправному их не только хранению, но и использованию, что приведет к нарушению прав, свобод и интересов личности. Помимо этого, в п. 9 раздела II Инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в органах полиции указывается, что помимо фамилии, имени и отчества лица, в отношении которого составляется протокол об административном правонарушении (подчеркиваем – не правонарушителя, ведь отсутствует правоприменительный акт, которым лицо признано виновным в совершении административного правонарушения, а протокол об административном правонарушении является не чем иным, как одним из источников доказательств, который не имеет никакого заведомо установленного преобладания над иными источниками доказательств), числа, месяца, года его рождения, фактического местожительства, также указываются место рождения, место регистрации, номер телефона, место работы или учебы.

Вместе с этим должны констатировать, что ни нормы КУоАП, ни подзаконных нормативно-правовых актов (например, приказ МВД Украины от 06.11.2015 года № 1376) не раскрывают, каким образом возможно установить такие сведения о задержанном. Кто-то может сказать, а как же паспорт?

Следовательно, переходим ко второй составляющей цели исследования – установление личности задержанного.

Согласно ст. 5 Закона Украины «О гражданстве Украины» [13] документами, которые подтверждают гражданство Украины, являются: 1) паспорт гражданина Украины; 2) свидетельство о принадлежности к гражданству Украины; 3) паспорт гражданина Украины для выезда за границу; 4) временное удостоверение гражданина Украины; 5) проездной документ ребенка; 6) дипломатический паспорт; 7) служебный паспорт; 8) удостоверение личности моряка; 9) удостоверение члена экипажа; 10) удостоверение личности на возвращение в Украину.

Во-первых, отметим, что из указанных документов, безусловно, можно почерпнуть все необходимые данные, но вот в чем загвоздка: должны ли граждане всегда иметь при себе эти документы. Исходя из анализа содержания Положения о паспорте гражданина Украины, утвержденного Постановлением Верховной Рады Украины от

02.09.1993 года [14], в обязанности гражданина не входит постоянно носить с собой паспорт.

Во-вторых, это перечень документов, подтверждающих гражданство, а никоим образом не личность, ведь задержанию могут быть подвергнуты и лица без гражданства и иностранцы.

Для такого случая в п. 9 раздела II Инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в органах полиции указывается, что документ, который удостоверяет лицо правонарушителя, есть: 1) паспорт, указывается следующая информация: серия, номер паспорта, дата выдачи и название учреждения, которое его выдало; 2) иной документ, указывается также серия, номер этого документа, который удостоверяет лицо, дата выдачи и наименование предприятия, учреждения, организации, которые его выдали. К ним относятся служебное или пенсионное удостоверение, студенческий билет. Но как установить такой документ в Инструкции по оформлению материалов об административных правонарушениях в органах полиции, не указывается.

Итак, для установления лица необходима лишь часть информации, а значительно больше информации требуется для составления протокола об административном правонарушении. В связи с этим возникает вопрос, а как же и когда устанавливать оставшуюся большую часть персональных данных задержанного, в отношении которого по истечении срока задержания необходимо будет составлять протокол об административном правонарушении и освободить.

В дальнейшем исследовании, поскольку прямой путь поиска документов, подтверждающих лицо человека не установлен, используем обратную связь, а именно изучим полномочия соответствующих органов (полиции), уполномоченных производить административное задержание.

Согласно п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона Украины «О Национальной полиции» [15] полиция наполняет и поддерживает в актуальном состоянии базы (банки) данных, которые входят в единую информационную систему Министерства внутренних дел Украины, касательно лиц, задержанных по подозрению в совершении правонарушений (административное задержание, задержание согласно поручениям органов правопорядка, задержание лиц органами досудебного расследования, административный арест, домашний арест). Ч. 2 ст. 28 Закона Украины «О Национальной полиции» гласит о том, что во время наполнения баз (банков) данных, определенных в пункте 7 части первой ст. 28 Закона Украины «О Национальной полиции», полиция обеспечивает сбор, накопление мультимедийной информации (фото, видео-, звукозапись) и биоматематических данных (дак-

тилокарты, образцы ДНК). В то же время в ст. 23 Закона Украины «О Национальной полиции» «Основные полномочия полиции» не указано право полицейских на фото- и видеозапись, дактилоскопирование и т.д. лиц, подверженных административному задержанию. Лишь в ст. 31 Закона Украины «О Национальной полиции» указано, что к превентивным полицейским мерам относится применение технических приборов и технических средств, которые имеют функции фото- и киносъемки, видеозаписи, средств фото- и киносъемки, видеозаписи (п. 9 ч. 1 ст. 31). В то же время ст. 40 Закона Украины «О Национальной полиции» ведет речь о том, что полиция для обеспечения публичной безопасности и порядка может закреплять на форменной одежде, служебных транспортных средствах, монтировать/размещать по внешнему периметру дорог и зданий автоматическую фото- и видеотехнику, а также использовать информацию, полученную из автоматической фото- и видеотехники, которая находится в чужом владении, с целью: 1) предупреждения, выявления или фиксирования правонарушения, охраны общественной безопасности и собственности, обеспечения безопасности лиц; 2) обеспечения соблюдения правил дорожного движения. Информация о смонтированной/размещенной автоматической фототехнике и видеотехнике должна быть размещена на видном месте. И ни единого слова в данном законодательном акте нет о проведении целенаправленного фотографирования конкретного человека с целью идентификации личности с помощью фототехники, которая не работает в автоматическом режиме и используется исключительно во время административного задержания по отношению к задержанному.

Анализируя подзаконные нормативно-правовые акты, отметим, что на данный момент вообще отсутствуют нормы, которые регламентировали бы фотографирование лиц, их дактилоскопирование именно полицейскими. Единственный нормативно-правовой акт, которым до сих пор пользуются полицейские, – это приказ МВД Украины от 11.09.2001 года № 785 «Об утверждении Инструкции о порядке функционирования дактилоскопического учета экспертной службы МВД Украины» [16]. В п. 1.5 Инструкции о порядке функционирования дактилоскопического учета экспертной службы МВД Украины указывается, что работники ОВД (хотя согласно Закону Украины «О Национальной полиции», иным законодательным актам, в том числе и нормам Закона Украины «О центральных органах исполнительной власти», Национальная полиция Украины есть центральный орган исполнительной власти, деятельность которой направляется и координи-

ируется Кабинетом Министров Украины через Министра внутренних дел Украины согласно закону, и соответственно, не входит в структуру органов внутренних дел – отмечено нами. – Н.С.) в соответствии с действующим законодательством проводят дактилоскопирование лиц, которые: задержаны по подозрению в совершении преступления или за бродяжничество; заключены под стражу; обвиняются в совершении преступления; подданные административному аресту. И ни одного слова о задержанных.

Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что на протяжении уже более чем года, в соответствии с нормами Закона Украины «О Национальной полиции» не приведены ведомственные нормативно-правовые акты, не внесены изменения или не утвержден новый приказ, нормы которого регламентировали бы процедуры дактилоскопирования, фотографирования, отображения образцов ДНК, иных биоматериалов или проведения антропологических измерений и т.д.

Отдельно отметим, что как вариант установления личности можно было использовать возможности подразделений гражданства, иммиграции и регистрации физических лиц, которые были в составе органов внутренних дел. Однако в связи с реформированием МВД, указанная служба была выделена из состава МВД и на ее основании создан новый центральный орган исполнительной власти – государственная миграционная служба. И теперь, чтобы узнать персональные данные на лицо (проверить лицо), необходимо пройти весь бюрократический процесс – подача запроса, получение ответа, а между этим промежутком времени от 3 до 30 дней, что всецело «укладывается» в сроки административного задержания – 3 часа.

За исключением всего сказанного, действующее законодательство гарантирует лицам, подверженным административному задержанию, право на бесплатную правовую помощь. Исследуем это направление, возможно, в нем можно найти ответ на вопрос, а что же входит в содержание понятия «сведения о личности задержанного».

Согласно с п. 3 ч. 1 ст. 14 Закона Украины «О бесплатной правовой помощи» от 2 июня 2011 года [17] право на бесплатную вторичную правовую помощь согласно этому закону и другим законам Украины имеют лица, к которым применено административное задержание, – на правовые услуги, предусмотренные пунктами 2 и 3 ч. 2 ст. 13 Закона Украины «О бесплатной правовой помощи», а именно, на осуществление представительства интересов лиц, которые имеют право на бесплатную вторичную правовую помощь, в судах, других государственных органах, орга-

нах местного самоуправления, перед другими лицами; составление документов процессуального характера. В Порядке информирования центров из предоставления бесплатной вторичной правовой помощи в случаях задержания, административного ареста или применения меры пресечения в виде держания под стражей, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Украины от 28 декабря 2011 года № 1363 [18], указывается, что немедленно после фактического задержания лица субъект представления информации сообщает соответствующему региональному центру по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи такие сведения: фамилия, имя, отчество и дата рождения задержанного лица (если они известны). Таким образом, видим, что указанные сведения о лице задержанного лишь частично соотносятся с теми, которые установлены в приказе МВД Украины от 06.11.2015 года № 1376. Указанное несоответствие, на наш взгляд, связано с положениями ч. 2 ст. 261 КУоАП, а именно то, что о месте пребывания лица, задержанного за совершение административного правонарушения, немедленно сообщаются его родственники, а по его просьбе, также владелец соответствующего предприятия, учреждения, организации или уполномоченный им орган. Подобное предписание, но только не императивного характера, содержится и в ч. 3 ст. 27.3 КоАП РФ, где указывается, что по просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник.

Заключение. Подытоживая исследования, направленные на установление содержания понятия «сведения о лице задержанного», приходим к выводу о том, что действующее законодательство не дает исчерпывающего ответа на указанный вопрос. Вследствие такого состояния вещей органы исполнительной власти стараются всячески «подогнать» нормативно-правовые акты к ведомственным интересам. Помимо указанного обстоятельства, позитивное право не дает ответа и на вопрос о механизме установления сведений о лице задержанного. Ведь отсутствуют нормативные предписания, которые определяли бы права уполномоченных лиц на конкретные действия, направленные на установление личности: фотографирование, дактилоскопирование, получение иных данных, по которым можно идентифицировать личность, в том числе и доступ к информационным ресурсам иных органов исполнительной власти, которые обладают соответствующими данными, позволяющими установить личность задержанного.

Кто-то теперь скажет, что нет ничего проще, чем установить личность. Вот элементарная

задача правоприменительной практики: в ночное время в сквере правоохранители увидели человека, чьи действия содержали признаки состава административного правонарушения, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 173 КУоАП или ст. 20.1 КоАП РФ (мелкое хулиганство). Человек находится в сквере один, при нем отсутствуют какие-либо документы. Каким образом установить личность правонарушителя? Очевидно, что согласно нормам административно-деликтного законодательства есть все основания для его задержания. Последний задерживается на 3 часа, о факте задержания сообщается в центр предоставления бесплатной вторичной правовой помощи. И какие же действия могут предпринять полицейские, направленные на установление личности задержанного, в условиях, когда правонарушитель отказывается от общения с правоохранителями (ведь у лица нет обязанности называть свои персональные данные при общении). По сути, правоохранители в рамках действующего законодательства не имеют практических прав, в рамках существующих полномочий, которые позволили бы на протяжении 3 часов установить личность. Вот почему Internet-сеть изобилует роликами, в которых обличают несостоятельность и некомпетентность должностных лиц правоохранительных органов по установлению лиц задержанных и, соответственно, правонарушителей. Но ведь это не непрофессионализм, а отсутствие законодательного регулирования указанного вопроса.

При этом считаем, что использование «креативных» подходов к установлению личности задержанного, толкованию норм, связанных с ограничениями или, что еще более опасно, лишениями отдельных прав, свобод и интересов личности, и, тем более, к такому правоприменению недопустимо. Только тогда можно говорить о правовом государстве, о гарантированности защиты гражданина в таком государстве, когда его уполномоченные на применение государственного принуждения органы и должностные лица будут действовать исключительно в соответствии с нормами действующего законодательства, а не пользоваться коллизиями, пробелами в законодательстве в целях достижения хотя и социально значимых целей, однако внеправовыми методами.

Действительно, основное внимание сосредотачивается вокруг социально-экономических вопросов правового регулирования, остальные – оттесняются на второй, третий и т.д. планы. Но как можно заботиться о повышении социальных стандартов жизни человека, когда государство оставляет за собой возможности своевольного ограничения прав, свобод и интересов личности без всякого их правового регулирования.

Таким образом, считаем, что необходимо провести инвентаризацию нормативных документов, связанных с ограничениями прав, свобод и интересов личности в производстве по делам об административных правонарушениях. На наш взгляд, необходимо: 1) Общую часть КУоАП дополнить статьей «Сведения о личности, в отношении которой составляется протокол», в которой прямо предусмотреть необходимые и достаточные данные о лице, которые необходимы для установления его личности, составления протокола, а также не допустить необоснованного собирания, хранения и использования персональных данных такого лица; 2) Главу 20 КУоАП «Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» дополнить статьей 261¹ «Момент административного задержания», в которой предусмотреть, что лицо является задержанным с момента, когда оно силой или через подчинение приказа вынуждено оставаться рядом с уполномоченным служебным лицом или в помещении, определенном уполномоченным служебным лицом. В указанной статье предусмотреть условия, порядок и сроки доставления, а также то, что время доставления охватывается временем административного задержания; 3) предусмотреть права и обязанности задержанных лиц, в отношении которых составляется протокол об административном задержании, на информацию; 4) законодательно определить права и обязанности уполномоченных на административное задержание органов и их должностных лиц по применению мер по установлению личности задержанного (какие меры можно проводить, какую информацию и документы истребовать).

Подытоживая сказанное, отметим, что без качественного нормативного регулирования процедуры задержания невозможно обеспечение в первую очередь права на свободу и неприкосновенность, а также иных естественных, социальных прав человека и гражданина. Исключительно законность деятельности уполномоченных на административное задержание органов власти и их должностных лиц, направленная на охрану и защиту прав, свобод и интересов личности, может обеспечить реализацию принципа верховенства права в административно-деликтном праве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / [Н.В. Варламова [и др.]]; под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
2. Шаблинский, И.Г. Развитие российского конституционного права в 2009–2014 гг. и состояние демократических институтов / И.Г. Шаблинский // Всероссийский научный журнал «Вопросы правоведения». – 2016. – № 1. – С. 46–64.

3. Алексеев, С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справ. том.] / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – Т. 7: Философия права и теория права. – 520 с.
4. Петрухин, И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение (Общая концепция. Неприкосновенность личности) / И.Л. Петрухин. – М.: Наука, 1985. – 240 с.
5. Конституція України від 28.06.1996 року. – Режим доступа: URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/print1446125276443275>. – Дата доступа: 28.01.2017.
6. Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 года. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 23.01.2017.
7. Конституция Республики Греция от 09.06.1975 года. – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.su/book_z2021_page_10.html. – Дата доступа: 23.01.2017.
8. Конституція Польської Республіки від 02.04.1997 року. – Режим доступа: <http://blog.vladey.com.ua/konstytuciya-polsko%D1%97-respubliki-ukra%D1%97nnskoymovoju/>. – Дата доступа: 23.01.2017.
9. Кодекс України про адміністративні правопорушення від (статті 1–212–20). – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/80732-10/print1433742303206053>. – Дата доступа: 28.01.2017.
10. Рішення Конституційного Суду від 11 жовтня 2011 року № 10-рп/2011 у справі № 1-28/2011 за конституційним поданням 50 народних депутатів України щодо відповідності Конституції України (конституційності) окремих положень статті 263 Кодексу України про адміністративні правопорушення та пункту 5 частини першої статті 11 Закону України «Про міліцію» (справа про строки адміністративного затримання). – Режим доступа: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/v010p710-11/print1390926143426642>. – Дата доступа: 29.01.2015.
11. Кримінальний процесуальний кодекс України, Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям Кримінального процесуального кодексу України»: чинне законодавство з 19 листопада 2012 року: (офіц. текст). – К.: ПАЛИВОДА А.В., 2012. – 382 с. – (Кодекси України).
12. Про затвердження Інструкції з оформлення матеріалів про адміністративні правопорушення в органах поліції: наказ МВС України від 06.11.2015 року № 1376. – Режим доступа: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/z1496-15/print1443603211548810>. – Дата доступа: 23.01.2017.
13. Про громадянство України: закон України від 18.01.2001 року. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/2235-14/print1452685568107177>. – Дата доступа: 23.01.2017.
14. Про внесення змін і доповнень до Положення про паспорт громадянина України, затвердженого Постановою Верховної Ради України «Про затвердження положень про паспорт громадянина України та свідоцтво про народження»: постанова Верховної Ради України від 02.09.1993 року № 3423-XII. – Режим доступа: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/3423-12>. – Дата доступа: 23.01.2017.
15. Закон України «Про Національну поліцію»: набирає чинності з 7 листопада 2015 року. – Х.: Право, 2015. – 84 с.
16. Про затвердження Інструкції про порядок функціонування дактилоскопічного обліку експертної служби МВС України: наказ МВС України від 11.09.2001 року № 785. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/z1066-01/print1452685568107177>. – Дата доступа: 23.01.2017.
17. Про безоплатну правову допомогу: закон України від 2 червня 2011 року. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3460-17/print1433742303206053>. – Дата доступа: 28.01.2017.
18. Про затвердження Порядку інформування центрів з надання безоплатної вторинної правової допомоги про випадки затримання, адміністративного арешту або застосування запобіжного заходу у вигляді тримання під вартою: постанова Кабінету Міністрів України від 28 грудня 2011 року № 1363. – Режим доступа: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1363-2011-%D0%BF/print1452685568107177>. – Дата доступа: 28.01.2017.

Поступила в редакцію 08.09.2017 г.

УДК 342.53(476)

Систематизация норм, закрепляющих правовой статус органов представительной власти

Козак М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова»

В настоящее время необходим новый подход к трактовке правового статуса представительных органов, расширению сферы их деятельности, четкого фиксирования их субъектного состава, определения и закрепления выполняемых ими функций, это возможно через анализ и упорядочение правовых норм, закрепляющих их функционирование.

Цель статьи – на основе систематизации и объединения всего массива законодательства, регулирующего деятельность представительных органов, классифицировать акты по различным основаниям для их последующего анализа.

Материал и методы. Нормативно-правовую базу статьи составили Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Единого правового классификатора Республики Беларусь», а также правовая база, закрепляющая правовой статус и функционирование представительных органов. Научно-теоретической базой послужили труды белорусских и российских правоведов. В качестве основных методов использовались анализ, синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируется расположение актов законодательства, регулирующих деятельность органов представительной власти в Едином правовом классификаторе (ЕПК). Отдельные блоки актов конституционного законодательства, разделенные в ЕПК, регулирующие правовой статус представительных органов, свидетельствуют о том, что в структуре государственной власти представительные органы не объединены в единую систему. Считаем, что необходимо объединить все представительные органы в систему, что в дальнейшем поможет объединить весь массив законодательства о представительных органах в единый блок по принципу – общее направление деятельности и объединить в ЕПК под одним общим номером «01.10».

Заключение. Нам представляется необходимым принять Кодекс о представительной власти, что позволит объединить, унифицировать разрозненные правовые нормы в области правового регулирования представительной власти, заполнить существующие пробелы конституционного законодательства и, самое главное, признать в нашей правовой системе сам институт представительной власти, закрепив его легальное определение.

Ключевые слова: органы, представительные органы, власть, кодекс, систематизация, блок конституционного законодательства, классификатор.

Systematization of Norms Which Establish the Legal Status of Representative Authorities

Kozak M.A.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

A new approach to the interpretation of the legal status of representative authorities, to expansion of their operation area, to clear establishment of their subject composition, to identification of their functions is needed at present. This becomes possible through the analysis and regulation of legal norms which establish their functioning.

The purpose is to classify acts in accordance with different caused for their further analysis on the basis of systematization and joining of the whole legislation body which regulates representative body operation.

Material and methods. The normative legal basis of the article is Law of the Republic of Belarus "On Normative Legal Acts", President of the Republic of Belarus Decree "On the Approval of the Unified Legal Classificatory of the Republic of Belarus" as well as the legal base which establishes the legal status and functioning of representative bodies. The scientific theoretical basis is works by Belarusian and Russian law scientists. The main methods are analysis, synthesis and modeling.

Findings and their discussion. The place of legislation acts which regulate the operation of representative authorities in the Unified Legal Classificatory (ULC) is analyzed in the article. Some blocks of Constitution legislation acts, which are split in ULC and regulate the legal status of representative bodies, testify to the fact that within the structure of state power representative bodies are not joined into a unified system. We believe that it is necessary to unite all representative bodies into a system, which will further make it possible to join the whole legislative body on representative authorities into one block according to the general operation direction and include into ULC with the number of 01.10

Conclusion. We consider it important that the Representative Authority Code should be adopted which will make it possible to unite, unify separate legal norms in the field of legal regulation of representative authority, to fill the existing gaps of the Constitution legislation, and, which is most important, to recognize the institution of representative authority in our legal system by establishing its legal definition.

Key words: bodies, representative bodies, authority, code, systematization, Constitution legislation block, classificatory.

Белорусская правовая система в целом – это меняющийся, постоянно обновляющийся массив правовых актов, регулирующий все сферы жизнедеятельности общества. Как общество, так и государство эволюционирует, постоянно меняются институты, их функции, изменяется оценка уже устоявшихся истин. Особо внимания заслуживает такой феномен, как пути нахождения новых направлений реализации основного предназначения государства – защита интересов своих граждан через деятельность государственных органов. Необходимо повышение уровня эффективности работы органов, что зависит напрямую от уровня удовлетворенности граждан, от решения проблем, которые их беспокоят. Первыми в структуре государственных органов, которые должны напрямую взаимодействовать

с гражданами, являются представительные органы. К представительным органам автор относит Президента, Парламент, местные Советы депутатов всех уровней, к органам представительной власти – дополнительно – Всебелорусское народное собрание и органы территориального общественного самоуправления. Названные органы-институты должны постоянно совершенствоваться, подстраиваться под веяния времени, соответствовать запросам граждан. Чтобы быть проводником интересов граждан, их полномочия и деятельность не должны быть статичными. В настоящее время необходим новый подход к упорядочению правового статуса представительных органов, расширению сферы их деятельности, четкого фиксирования их субъектного состава, определения и закрепления выполняемых ими функций.

Цель – на основе систематизации и объединения всего массива законодательства, регулирующего деятельность представительных органов, классифицировать акты по различным основаниям для их последующего анализа.

Материал и методы. Нормативно-правовую базу статьи составили: Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», Указ Президента Республики Беларусь «Об утверждении Единого правового классификатора Республики Беларусь», а также правовая база, закрепляющая правовой статус и функционирование представительных органов. Научно-теоретическую базу составили труды белорусских и российских правоведов. В качестве основных методов использовались анализ, синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение. В рамках данной статьи предлагаем рассмотреть одно из направлений совершенствования правового статуса представительных органов – проведение систематизации правовых актов, устанавливающих правовой статус органов представительной власти. Проблеме систематизации белорусского законодательства в целом уделено внимание в работах белорусских авторов, таких как С.А. Балашенко, С.Г. Дробязко, Г.А. Василевич, Е.В. Гарбузова, М.Г. Гриневич, С.А. Калинин, И.И. Пляхимович, Н.В. Сильченко, М.Ф. Чудаков, В.А. Шаршун, А.С. Шилович. В то же время, несмотря на то, что имеются исследования в заявленной нами области, не получили широкого освещения особенности и проблемные моменты в вопросе систематизации законодательства, регулирующего деятельность органов представительной власти.

Данное направление актуально тем, что систематизация и объединение всего массива законодательства, регулирующего деятельность представительных органов, и последующий анализ этих нормативных правовых актов помогут выявить несоответствия между правовыми статусами всех органов представительной власти, тождественность их полномочий, соблюдение иерархии между органами при осуществлении их деятельности, отследить иерархию нормативных правовых актов, принимаемых представительными органами. По мнению современного белорусского теоретика права С.А. Калинина, именно «систематизация как непрерывный процесс, осуществляемый в различных формах.., позволяет преодолеть разрозненность всей совокупности актов, обеспечить их сбалансированность за счет усиления системных свойств права, сокращения количества нормативных правовых актов, усиления роли кодексов (законов)» [1, с. 16]. Отметим, что еще в 60-е годы прошлого столетия систематизацию относили к процессу совершенствова-

ния юридических норм, что «... означает создание стройной системы в соответствии с особенностями правового регулирования различных видов общественных отношений, установление необходимой связи, соподчинения и координации этих норм» [2, с. 5]. Данное заключение поддерживает и белорусский ученый С.Г. Дробязко, соотнося понятие «систематизация» с новым для нас понятием «гармонизация законодательства» [3, с. 78].

Для объединения всех правовых норм, регулирующих деятельность представительных органов в систему, на начальном этапе необходимо провести анализ и систематизацию всего правового массива таких актов. Отправной точкой систематизации правовых актов на современном этапе является итог работы Национального центра правовой информации по инвентаризации законодательства, который длился с 1998 года и включал в себя инвентаризацию законодательства, принятого за период с 1919 по 1998 год, последующее включение проверенных актов в Национальный реестр. Белорусские исследователи-практики А.С. Шилович, М.Г. Гриневич в своей статье дают оценку историческим и теоретическим аспектам систематизации белорусского законодательства, описывают процесс систематизации и инвентаризации всего белорусского законодательства, проводимый Национальным центром правовых исследований совместно с республиканскими органами государственного управления в пределах своей компетенции [4].

Одним из этапов систематизации можно назвать процесс классификации массива правовых актов, результатом которой стало утверждение Единого правового классификатора (далее ЕПК) Республики Беларусь, с последующими изменениями [5]. «ЕПК стал методологической основой систематизации законодательства и занял особое место в системе классификации правовой информации» [4, с. 21]. По мнению С.А. Калинина, «именно Единый правовой классификатор является важнейшим инструментом систематизации» [6, с. 17]. Итогом утверждения классификатора явилось формирование и издание на его основе Свода законов Республики Беларусь, создание электронного банка данных правовой информации (ЭБДПИ).

В Республике Беларусь постепенно была сформирована нормативная правовая база, регулирующая порядок организации и деятельности высших и местных органов государственной власти, к которым, в частности, относятся органы представительной власти. Правовая основа регулирования деятельности органов представительной власти опирается на нормативные правовые акты, которые в своей совокупности в настоящее

время образуют отдельные блоки норм в целом в правовой системе Республики Беларусь и соответственно отдельные блоки в системе конституционного права. В частности, о наличии и проблемах выделения конституционного блока в системе права Республики Беларусь, в совместной научной статье пишут белорусский и китайский авторы С.Ю. Артемьев и Лю Игун [7]. Беря за основу рассуждения названных авторов, о наличии отдельной совокупности нормативных правовых актов, объединенных в блоки законодательства или отрасли права, под «отдельным блоком» мы понимаем совокупность актов, имеющих в качестве предмета своего регулирования статус и деятельность отдельного органа государственной власти, регулирование отдельного вида общественных или правовых отношений.

Для достижения поставленных нами задач необходимо первоначально отделить блок законодательства, регулирующего и закрепляющего правовой статус, и деятельность представительных органов от всего массива конституционного законодательства при помощи такой формы систематизации, как инкорпорация. По мнению С.А. Калинина, «инкорпорация является перспективным инструментом ... осуществляется без изменения установленного содержания права, в том числе путем объединения в сборники в определенном порядке» [6, с. 118].

Основой проведения инкорпорации будет являться предмет правового регулирования. Уточним, что предметом регулирования, лежащим в основе нашей систематизации, выступают общественные отношения, возникающие в процессе формирования, деятельности и осуществления своих полномочий органами представительной власти. Таким образом, главным категориальным (тематическим) признаком, по которому мы будем искать нормативные правовые акты, подпадающие под нашу систематизацию, будет являться совокупность норм, закрепляющая деятельность представительных органов. Уточним, что «категориальный признак – это признак, значения которого обозначают принадлежность объекта к какой-то категории. Для категориальных признаков имеет смысл лишь операция сравнения (совпадают или нет категории)» [8, с. 103].

Блок актов законодательства, объединенных названным предметом правового регулирования и обладающих указанным категориальным признаком, занимает существенную часть (массив) во всей отрасли конституционного права. Так, можно четко определить отдельные блоки нормативных правовых актов, которые регулируют деятельность Президента Республики Беларусь, отдельные блоки – деятельность Национального собрания, местных органов управ-

ления и самоуправления. Нормы, регулирующие избирательный процесс представительных органов, выделены в отдельный блок нормативных правовых актов. Названное объединение массива нормативных правовых актов в отдельные блоки совпадает с их расположением и объединением в Едином правовом классификаторе.

В настоящее время в соответствии с ЕПК акты, нормы которых регулируют деятельность представительных органов (Президента, Национального собрания, органов местного самоуправления), объединены под общим номером «01», который указывает на принадлежность к «конституционному законодательству». В свою очередь конституционное законодательство объединено в блоки, которые также разделены по предмету правового регулирования, т.е. нормы, регулирующие деятельность государственных органов, политических партий, общественных объединений, закрепляющие основы конституционного строя, правовое обеспечение нормотворческой деятельности и иные вопросы государственного регулирования (государственная статистика, учет, перепись населения, архивное дело, геральдическая служба, делопроизводство).

Органы, отнесенные нами к представительным, разделены в классификаторе под разными цифрами, так «01.10» – законодательство о Президенте, «01.11» – законодательство о Парламенте, «01.14» – Законодательство о местном управлении и самоуправлении. Отдельные блоки указывают на наличие различных объектов правового регулирования, что свидетельствует о том, что в структуре государственной власти представительные органы не объединены в систему, как это сделано, например, с судебными или исполнительными органами, которые имеют единые номера в классификаторе, под которыми объединена вся законодательная база, регулирующая деятельность всех исполнительных или судебных органов (01.12 и 01.13 соответственно).

В то же время в нашем случае интересен пример классификации, при которой объединен массив актов, закрепляющих деятельность органов надзора и контроля под одним номером – «01.15» (законодательство о контролируемых (надзорных) органах) – Прокуратура и Комитет государственного контроля. Основанием для классификации предположим в данном случае является «общее направление деятельности» (контроль и надзор), но что для нас является важным – данные органы законодательно не объединены в единую систему органов. Это отдельные государственные органы, имеющие свои собственные системы органов, обладающие обособленной компетенцией, выполняющие конкретные задачи, опирающиеся в своей деятельности на отдельные самостоя-

тельные нормативные правовые акты. Считаем, что по такому же принципу (общее направление деятельности) можно объединить в ЕПК под одним общим номером «01.10» и органы представительной власти.

Обратим внимание на то, что местные органы управления и самоуправления необходимо разделить, так как единственным общим признаком для них является «местный уровень», а никак не «общее направление деятельности», «выполнение единых задач» и т.д. (см. другие публикации автора). Таким образом, законодательство об органах местного самоуправления отнести под единый номер к представительным органам (наличие системы органов представительной власти нами доказывается в других работах), а органы местного управления к исполнительным органам под номером «01.12».

Необходимость объединения всех представительных органов в систему в дальнейшем поможет объединить весь массив законодательства о представительных органах в единое целое, а в последующем приведет и к объединению в единый акт, например, Кодекс о представительной власти.

Наличие кодифицированного акта будет соответствовать принципу правовой определенности, вытекающему из ст. 1 и ст. 7 Конституции Республики Беларусь, предполагающей достаточность и полноту правового регулирования общественных отношений, что означает, по мнению Конституционного Суда Республики Беларусь, обязательность взаимного согласования нормативных правовых актов, системность и комплексность правового регулирования. Такие подходы закреплены в статьях 5, 7 и 9 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» [9, с. 40]. Создание кодифицированного акта повысит статус представительных органов, будет способствовать заполнению правовых пробелов, единому применению законодательства, закреплению новых правовых категорий, соответствующих современным требованиям государственного развития. Кодекс будет правовой гарантией отсутствия внутренней несогласованности и бессистемности законодательства в области регулирования отношений, связанных с представительной властью.

Кодекс будет способствовать более четкому разделению полномочий на местном уровне представительных и исполнительных органов, поможет законодательно разграничить правовое регулирование деятельности органов местного управления и органов самоуправления, закрепив законодательно реализацию принципа разделения властей на местном уровне – отделив представительную власть от исполнительной.

Необходимо обратить внимание, что новая редакция Единого правового классификатора принята в 2015 году, в соответствии с которой были внесены отдельные изменения в систематизацию и расположение актов законодательства, но, учитывая, что:

- по мнению ученых, «любая система классификации законодательства является временной и имеет свой оптимальный срок использования в первоначальном варианте, по истечении которого система должна уточняться и пересматриваться» [10, с. 63];

- наличие возможности в дальнейшем объединять «в разделы группу общественных отношений определенного вида, однородных по своей природе (например, законодательство о труде и занятости населения), либо отрасли, разнородные по природе общественных отношений, но объединенные тематическим признаком (например, законодательство в области обороны, национальной безопасности, правоохранительной деятельности) (рубрики) [11, с. 263];

- предусматривая динамику развития и совершенствования законодательства, в рубриках второго и последующих уровней уже предусмотрены резервы кодов, позволяющие вводить дополнительные рубрики» [11, с. 263]. Надеемся, что наше предложение может быть рассмотрено при принятии новой редакции ЕПК.

Заключение. Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

Необходимо ввести в научный оборот отрасли конституционного права понятие «блок актов законодательства, закрепляющий организационно-правовой статус органов представительной власти», под которым следует понимать комплекс правовых норм, направленных на правовое закрепление общественных отношений, возникающих в процессе осуществления представительной власти представительными органами в целях обеспечения представительства интересов электората.

Отдельные блоки актов конституционного законодательства, разделенные в ЕПК, регулирующие правовой статус представительных органов, свидетельствуют о том, что в структуре государственной власти представительные органы не объединены в единую систему. Считаем, что необходимо объединить все представительные органы в систему, что в дальнейшем поможет объединить весь массив законодательства о представительных органах в единый блок по принципу – общее направление деятельности, и объединить в ЕПК под одним общим номером «01.10». Такое объединение в последующем приведет и к объединению всех актов законодательства, регулирующих правовой статус представительных органов в единый акт, например, Кодекс

о представительной власти. Принятие такого кодифицированного акта позволит объединить, унифицировать разрозненные правовые нормы в области правового регулирования представительной власти, заполнить существующие пробелы конституционного законодательства и, самое главное, признать в нашей правовой системе сам институт представительной власти, закрепив его легальное определение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калинин, С.А. Проблемы реформы системы права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.А. Калинин; БГУ – Минск, 2001. – 20 с.
2. Братусь, С.Н. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / С.Н. Братусь, И.С. Самощенко. – М., 1962. – 575 с.
3. Дробязко, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования / С.Г. Дробязко // Национальная государственность и европейские интеграционные процессы: сб. науч. тр.: в 2 т. – Минск: БГУ, 2008. – Т. 1. – С. 77–82.
4. Шилович, А.С. О роли систематизации законодательства в правотворчестве / А.С. Шилович, М.Г. Гриневич // Право.by. – 2009. – № 4. – С. 19–24.
5. Об утверждении Единого правового классификатора Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 г. № 1 (с изм. и доп. от 17 июля 2015 г. № 328) // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
6. Калинин, С.А. Инструментальные подходы к систематизации законодательства Республики Беларусь / С.А. Калинин // Закон: стабильность и динамика: материалы заседания Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов, Москва, 1–3 июня 2006 г. / отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Юрид. фирма «Контракт», 2007. – С. 115–119.
7. Артемьев, С.Ю. К вопросу о конституционном блоке в Республике Беларусь / С.Ю. Артемьев, Лю Игун // Право.by. – 2013. – № 5. – С. 33–39.
8. Дьяконов, А. Методы решения задач классификации с категориальными признаками / А. Дьяконов // Прикладная математика и информатика. Труды факультета Вычислительной математики и кибернетики МГУ имени М.В. Ломоносова. – 2014. – № 46. – С. 103–127.
9. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь “О государственной службе в Республике Беларусь”»: Решение Конституционного суда Республики Беларусь от 25 мая 2009 г. № Р-330/2009 // Вестн. Конституционного суда Респ. Беларусь. – 2009. – № 2.
10. Калинин, С.А. Классификация нормативного массива как инструмент совершенствования права Республики Беларусь / С.А. Калинин // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2010. – Вып. 21. – С. 55–63.
11. Шаршун, В.А. О некоторых вопросах разработки новой редакции Единого правового классификатора Республики Беларусь / В.А. Шаршун // Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015): материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 мая 2015 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь; под общ. ред. Е.И. Коваленко. – Электрон. дан. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2017.

Поступила в редакцию 14.09.2017 г.

УДК 341.211

Проблемы международно-правового признания вновь образовавшихся государств

Шеленговский П.Г., Дюкарева А.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Настоящая работа посвящена проблемам международно-правового признания новых государств, ставшим особенно актуальными в последние годы. Рассматриваются самые назревшие противоречия на ряде конкретных примеров государственных новообразований, принципы современного подхода международного сообщества к решению этих коллизий.

Вопрос международно-правового признания государств в связи с последними событиями по провозглашению независимости Косова, Южной Осетии, Абхазии, Луганской и Донецкой народных республик, присоединением Крыма к России стал чрезвычайно актуальным и широко обсуждаемым. Обнаружились пробелы в международном праве и двойные стандарты в подходе к признанию вновь образовавшихся субъектов. Настало время заострить внимание на основных критериях признания государств, на политических и правовых аспектах возникновения государства как субъекта международного права; на случаях признания государства как субъекта международного права лишь частью международного сообщества.

Цель работы – комплексное изучение института международно-правового признания.

Материал и методы. Материалом исследования послужили практика признания новых государств, а также работы специалистов в области вопросов международно-правового признания новых государств. В статье рассмотрены примеры спорных государственных новообразований, конститутивный и декларативный подходы к их признанию. В качестве основных методов использовались сравнительный и логико-гносеологический.

Результаты и их обсуждение. В связи с парадоксальными трансформациями института международно-правового признания и отсутствием единой кодификации в международном праве возникает множество коллизий и двойственных трактовок международных правовых обычаев.

Например, международное сообщество «легко» признаёт субъектами международного права небольшие по территориям, бюджетам, на-родонаселению «офшорные юрисдикции» и «точечные» международные финансовые центры как «развитые экономики». А вот крупные терри-тории с многомиллионным коренным населением, стремящиеся к независимости и заявляющие о своих суверенных правах на самоопределение, не признаются другими государствами, объявляются «группами сепаратистов», покушающимися на территориальную целостность.

Заключение. Таким образом, во избежание «манипулирования» международным правом и критериями международного признания субъек-тов в интересах политики отдельных мировых союзов необходимо трансформировать и кодифицировать институт международно-право-вого признания.

Ключевые слова: международное право, кодификация, политическая карта мира, критерии признания государств, независимость, само-определение, непризнанные государства, геополитика.

Issues of the International Legal Recognition of Newly Formed States

Shelengovski P.G., Dukareva A.A.

*Federal State Funded Educational Establishment of Higher Education
“Russian Economic G.V. Plekhanov University”*

The paper centers round issues of international legal recognition of new states, which has become current in recent years. Most urgent contradictions are considered on the basis of definite examples of new state structures as well as principles of the contemporary approach of the international community to the solution of these collisions.

The issue of the international legal recognition of states due to the recent events of proclaiming independence of Kosovo, Southern Ossetia, Abkhazia, Lugansk and Donetsk People's Republics, joining Crimea to Russia, is urgent and widely discussed. Gaps in the international law have emerged as well as double standards in the approach to the recognition of newly formed subjects. It's high time to pay attention to the main criteria of state recognition, to political and legal aspects of the emergence of the state as a subject of the international law, to the cases of state recognition as an international law subject by only part of the international community.

The purpose of the paper is a complex study of the institution of the international legal recognition.

Material and methods. The practice of recognition of new states as well as works by specialists in the field of issues of international legal recognition of new states is the material of the research. Examples of disputable new state structures are considered in the article as well as the constitutional and the declarative approaches to their recognition. The main research methods are the comparative and the logical gnoseological.

Findings and their discussion. Due to paradox transformations of the institution of the international legal recognition and the lack of a unified codification in international law there are plenty of collisions and confusing interpretations of international legal customs.

For example, international community “easily” recognizes small, in terms of territory, budget, population, “offshore jurisdictions” and “spot” international financial centers as “developed economies”. While big territories with multimillion native populations, which want independence and declare their sovereign rights, are not recognized by other states, are called “separatist groups” which violate territorial integrity.

Conclusion. Thus, to avoid “manipulation” with the international law and with criteria of international recognition of subjects in the interests of the politics of some world unions, it is necessary to transform and codify the institution of international legal recognition.

Key words: international law, codification, political map of the world, criteria of recognition of states, independence, self-identification, unrecognized states, geopolitics

Вопрос международно-право-вого признания государств в связи с последними событиями по провозглашению независимости Косова, Южной Осетии, Абхазии, Луганской и Донецкой народных республик, присоединением Крыма к России стал чрезвычайно актуальным и широко обсуждаемым. Обнаружились пробелы в между-народном праве и двойные стандарты в подходе к признанию вновь образовавшихся субъектов. Настало время заострить внимание на основных критериях признания государств, на политиче-

ских и правовых аспектах возникновения госу-дарства как субъекта международного права; на случаях признания государства как субъекта меж-дународного права лишь частью междунаро-дного сообщества. Согласно политической карте мира в настоящее время существует немало этни-ческих образований, претендующих на статус го-сударства. Такими примерами служат Гренландия (57 тыс. жителей), которая требовала независи-мости от Дании; Каталония (7 млн жителей), в ко-торой процесс борьбы за отделение от Испании идет по нарастающей уже свыше 10 лет. Перио-

дически требует отделения от Великобритании и Шотландия, в связи с чем в 2014 году был проведён референдум независимости.

Тематикой международно-правового признания занимались такие ученые-юристы, как: Г. Трипель, С. Патель, Д. Анцилотти, К. Штрупп, Х. Фернек, Г. Кельзен, Г. Лаутерпахт. Особый вклад в развитие института международно-правового признания внесли: министр иностранных дел Мексики Х. Эстрада, министр иностранных дел Эквадора Карлос Р. Тобаро, профессор Д.И. Фельдман.

Целью настоящей работы является комплексное изучение института международно-правового признания.

Материал и методы. Материалом исследования послужили практика признания новых государств, а также работы специалистов в области вопросов международно-правового признания новых государств. В статье рассмотрены примеры спорных государственных новообразований, конститутивный и декларативный подходы к их признанию. В качестве основных методов использовались сравнительный и логико-гносеологический.

Результаты и их обсуждение. Международно-правовое признание – это односторонний добровольный акт государства, которым оно прямо или косвенно заявляет либо о том, что признает другое государство как субъект международного права и намерено поддерживать с ним официальные отношения, либо считает власть, утвердившуюся неконституционным путём в государстве, достаточно эффективной, чтобы выступать в межгосударственных отношениях. Признание является правом государства, а не его обязанностью, оно может и не признать вновь образовавшееся государство [1].

Институт признания – один из старейших институтов международного права. Существует два подхода к факту признания государства: конститутивный и декларативный. Согласно конститутивному подходу появление и дальнейшее юридическое существование нового государства зависит от воли «старых» членов сообщества государств. В отличие от конститутивной теории декларативная строится на основании приобретения правосубъектности государством независимо от его признания мировым сообществом. Факт признания существует для извещения о рождении государства, декларирует уже свершившийся факт [2].

В настоящее время мировое сообщество придерживается конститутивной теории и противостоит стремлению к независимости народов, пытается не допустить появления новых субъектов международного права.

После Второй мировой войны международными договорами страны-победительницы опре-

делили новые форматы европейских границ, и на протяжении 60 лет сохранялась территориальная стабильность. Начало постепенного распада устоявшегося миропорядка в Европе было положено признанием западными странами права края Косово на отделение от Сербии, несмотря на то, что процесс сопровождался активными военными действиями, геноцидом и этническими чистками [3]. В то же время отделение Абхазии от Грузии, Южной Осетии от Грузии не признано мировым сообществом до сих пор, хотя процессы, происходившие в этих странах, аналогичны косовскому конфликту.

К сожалению, международными актами и приглашениями до сих пор не установлены четкие положения, регулирующие процесс и правомерные способы возникновения новых государств. Поэтому сегодня на основании обобщенной международно-правовой практики теории международного права выделяют определенные критерии, которым должно отвечать вновь возникшее государство.

Например, профессор Г. Лаутерпахт, английский юрист и учёный, известный специалист по международному праву, утверждая, что «признать политическое образование как государство значит декларировать, что оно удовлетворяет условиям государственности, требуемым международным правом», выделил следующие критерии:

- независимость правительства;
- эффективность власти;
- определённая территория;
- степень цивилизации в новом государстве;
- законность происхождения государства и власти [4].

По мнению же Ж. Шарпантье, должна быть «совместимость субъектности нового государства с международным юридическим порядком, вследствие отсутствия норм, регулирующих рождение государства».

Некоторые зарубежные юристы связывают критерии признания с деятельностью ООН. Так, М. Мускели, ссылаясь на резолюции Генеральной Ассамблеи и на практику принятия в члены ООН, выделил следующие критерии:

- наличие уполномоченного правительства и собственной администрации, обеспечивающей деятельность государства;
- способность защищать территориальную целостность и независимость;
- наличие мер по поддержанию общественного спокойствия на всей территории страны;
- снабжение финансовыми ресурсами, достаточными для того, чтобы покрыть государственные расходы;
- законодательство и организация регулярно действующей судебной системы;

• совокупность эффективной и независимой власти [4].

Однако до сих пор вышеперечисленные принципы не являются кодифицированными, поэтому и возникает практика двойных стандартов, когда одно государство принимается в мировое сообщество, а другое – нет.

Не создана и единая формула выражения признания государств. Как правило, признание осуществляется путём публичного заявления признающего государства о намерении вступить с вновь образовавшимся государством в дипломатические отношения, обменяться дипломатическими представительствами. Могут быть направлены дипломатические ноты, торжественно заявляющие о признании независимого суверенного государства.

Например, в России были приняты указы Президента о признании Чехии и Словакии в 1992 г., Республики Черногории в 2006 г., Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., а в 2014 г. – о признании Республики Крым. Другой пример – признание России после прекращения существования СССР, когда последовало более 100 нотификаций государств о признании России.

Признание бывает не явно выраженным. Совершение определенных конклюдентных действий государства (предложение установить дипломатические или консульские отношения, заключить договор о поставке и т.п.) также свидетельствует о признании нового члена мирового сообщества [4].

В международном праве существует также и практика отказа от признания новообразования государством или группой государств, руководствующихся политическими соображениями: например, Армения не признаётся Пакистаном, что связано с конфликтом в Нагорном-Карабахе; Кипр не признаётся Турцией; Израиль не признаётся большинством арабских и мусульманских государств в связи с территориальными притязаниями.

В современном международном праве значение института признания приобрело новый смысл в связи с появлением на современной политической карте мира большого количества непризнанных государств. Этот термин появился в начале 1990-х годов, и его часто заменяют на такие термины, как «страны де-факто», «спорные страны», «отделившиеся» или «самопровозглашенные» государства. Сейчас в мире существует приблизительно 30 непризнанных и частично признанных государств [5].

Большой интерес вызывает международная реакция на вхождение в состав Российской Федерации территории полуострова Крым в 2014 году. Считается, что это стало важнейшим геополити-

ческим событием XXI века. На сегодняшний день лишь несколько государств признали референдум в Крыму легитимным, а остальное мировое сообщество относится к этому присоединению как к аннексии.

Не менее пристальное внимание мирового сообщества сейчас обращено в сторону признания международной правосубъектности Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), возникших в процессе «деформации» украинской государственности.

ДНР и ЛНР юридически реализовали свое право на самостоятельное развитие, проведя на подконтрольной им территории референдумы: Референдум о самоопределении Донецкой Народной Республики и Референдум о самоопределении Луганской Народной Республики. Верховными Советами обеих республик в мае 2014 г. были приняты новые конституции, по которым обе республики объявлялись суверенными государствами и субъектами международного права. Но на сегодняшний день Республики признаны только Южной Осетией.

Согласно принципам ООН, закрепленным в ст. 1 Главы 1 Устава Организации Объединенных Наций, народам декларируется право на равноправие и самоопределение [6]. Устав ООН также гарантирует право народов на независимое развитие. Существующие международно-правовые нормы о защите прав народов от иностранного вмешательства и противодействия всем формам проявления над ними не санкционированного властью иностранного контроля и управления также гарантируют их право на самоопределение. Несмотря на это иностранный контроль существует над Украиной в рамках ассоциированного членства в ЕС и партнерства с НАТО, что вступает в явное противоречие с чаяниями народа ДНР и ЛНР, что и послужило причиной их отделения.

К сожалению, в связи с тем, что институт признания, претерпевающий сегодня парадоксальные трансформации, до сих пор не кодифицирован в международном праве, а действует на основе международно-правовых обычаев, которые являются не обязательными для исполнения, возникает множество коллизий и двойственных трактовок.

Крупные территории с многомиллионным коренным населением, стремящиеся к независимости и заявляющие о своих суверенных правах на самоопределение, не признаются другими государствами, объявляются «группами сепаратистов», покушающимися на территориальную целостность.

Между тем международное сообщество «легко» признаёт субъектами международного права небольшие по территориям, бюджетам, народонаселению «офшорные юрисдикции» и «то-

«развитые экономики», ярким примером чему является мировое признание и поддержка Косово, где власть сменилась посредством вооруженного конфликта [7; 8].

Заключение. Таким образом, происходит «манипулирование» международным правом и критериями международного признания субъектов в интересах политики отдельных мировых союзов. Народы, стремящиеся к независимости, получают мировую поддержку исключительно выборочно из финансового и геополитического корыстного интересов.

Сегодня история создаёт всё новые прецеденты возникновения самостоятельных государств, требующих определения международно-правового статуса. Поэтому очевидно, что институт признания нуждается в совершенствовании и кодификации для устранения противоречий по принципу двойных стандартов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каламкарян, Р.А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств / Р.А. Каламкарян; отв. ред. В.И. Менжинский. – М.: Наука, 1984.
2. Казаровец, Г.М. Вопросы признания новых государств и правительств в современном международном праве / Г.М. Казаровец. – М.: Изд-во МГУ, 1958.
3. Абашидзе, А.Х. Всеобъемлющее предложение об урегулировании статуса Косово / А.Х. Абашидзе // Обозреватель. – 2007. – № 8.
4. Фельдман, Д.И. Признание государств в современном международном праве / Д.И. Фельдман. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965.
5. Устав ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>. – Дата доступа: 13.10.2017.
6. Шеленговский, П.Г. Censorship and printing in the Caucasus at the end of XIX – early XX centuries / П.Г. Шеленговский // Былые годы. Российский исторический журнал. – Сочи: Сочин. гос. ун-т, 2016. – С. 166–172.
7. Лукашук, И.И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов / И.И. Лукашук. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. Страны мира. Непризнанные и частично признанные государства. – Режим доступа: http://geo.koltyrin.ru/strany_mira_nepriznannye.php. – Дата доступа: 10.07.2017.

Поступила в редакцию 04.09.2017 г.

УДК 342.565.2(476)

Роль Конституционного Суда Республики Беларусь в процессе правообразования: теоретический аспект

Иванова Т.В.

Белорусский национальный технический университет

Анализ актов Конституционного Суда Республики Беларусь позволяет судить о степени участия данного государственного органа в правообразовании и правотворчестве. Согласно законодательству Республики Беларусь Конституционный Суд принимает несколько видов правовых актов. Предмет исследования составляют лишь те акты, которые с вероятностью могут содержать новые правила регулирования общественных отношений, а именно: заключения Конституционного Суда Республики Беларусь.

Целью работы является определение роли Конституционного Суда Республики Беларусь в правообразовании и в правотворчестве в частности.

Материал и методы. Работа основана на законодательстве Республики Беларусь, регламентирующем деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь, специальной научной литературе, правоприменительной практике. Методы исследования: диалектический, системный, формально-юридический, метод анализа, метод толкования.

Результаты и их обсуждение. В статье выявляется юридическая природа правовых актов Конституционного Суда Республики Беларусь с целью определения роли Конституционного Суда в правообразовании и правотворчестве. В связи с этим автором определяется содержание понятий «судебное правотворчество», «форма права», «источник права».

Заключение. Заключение Конституционного Суда Республики Беларусь – это нормативные правовые акты с элементами актов толкования. Содержание заключений – толкование положений законодательства, анализ правоприменительной практики, а в случае выявления пробелов – формулировка правовых идей. Правотворческий потенциал «правовых позиций» органа конституционного контроля – результат толкования законодательства, то есть это мнение, правовые идеи. В данном случае Конституционный Суд выступает в качестве субъекта «позитивного» правотворчества.

Конституционный Суд Республики Беларусь участвует в правообразовании и правотворчестве путем принятия нормативных правовых актов как формы права, выявления пробелов и направления предложений по совершенствованию законодательства уполномоченным органам, формулирования нетипичных норм права и признания несоответствующими Конституции Республики Беларусь актов государственных органов.

Ключевые слова: акты Конституционного Суда, правообразование, правотворчество, судебное правотворчество, форма права, источник права.

The role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in the Law Formative Process: Theoretical Aspect

Ivanova T.V.

Belarussian National Technical University

The analysis of the Acts of the Constitutional Court of the Republic of Belarus allows us to judge the degree of participation of this state body in law formation and lawmaking. The Constitutional Court adopts several types of legal acts according to the legislation of the Republic of Belarus. The subject of the research is the acts that may include new rules of social regulation, in particular Conclusions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus.

The purpose of the current research is revealing the role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in law formation and in lawmaking in particular.

Material and methods. The research is based on the legislation of the Republic of Belarus that regulates the activity of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, special scientific literature, law application practice. The research methods are dialectical, system, formal and legal, analysis, and interpretation.

Findings and their discussion. The legal nature of legal acts of the Constitutional Court is revealed in order to determine the role of the Constitutional Court in law formative process and in lawmaking. The author offers corresponding definitions, determines the contents of judicial lawmaking, form of law and source of law.

Conclusion. Conclusions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus are normative legal acts with features of interpretative acts. The content of the conclusions is the interpretation of the provisions of the legislation, the analysis of law application practice, the formulation of legal ideas in case of legal gaps. The legislative potential of the "legal positions" of the body of constitutional control is the result of the interpretation of legislation that is opinion, legal ideas. In this case, the Constitutional Court acts as a subject of "positive" lawmaking.

The Constitutional Court of the Republic of Belarus participates in law formation and lawmaking by adopting normative legal acts as a form of law, identifying gaps and sending suggestions on improving legislation to authorized bodies, formulating atypical rules of law and recognizing acts of state bodies that are not in conformity with the Constitution of the Republic of Belarus.

Key words: Acts of the Constitutional Court, law formation, lawmaking, judicial lawmaking, form of law, source of law.

По образному выражению Председателя Конституционного Суда Республики Армения Г. Арутюняна, органы конституционного контроля – это своего рода иммунная система государства [1, с. 16], что придает правовым актам этих органов особое значение. Степень участия органов конституционного контроля в процессе правообразования влияет на качество действующего законодательства.

Анализ актов Конституционного Суда Республики Беларусь позволяет судить о степени участия данного государственного органа в пра-

вообразовании и правотворчестве. Согласно законодательству Республики Беларусь Конституционный Суд принимает несколько видов правовых актов. Предмет исследования составляют лишь те акты, которые с вероятностью могут содержать новые правила регулирования общественных отношений, а именно: заключения Конституционного Суда Республики Беларусь.

Значительный вклад в исследование обозначенной проблемы внесли такие белорусские и российские ученые, как Г.А. Василевич, Н.В. Сильченко, А.Н. Пугачев, В.Д. Зорькин, Б.С. Эбзеев, С.А. Авакьян, Ж.И. Овсепян и др.

Целью работы является определение роли Конституционного Суда Республики Беларусь в правообразовании и в правотворчестве в частности.

Материал и методы. Работа основана на законодательстве Республики Беларусь, регламентирующем деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь, специальной научной литературе, правоприменительной практике. В качестве основных методов исследования выступают: диалектический, системный, формально-юридический, метод анализа, метод толкования.

Результаты и их обсуждение. Предваряя рассмотрение вопроса о роли Конституционного Суда в процессе правообразования, представляется важным кратко остановиться на понятиях, составляющих основу понимания правообразования: правотворчество, судебное правотворчество, форма права, источник права.

Право как социальное явление проходит процесс правообразования. Это постепенный непрерывный подготовительный процесс, в ходе которого создаются предпосылки и условия для возникновения норм права [2, с. 16–18]. В процессе правообразования участвуют различные факторы (источники права) – субъективные и объективные явления. Это потребности общества в нормативном регулировании, условия жизни, неупорядоченность определенных сфер общественных отношений, идеи отдельных субъектов (субъектов правообразования). Источники лишь содействуют формированию норм права, но сами не имеют нормативного характера.

Обращаясь к учению Аристотеля, мы находим высказывание, подтверждающее наши представления о явлениях. Философ говорил, что у каждой вещи должна быть формальная первопричина (форма вещи) и движущая первопричина (источник – то, что создает вещь) [3].

Процесс правообразования включает в себя правотворчество. Правотворчество – создание, совершенствование (изменение), отмена, признание несоответствующими основному закону норм права в определенных признаваемых в данной правовой системе формах.

Применительно к той или иной правовой семье не все формы права признаются в качестве таковых. Некоторые из них являются лишь источниками, порождающими в будущем признанные формы права. В белорусской правовой системе в качестве признанных форм права существуют нормативный правовой акт, нормативный договор, правовой обычай, за которыми закрепляется нормативный характер. Все иные правовые явления содействуют субъектам правотворчества в создании норм права (например, судебная практика). Они могут содержать в себе

ценный материал, формулировать правила регулирования определенных отношений, которые первоначально существуют лишь фактически и не являются нормами права («право в жизни»). Но в последующем данные правила могут быть учтены субъектом правотворчества и перенесены в нормативный правовой акт. Либо с помощью данных источников права становятся явными пробелы в законодательстве и ставятся вопросы перед компетентными органами, которые создают нормы для разрешения проблемной ситуации.

Судебное правотворчество – создание, совершенствование (изменение), отмена, признание несоответствующими Основному закону судебными органами норм права в определенных официально признаваемых формах.

О роли Конституционного Суда Республики Беларусь в процессе правообразования можно судить исходя из юридической природы правовых актов, принимаемых данным органом.

Заключения Конституционного Суда представляют собой итог рассмотрения характерных для органа конституционного контроля конституционных дел о конституционности нормативных правовых актов в соответствии с установленной процедурой конституционного судопроизводства. Содержание заключений – толкование положений законодательства, анализ правоприменительной практики, а в случае выявления пробелов – формулировка правовых идей.

Нами поддерживается позиция В.Д. Зорькина [4, с. 9], согласно которой мнение Конституционного Суда по определенному неурегулированному в законодательстве правовому вопросу можно рассматривать в качестве «правовой позиции» данного органа или подобия «ratio decidendi», так как в этой части заключения могут быть сформулированы нормы права: типичные (правила поведения) либо нетипичные (нормы-дефиниции, нормы-принципы, коллизионные нормы и др.).

Правотворческий потенциал «правовых позиций» органа конституционного контроля подчеркивается и Председателем Конституционного Суда Республики Беларусь П.П. Миклашевичем, который указывает на то, что «правовые позиции» представляют собой результат толкования законодательства, то есть это мнение, правовые идеи. В данном случае Конституционный Суд выступает в качестве субъекта «позитивного» правотворчества [5, с. 124].

На практике действительно возможны ситуации создания Конституционным Судом новых правил регулирования общественных отношений, содержащихся в «правовой позиции» данного органа. Так, в Заключении от 12 сентября 2007 г. «О соответствии Конституции Республики Бела-

речь пункта «г» части первой статьи 68 Закона Республики Беларусь «О пенсионном обеспечении» Конституционный Суд сформулировал следующую правовую позицию (норму-коллизия): «...отмечая коллизия двух специальных законодательных актов – Положения Верховного Совета Республики Беларусь о порядке восстановления прав граждан, пострадавших от репрессий в 20–80-х годах от 21 декабря 1990 г. и Закона «О пенсионном обеспечении» от 17 апреля 1992 г., Конституционный Суд считает, что поскольку в данном случае решается вопрос о праве на пенсию, то следует исходить из содержания норм Закона «О пенсионном обеспечении» как специального законодательного акта, регулирующего соответствующие отношения» [6].

Вопрос о юридической силе собственно решений как вида правовых актов Конституционного Суда решается неоднозначно на уровне правовой доктрины. В законодательстве отсутствует четкое определение юридической природы именно решений. В ст. 2 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» содержится лишь общее положение о том, что акты Конституционного Суда являются видом нормативных правовых актов, но не указывается, какие именно акты [7]. Вследствие этого неясно, следует ли относить собственно решения Конституционного Суда к категории нормативных правовых актов либо рассматривать их как акты рекомендательного характера. Ранее имела место коллизия положений ст. 40 Конституции Республики Беларусь [8], предусматривающих право граждан на обращения в государственные органы, и положений законодательства об органе конституционного контроля, не оговаривающих право на конституционную жалобу. Решения принимались при отсутствии законодательного положения, конкретизирующего право граждан на обращение в Конституционный Суд (со ссылкой на ст. 40 Конституции Республики Беларусь), и были обязательны к исполнению без специального законодательного обоснования. В настоящее время законодатель прояснил ситуацию, и обращения граждан рассматриваются Конституционным Судом в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об обращениях граждан» (ч. 9 ст. 22 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [9]). Обязанность же исполнять решения Конституционного Суда вытекает из ст. 7 Конституции Республики Беларусь, согласно которой все государственные органы и должностные лица действуют в пределах Конституции, то есть их акты должны соответствовать Конституции.

В решениях содержатся разъяснения законодательства как итог обобщения практики рас-

смотрения обращений граждан или рекомендации государственным органам. Данные правовые акты Конституционного Суда в большей степени подобны актам казуального толкования законодательства. Например, в Решении «О совершенствовании законодательства об общежитиях» от 18.01.2007 г. № П-206/2007 содержится следующая рекомендация: «Конституционный Суд считает, что в Положении об общежитиях можно было бы однозначно указать, возмещаются ли убытки по содержанию общежитий в тех случаях, когда жилые помещения в общежитии одной организации предоставлены работникам другой организации не на основании ходатайства организации, в которой работают эти работники, а в ином порядке» [10].

С изданием Декрета Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» появились и новые виды решений по вопросам конституционности еще не вступивших в силу законов, иным вопросам. Юридическая сила данных решений не определена [11].

О принадлежности правового акта к той или иной форме права можно судить исходя из его содержания. Анализ содержания правовых актов Конституционного Суда позволяет говорить о подобии их нормативным правовым актам и актам толкования.

Конституционный Суд, бесспорно, содействует субъектам правотворчества в формировании норм права, выступая субъектом правообразования. Если исходить из теории форм права, то они должны содержать нормы права, быть общеобязательными и признаваться в качестве формы права государственными органами данной правовой системы. Правовые акты Конституционного Суда – вид нормативных правовых актов (форма права). На практике лишь заключения рассматриваются в качестве формы права.

Конституционный Суд участвует в «негативном правотворчестве» путем признания несоответствующими Конституции Республики Беларусь нормативных правовых актов государственных органов [12, с. 54].

Заключение. Таким образом, заключения Конституционного Суда Республики Беларусь – это нормативные правовые акты с элементами актов толкования. Содержание заключений – толкование положений законодательства, анализ правоприменительной практики, а в случае выявления пробелов – формулировка правовых идей. Правотворческий потенциал «правовых позиций» органа конституционного контроля – результат толкования законодательства, то есть это мнение, правовые идеи. В данном случае Конституци-

онный Суд выступает в качестве субъекта «позитивного» правотворчества.

Конституционный Суд Республики Беларусь участвует в правообразовании и правотворчестве путем принятия нормативных правовых актов как формы права, выявления пробелов и направления предложений по совершенствованию законодательства уполномоченным органам, формулирования нетипичных норм права и признания несоответствующими Конституции Республики Беларусь актов государственных органов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Harutyunyan, G. Constitutional Review and Its Development in the Modern World (A Comparative Constitutional Analysis) / G. Harutyunyan, A. Mavii. – Yerevan–Ljubljana, 1999. – 445 p.
2. Дробязко, С.Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С.Г. Дробязко // Право и демократия: сб. науч. тр. / редкол.: В.Н. Бибилко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2003. – Вып. 14. – С. 15–34.
3. Аристотель. Физика: в 8 кн. / Аристотель; пер. В.П. Карпова. – Книга II // Библиотека философского факультета МГУ им. М. Ломоносова [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://www.philos.msu.ru/library>. – Дата доступа: 10.09.2008.
4. Зорькин, В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В.Д. Зорькин // Конституционное правосудие. Вестн. Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. – Ереван: Центр конституционного права Респ. Армения, 2006. – Вып. 3(33). – С. 5–37.
5. Миклашевич, П.П. Правовой механизм предварительного конституционного контроля / П.П. Миклашевич // Вестн. Конституционного Суда Респ. Беларусь. – 2008. – № 4. – С. 122–131.
6. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.ncpi.gov.by/webnpa>. – Дата доступа: 04.04.2009.
7. О нормативных правовых актах Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З: с изм. и доп.: текст по состоянию на 15 июля 2008 г., № 410-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 184. – 2/1507.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.
9. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: принят Палатой представителей 31 мая 2006 г.: одобр. Советом Респ. 16 июня 2006 г.: текст Кодекса по состоянию на 5 марта 2007 г. – Минск: Амалфея, 2007. – 148 с.
10. Конституционный Суд Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://www.ncpi.gov.by/ConstSud>. – Дата доступа: 18.08.2017.
11. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.ncpi.gov.by/webnpa>. – Дата доступа: 04.04.2009.
12. Василевич, Г.А. Послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности – реальный вклад в развитие правовой системы [Текст] / Г.А. Василевич; Конституционный Суд Респ. Беларусь. – Минск: Право и экономика, 2007. – 341 с.

Поступила в редакцию 17.10.2017 г.

Национальный механизм обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь: социально-экономический аспект

Храмцова Ф.И.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь

Раскрыты социально-экономические аспекты функционирования национального механизма обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь на современном этапе. Доказано факторное влияние человеческого капитала как приоритета гендерной политики на устойчивость экономики, конкурентоспособность страны.

Цель статьи – проанализировать национальный механизм обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь, выявить региональный потенциал гендерной политики, направления ее совершенствования.

Материал и методы. Интерпретированы результаты авторских научных исследований по заданиям государственных программ (2008–2017 гг.), тезисы доклада Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко (21.04.2017 гг.), законодательство ООН в сфере гендерных отношений, гендерная национальная статистика. Применены методы научно-теоретического анализа, гендерной экспертизы национального законодательства, гендерной методологии ООН, проектирования и программирования региональной гендерной политики.

Результаты и их обсуждение. Обоснованы сущность, особенности государственной гендерной политики на современном этапе. Доказан интегральный характер гендерной политики как неотъемлемой части процесса разработки политических решений посредством гендерной статистики. Раскрыта суть структурно-функционального принципа национального механизма обеспечения гендерного равенства: в республиканском, региональном, локально-поселенческом измерении. Выявлены тенденции в сфере гендерных отношений. Сформулированы задачи деятельности органов власти и институтов гражданского общества по реализации сбалансированной гендерной политики.

Заключение. Изложены основные социально-экономические аспекты национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2017–2020 годы. Раскрыты предложения Академии управления при Президенте Республики Беларусь для включения в Региональный план реализации гендерной политики Минского городского исполнительного комитета на 2017–2020 годы. Опыт гендерного проектирования может быть применен руководителями региональных органов власти в целях развития конкурентоспособности женщин на рынке труда, их деловой активности, расширения экономических возможностей.

Ключевые слова: гендерная компетентность, гендерная политика, гендерная статистика, гендерное бюджетирование, гендерное равенство, национальный механизм, устойчивое развитие, экспертные рабочие группы.

National Mechanism of Providing Gender Equality in Republic of Belarus: the Social and Economic Aspect

Khramtsova F.I.

President of the Republic of Belarus Management Academy

Social and economic aspects of functioning of the national mechanism of providing gender equality in the Republic of Belarus at present are presented. Factor influence of human capital, as a priority of gender policy, on the stability of economy and competitiveness of the country is proved.

The aim of the article is to analyze the national mechanism of providing gender equality in the Republic of Belarus, to educe the regional potential of gender policy, to define directions of its perfection.

Material and methods. The findings of the authorial scientific researches under the government program (2008–2017) tasks are interpreted, as well as the lecture of the President of Republic of Belarus (21.04.2017), legal acts of the UNO in the sphere of gender relations, gender national statistics. The methods of theoretical analysis, gender examination of the national legislation, UNO gender methodology, planning and programming of regional gender policies are applied.

Findings and their discussion. The essence and features of the state gender policy at the present stage are grounded. The integral nature of gender policy as an integral part of the process of developing policy decisions through gender statistics has been proved. The essence of the structural and functional principle of the national mechanism for ensuring gender equality is revealed: in the national, regional, local-settlement dimensions. Tendencies in the sphere of gender relations are revealed. Tasks of the government bodies' activities and civil society institutions on the implementation of a balanced gender policy are formulated.

Conclusion. The main social and economic aspects of the National Action Plan for Gender Equality 2017–2020 are outlined. The proposals by the President of the Republic of Belarus Academy of Management to be included into the Regional Plan for the Implementation of the Gender Policy of the Minsk City Executive Committee for 2017–2020 are disclosed. The experience of gender designing can be applied by the heads of regional authorities in order to develop the competitiveness of women in the labor market, their business activity, and the expansion of economic opportunities.

Key words: gender competence, gender politics, gender statistics, gender budgeting, gender equality, national mechanism, sustainable development, expert teams.

Актуальность проблемы совершенствования национального механизма обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь обусловлена возрастающей сложностью задач политики государства в обеспечении роста конкурентоспособности национальной экономики. Эффективность их решения напрямую зависит от уровня развития человеческого потенциала на основе гендерного равенства как цели, ресурса и фактора устойчивого развития общества. Общеизвестно, что человеческий потенциал, включаясь в сферу общественного производства, преобразуется в капитал человеческий. По мнению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, именно человеческий капитал является движущей силой «создания прочной экономики, экономики завтрашнего дня» [1]. В частности, в Послании к белорусскому народу и Национальному собранию (21.04.2017) Глава белорусского государства подчеркивает возрастающую роль человеческого капитала как высшей ценности, поскольку «это инвестиции в будущее. Здоровая, образованная нация, с богатой культурой – основа устойчивого развития».

Такая постановка проблемы актуализирует стратегическую задачу обеспечения гендерного императива политики государства во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества. Разработка этой проблемы предопределяет методологическую опору на генезис лонгитюдных исследований¹, изложенных в работах автора, на основе методологии политической науки, в русле метапарадигмального подхода. Отсюда логично рассматривать государственную гендерную политику как сложный, многогранный, сингулярный вид деятельности легитимных властных институтов, в силу синергизма сложившихся гендерных детерминаций. Проанализируем сущность дефиниции.

¹ Храмцова, Ф.И. Политическая социализация молодежи в Республике Беларусь: гендерное измерение: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Ф.И. Храмцова. – М., 2009. – 432 с.; Храмцова, Ф.И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект / Ф.И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2012. – 332 с.; Храмцова, Ф.И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь / Ф.И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2014. – 292 с.

В современном мире гендерное равенство общепризнано как индикатор представительной демократии, основополагающий принцип этики, основа профессиональной компетентности. Декларация Тысячелетия (Саммит, 2000) вслед за Пекинской Платформой действий (1995) определила равенство прав и равенство возможностей женщин и мужчин как основу устойчивого развития: «Ни один человек и ни одна страна не должны лишаться возможности пользоваться благами развития. Должно быть гарантировано равенство прав и возможностей мужчин и женщин» [2]. Главным ресурсом гендерного равенства в национальных государствах является национальный механизм его обеспечения (national machinery), под которым понимается государственная структура по защите «интересов женщин при выработке социальной политики и ее практической реализации. Национальный механизм (НМ) имеет три измерения – правовое, организационное, содержательное»². В этой связи в работе принят анализ специфики функционирования национального механизма обеспечения гендерного равенства на современном этапе.

Итак, исходным понятием в разработке проблемы является «гендерная политика», которое в широком смысле понимается как одно из направлений социальной политики. При этом гендерная политика направлена на преодоление дискриминации по признаку пола, гендерной асимметрии в сфере властных отношений, гендерного дисбаланса на рынке труда, занятости. Гендерная политика в контексте международных законодательных актов осуществляется с учетом национального своеобразия, особенностей политического устройства и социально-экономического развития отдельно взятой страны. При всех существующих различиях гендерная политика в ее узком значении – это целенаправленный, динамический, адаптивный процесс государственного управления, регулирования, координации, контроля в сфере гендерных отношений на трех основаниях: заданной политической доктрины;

² Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О.А. Воронина. – М.: МАКС Пресс, 2008. – С. 9.

государственной идеологии; программных приоритетов и ценностей гендерного равенства.

Реализация гендерной политики требует анализа статистики, мониторинга, учета гендерной социальной и политической реальности и на этой основе принятия решений. Важно понимать, в чем состоят особенности, каковы взаимосвязи понятий «государственная гендерная политика» и «гендер», как явление, процесс, иерархия, стратификация в трехчастном измерении (класс, пол, раса) – по К. Даггеру³.

Если первое понятие достаточно самостоятельное явление, то гендер (в контексте – гендерные отношения) понимается как объект воздействия политики государства, упорядочивания и инкультурации. Вместе с тем «гендер» включает смыслы обратного действия, т.е. воздействия на политику государства. Особенности такого влияния не в рационально выраженном управлении гендера политикой, но в косвенном воздействии, имеющем действенный характер влияния на динамику и целеполагание государственной политики. В этом смысле специфика гендера как неформализованной системы социальных отношений состоит в отсутствии собственной единой государственной или межгосударственной политической институции. Поэтому гендер не аккумулирует проблемную область гендерных отношений и не может ее воплощать в политических решениях, в форме требований. Особенность гендерных отношений в динамике форм: общественных организаций, стихийных движений, формирований, публичных актов, интернет-сообществ, медийных персон. Динамика и ареал гендерных отношений за последние десятилетия значительно возросли. Поэтому политики, национальные парламенты и правительства вынуждены давать ответы на запросы гендерных общностей, перестраивать программы в соответствии с новыми запросами. В современном мире гендерные отношения задают повестку предвыборных кампаний, политических дебатов, сессий парламентов, заседаний правительств, меняя политический ландшафт отдельных стран и целых континентов.

Цель данной научной работы – проанализировать социально-экономические аспекты функционирования Национального механизма обеспечения гендерного равенства в Республике Беларусь, выявить региональный потенциал гендерной политики, направления ее совершенствования.

³ Цит. по: Храмцова, Ф.И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект / Ф.И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2012. – 332 с. Ссылка на источник: Dugger, K. "Social location and gender-role attitudes: A comparison of Black and White women" *Gender and Society*, Dec. 1988. – V. 2, n. 4. – P. 11.

Материал и методы. Интерпретированы результаты авторских научных исследований по заданиям государственных программ (2008–2017 гг.), тезисы доклада Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко (21.04.2017 г.), законодательство ООН в сфере гендерных отношений, гендерная национальная статистика. Применены методы научно-теоретического анализа, гендерной экспертизы национального законодательства, гендерной методологии ООН, проектирования и программирования региональной гендерной политики.

Результаты и их обсуждение.

1. Сущность, особенности государственной гендерной политики в Республике Беларусь на современном этапе.

Предпринятый анализ и характеристика гендерной политики в Республике Беларусь на современном этапе осуществлены на основе выводов, полученных в ходе многолетних авторских исследований по заданиям государственных программ. В этой связи раскроем суть научно обоснованных закономерностей государственной гендерной политики в Республике Беларусь.

Первое положение. *Закономерность интегрального характера гендерной политики* состоит во включении гендерной составляющей во все компоненты, уровни полисубъектного социально-политического процесса, в процедуры выработки политических решений. Основным субъектом гендерной политики является государство, его базовые институты. Формируемые политически, гендерные отношения не только охватывают и отражают структуру белорусского общества, но и задают направления, рамки гендерной трансформации в обеспечении конституционных прав женщин, при этом расширяя социально-экономические возможности в доступе к социальным благам, ресурсам управления.

Междисциплинарность гендерной политики интегрирует ее с различными направлениями социальной и экономической политики. Отсюда следует: гендерная политика имплицитна целям, содержанию семейной политики, демографической, образовательной, молодежной, охраны материнства и детства, здравоохранения. Формирование и реализация гендерной политики опирается на анализ, интерпретацию статистических данных (направлений социальной политики), которые дезагрегированы по признаку пола, в динамике показателей. На основе использования методологии ООН, с учетом национальной специфики белорусского общества разработана и активно развивается релевантно-гендерная статистика как информационный ресурс принятия решений. Гендерная статистика применяется органами государственной власти, управленцами-

практиками, учеными, научными работниками, другими специалистами.

Второе положение. Закономерность эффективности гендерной политики в Беларуси от уровня функционирования Национального механизма обеспечения гендерного равенства. Суть данной закономерности в интеграции воли, практических действий, решений государства и участия институтов гражданского общества. В такой интеграции особая роль отводится структурно-функциональному принципу распределения ряда функций сбалансированной гендерной политики в Республике Беларусь на 3-х взаимосвязанных уровнях:

- республиканском, на котором функции координации, мониторинга, экспертизы законодательных и управленческих актов осуществляет Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь;

- региональном, на котором функции планирования, организации и контроля над реализацией гендерной политики осуществляют экспертные рабочие группы, в составе которых руководители органов государственной власти, учреждений, организаций, общественные деятели, ученые; деятельность экспертных рабочих групп осуществляется при областных исполнительных комитетах, Минском горисполкоме, совместно с Советами депутатов;

- локально-поселенческом, на котором организационно-распорядительные, нормативно-методические функции этого уровня осуществляют органы местного управления и самоуправления по реализации плана гендерной политики в целях корректно-гендерного развития социально-демографических групп; конструирования гендерных отношений по месту учебы, работы, в общественных организациях, объединениях, движениях, социуме, семье – средствами интеграции, социального партнерства институтов.

Третье положение. Закономерность возрастания ключевой роли гендерного фактора в изменяющемся мире и белорусском обществе сегодня состоит во всеобъемлющем развитии потенциала женщин как движущей силы устойчивого социально-экономического развития. Основные тенденции в сфере гендерных отношений состоят, с одной стороны, в возрастании социальной энергии женщин, их социально-экономической и политической активности. С другой стороны, усиливается влияние рисков на рынке труда, информационных угроз в условиях глобализации, ультрагендерных идеологий девальвации института семьи и брака, предотвращение которых составляет главную задачу деятельности органов государственной власти и гражданского общества на основе активного включения социально-политического, экономического, нравственного и

гражданского потенциала женщин в модернизацию страны.

Практика подтверждает, использование гендерного подхода в системе государственного управления в Республике Беларусь способствует обеспечению прав, свобод, расширению возможностей женщин, повышает их социальные, экономические и политические статусы как внутри общественных институтов, так и на уровне государства. И наоборот, игнорирование гендерного фактора может быть разрушительным для общества и его институтов.

Таким образом, государственная гендерная политика в Республике Беларусь – это целенаправленная деятельность органов власти по обеспечению конституционных прав и свобод женщин и мужчин на основе гендерного равенства, с учетом этнокультуры, в целях всеобъемлющего развития и самореализации человеческого потенциала, расширения социально-экономических возможностей женщин в доступе к ресурсам общества, социальным благам, власти – средствами государственно-правового регулирования.

2. Социально-экономические аспекты Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2017–2020 годы.

Раскроем социально-экономические параметры эффективности гендерной политики. В контексте гендерной парадигмы (Декларация тысячелетия ООН, 2000) и гендерной методологии (Саммит ООН по устойчивому развитию, 2015) параметрами эффективности являются основные показатели:

- представительство женщин в Национальном парламенте и динамика его удельного веса;
- страновой индекс человеческого развития женщин в соотношении с индексом человеческого развития мужчин;
- страновой индекс гендерного развития как обобщенный показатель положения социально-демографических групп;
- страновой индекс гендерного неравенства в рангах индексов стран-участниц ООН;
- страновой индекс гендерного разрыва по социально-экономическим индикаторам;
- коэффициенты охвата населения образованием по его уровням, продолжительность обучения в соответствии с Международной стандартной классификацией образования (далее МСКО).

Применительно к оценке состояния государственной гендерной политики в Республике Беларусь сохраняется устойчивая тенденция прогресса по всем основным показателям в их динамике. Согласно гендерной универсальной норме ООН (1/3: женщины, мужчины соответственно) в сфере принятия политических решений по ито-

гам созывов обеспечено 30-процентное представительство женщин по результатам выборов в Национальное собрание Республики Беларусь. В 2016 году доля женщин возросла и составила 33,7 процента от общей численности депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики. Для сравнения: на 1 августа 2016 года, по данным Межпарламентского союза, в странах Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Северной Европы представительство женщин в двухпалатных парламентах составляет 25,6 процента, тогда как мировой показатель – 22,8 процента [4]. По итогам 2015 года Беларусь включена в группу 15 стран мира, где индекс человеческого развития женщин равен или превосходит аналогичный показатель мужчин. Индекс гендерного развития Беларуси составляет 1,021. По индексу гендерного неравенства страна занимает 31-е место среди 155 стран мира. Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 года страна занимает 30-е место из 144 государств [4]. Коэффициент охвата населения первым этапом среднего образования составляет 95,5 процента для женщин и 95,4 процента для мужчин (уровень МСКО 2). Общий коэффициент охвата населения вторым этапом среднего образования составляет 107 процентов для женщин и 113,6 процента для мужчин (уровень МСКО 3). Третьим образованием охвачено 103,8 процента женщин и 80 процентов мужчин. Средняя продолжительность обучения (11,5 года) и ожидаемая продолжительность обучения (15,7 года) являются высокими среди 28 стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран. Беларусь входит в число 25 стран из 179, благоприятных для рождения ребенка, и лидирует среди государств-участников Содружества Независимых Государств [4].

Векторы изменения характера и сферы действия гендерного фактора политики за последние годы связаны с последовательным выполнением целей и задач программных документов: Нацио-

нального плана действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 годы, Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2001–2005 годы, Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2008–2010 годы и Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства на 2011–2015 годы. Продвижение гендерного равенства претерпело эволюцию от влияния на улучшение положения женщин до гендерного фактора политики как национального механизма развития человеческого потенциала. Особенности продвижения гендерного равенства в следующем: от политики решения социальных проблем женщин к обеспечению гендерного подхода в принятии политических решений; от разработки законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих гендерное равенство, к расширению масштабов гендерной экспертизы национального законодательства в целях его совершенствования; от просветительских кампаний к гендерному образованию руководителей и управленцев на всех уровнях системы государственного управления.

Раскроем региональные особенности гендерной политики в Республике Беларусь на современном этапе. Правовыми основами, инструментом реализации региональной гендерной политики является утвержденный Советом Министров Республики Беларусь (от 17.03.2017 г., № 149) пятый программный документ – Национальный механизм обеспечения гендерного равенства на 2017–2020 годы (далее Национальный механизм). Как было отмечено, основным показателем регионального измерения состояния гендерной политики выступает динамика участия женщин в сфере принятия решений, лидерского потенциала, по этому параметру очевидна динамика роста. Региональное измерение гендерного состава государственных служащих в Республике Беларусь на 1 июля 2015 года отражает значительное преобладание женщин от общей численности [5].

Таблица 1 – Численность государственных служащих государственных органов и иных государственных организаций Республики Беларусь (по состоянию на 1 июля 2015 года, в %)

Регион страны (область)	Женщины	Мужчины
Брестская	66,0	34,0
Витебская	71,7	28,9
Гомельская	70,5	29,5
Гродненская	66,4	33,6
Минск	67,9	32,1
Минская	78,5	21,5
Могилевская	72,3	27,7

Таблица 2 – Предложения кафедры управления региональным развитием для включения в региональный план гендерной политики Мингорисполкома по реализации национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь (2017–2020 гг.)

Наименование мероприятия	Срок реализации, периодичность	Ожидаемый результат, наименование показателя	Исполнители
Развитие институционального механизма по обеспечению гендерного равенства			
1. Проведение постоянно действующего семинара для руководителей органов государственного управления г. Минска с участием экспертов рабочих групп «Гендерная стратегия развития города Минска: параметры эффективности» (по реализации Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 гг.)	2017–2020	Определение направлений, системы показателей эффективности региональной гендерной политики (2017–2020 гг.) Количество семинаров Мониторинг гендерной компетентности руководителей органов государственного управления г. Минска	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, иные органы Мингорисполкома
2. Круглый стол на тему: «Взаимодействие органов государственной власти и структур гражданского общества в реализации региональной гендерной стратегии–2020»	2017	Издание практических рекомендаций по реализации гендерной региональной стратегии–2020	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, иные органы Мингорисполкома
3. Тренинги гендерной компетентности государственных служащих, руководителей ведомств и органов государственного управления г. Минска «Гендерная матрица управленческих решений» с участием представителей научного сообщества	2017–2020	Количество тренингов Тестовые диагностики гендерной компетентности руководителей органов государственного управления г. Минска	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, Комитет по здравоохранению, комитет по образованию, иные органы
4. Изучение регионального потенциала Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11.05.2011 в обеспечении гендерного подхода в защите прав, законных интересов граждан	2017–2020	Экспертное заключение о состоянии регионального потенциала документа	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ученые, экспертные рабочие группы, заинтересованные государственные органы
Расширение экономических возможностей женщин и мужчин			
5. Создание мобильного центра по оказанию комплексной помощи безработным женщинам в вопросах предпринимательской деятельности	2017–2020	Доля женщин в общей численности безработных, получивших субсидии для предпринимательской деятельности	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома
6. Профильное обучение по гендерно-ориентированным образовательным программам безработных из числа граждан, нуждающихся в социальной защите и неспособных на равных условиях конкурировать на рынке труда, граждан, осуществляющих уход за детьми до 3 лет	2017–2020	Количество безработных граждан, граждан, осуществляющих уход за детьми в возрасте до 3 лет, направленных на обучение, с разбивкой по полу	Управление комитета по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома

Продолжение таблицы 2

7. Городская научно-практическая конференция «Гендерное измерение сегмента предпринимательства в городе Минске»	2018	Рекомендации конференции по развитию малого, среднего, женского предпринимательства в г. Минске на основе гендерного измерения и гендерного подхода	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, научное сообщество, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, иные заинтересованные органы
8. Городские ярмарки вакансий для инвалидов и безработных из числа граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда	2017–2020	Количество граждан с инвалидностью и безработных с учетом половой принадлежности, принявших участие в мероприятиях	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, Комитет по здравоохранению, комитет по образованию, иные заинтересованные органы
Обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья			
9. Создание многоуровневой системы защиты и охраны сексуального и репродуктивного здоровья обучающейся молодежи	2017–2020	Научная разработка и практическое внедрение мультипликативной модели защиты и охраны сексуального и репродуктивного здоровья учащейся молодежи	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, Комитет по здравоохранению, комитет по образованию, родительская общественность, иные органы Мингорисполкома
10. Открытие районных центров, дружественных детям, по профилактике ВИЧ, экспресс-тестированию подростков на ВИЧ, предупреждению беременности, аборт, заболеваний, передающихся половым путем	2017–2020	Количество районных центров, паспортизация введенных объектов	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, родительская общественность, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, иные заинтересованные органы
11. Разработка и внедрение региональной модели ранней диагностики и охраны мужского здоровья	2017–2020	Уровень заболеваемости репродуктивной системы мужчин	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, комитет по здравоохранению, комитет по образованию
12. Информационные кампании по теме сексуального и репродуктивного здоровья современной молодежи	2017–2020	Количество мероприятий с учетом гендерных групп	СМИ, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, общественные организации
13. Панельное исследование на тему «Ответственное и безопасное поведение молодежи» с учетом половозрастной специфики	2017–2020	Аналитический отчет	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, экспертные рабочие группы, научное сообщество

Продолжение таблицы 2

Обеспечение гендерного равенства в семейных отношениях			
14. Социологическое исследование проблем гендерного равенства в сфере семьи и брака на основе полоролевой выборки г. Минска	2017	Аналитический отчет	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, экспертные рабочие группы, научное сообщество
15. Городская родительская онлайн конференция «Равная ответственность родителей за воспитание детей»	2018	Количество родителей, принявших участие в конференции	Комитет по образованию, комитет по здравоохранению, ГУВД, родительские комитеты, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, СМИ, заинтересованные органы Мингорисполкома
16. Круглый стол «Корпоративная политика организаций и предприятий г. Минска в отношении работников с семейными обязанностями»	2019	Резолюция участников круглого стола	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, экспертные рабочие группы, научное сообщество, общественные организации
17. Информационные кампании в столичных СМИ и коммуникациях по продвижению гендерного равенства в сфере института семьи и брака	2017–2020	Количество мероприятий	СМИ, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, другие органы
18. Столичный конкурс молодежных социальных проектов «Моя будущая семья»	2017–2020	Количество участников	Комитет по образованию, комитет по здравоохранению, ГУВД, родительские комитеты, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, СМИ, другие органы
Противодействие насилию в семье и торговле людьми			
19. Городская научно-практическая конференция «Гендерная культура семьи как фактор противодействия насилию»	2018	Резолюция конференции по формированию гендерной культуры семьи	Комитет по образованию, комитет по здравоохранению, ГУВД, родительские комитеты, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, СМИ, заинтересованные органы
20. Информационные кампании в столичных СМИ и социальных коммуникациях по профилактике домашнего насилия и торговле людьми	2017–2020	Количество мероприятий	СМИ, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, общественные организации, иные органы
21. Городской смотр-конкурс качества социальных услуг, предоставляемых социальными службами пострадавшим от насилия в семье, торговли людьми	2017–2020	Стандарты качества социальных услуг	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, Комитет по здравоохранению, комитет по образованию, общественные организации, иные заинтересованные органы

Окончание таблицы 2

22. Подготовка методического пособия «Социальная реабилитация женщин-жертв торговли людьми» (для работников районных ТЦСОН г. Минска, сотрудников других социальных служб)	2018	Издание методического пособия	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, ГУВД, Комитет по здравоохранению, комитет по образованию, общественные организации, иные заинтересованные органы Мингорисполкома, научное сообщество, экспертные группы
Гендерное образование и просвещение			
23. Разработка и введение в Основные образовательные программы учебных дисциплин «Гендерология и феминология», «Семьеведение», а также гендерных модулей в Рабочие программы учебных дисциплин по различным направлениям подготовки в вузах	2017–2020	Количество учебных дисциплин, обновленных гендерным модулем	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, комитет по образованию, экспертные рабочие группы, научное сообщество, другие органы Мингорисполкома
24. Система информационно-идеологического обеспечения гендерной политики Мингорисполкома	2017–2020	Количество информационных и идеологических мероприятий	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, СМИ, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, общественные организации, иные заинтересованные органы
25. Конкурс «Женское лицо столицы» (по пропаганде позитивного имиджа успешной минчанки, сочетающей трудовые, семейные и общественные обязанности)	2017–2020	Количество участниц городского конкурса	Комитет по труду, занятости и социальной защите Мингорисполкома, СМИ, комитет по здравоохранению, комитет по образованию, ЮНИСЕФ, ЮНФПА, общественные организации

Региональный потенциал политического статуса женщин отражают результаты выборов депутатов местных Советов депутатов 27-го созыва (23 марта 2014 года): избрано 8700 женщин (46,3 процента от общего количества депутатов). Также в регионах Советы депутатов всех территориальных уровней возглавляют женщины (более 30 процентов). Женщины составляют около 68 процентов государственных служащих, занятых в органах судебной власти [4]. Обобщая вопрос регионального измерения гендерной политики, с опорой на анализ практики Минского городского исполнительного комитета, предпринятый автором в качестве члена экспертной рабочей группы, сформулируем наиболее актуальные задачи:

- развитие инновационного потенциала экспертных рабочих групп как субъектов региональной вертикали гендерной политики, в компетенциях которых инициирование разработки, совершенствования административно-правовых, организационно-управленческих, научно-методических основ партнерства с органами местного управления и самоуправления, государственными учреждениями, организациями, институтами гражданского общества;

- формирование и развитие гендерной компетентности и гендерной политической культуры руководителей, специалистов органов государственного управления, государственных и негосударственных организаций, их заместителей в условиях региональной системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров;

- подготовка специалистов новой квалификации: гендерная экспертиза национальных и региональных нормативных правовых актов, консультационной, нормотворческой деятельности по решению региональных гендерных проблем;

- подготовка специалистов новой квалификации: гендерное бюджетирование государственных и региональных программ как инструмент эффективного, прозрачного, адресного распределения финансовых ресурсов в русле Стратегии реформирования системы управления государственными финансами в Республике Беларусь (Постановление Совета Министров от 23.12.2015 г., № 1080) [6].

3. Проектирование предложений Академии управления при Президенте Республики Беларусь в план реализации гендерной политики Минского горисполкома на 2017–2020 годы.

Реализация потенциала экспертных рабочих групп как основных субъектов региональной вертикали гендерной политики требует усиления научно-инновационной роли республиканских и региональных университетов за счет практиче-

ских эффектов от результатов научно-исследовательской деятельности. На неотложное решение этой задачи указывает Глава государства А.Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию (21.04.2017): «Следует активизировать работу по развитию университетов как центров научно-инновационной деятельности» [1].

Примером такого подхода является практика инновационно-образовательной, научно-внедренческой, консалтинговой деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь в сфере государственной гендерной политики. В частности, образовательный процесс подготовки специалистов высшей квалификации в области государственного управления, системы переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров содержит гендерный модуль формирования профессиональной компетентности «Гендерная матрица управленческих решений», разработанный коллективом кафедры управления региональным развитием. Полученные результаты научно-исследовательских работ этой кафедры востребованы региональными органами власти и используются при проектировании региональных планов гендерной политики по реализации Национального механизма на 2017–2020 годы. Например, в ходе социального партнерства и по запросу Минского горисполкома (от 26.04.2017, № 10/2-18/791) подготовлены предложения для их включения в региональный план.

В качестве наглядного примера в таблице 2 представлен проект плана гендерной политики Минского горисполкома по реализации Национального механизма на 2017–2020 годы, разработанный кафедрой управления региональным развитием Академии управления при Президенте Республики Беларусь. Проектом плана предусмотрены мероприятия, направленные на решение следующих задач:

- развитие регионального потенциала Национального механизма по обеспечению гендерного равенства;
- расширение экономических возможностей женщин и мужчин;
- обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья;
- обеспечение гендерного равенства в семейных отношениях;
- противодействие насилию в семье и торговле людьми;
- гендерное образование и просвещение.

В частности, раздел плана «Развитие институционального механизма по обеспечению гендерного равенства» включает проведение:

- постоянно действующего семинара для руководителей органов государственного управ-

ления г. Минска «Гендерная стратегия развития города Минска: параметры эффективности» с участием экспертов рабочих групп;

- круглого стола на тему: «Взаимодействие органов государственной власти и структур гражданского общества в реализации региональной гендерной стратегии–2020»;

- тренингов гендерной компетентности государственных служащих, руководителей ведомств и органов государственного управления г. Минска «Гендерная матрица управленческих решений», а также изучение регионального потенциала Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11.05.2011 в обеспечении гендерного подхода в защите социальных, экономических, политических прав и законных интересов граждан.

Реализация мероприятий плана имеет выраженную практическую направленность. В частности, направление «Расширение экономических возможностей женщин» включает как определение формы мероприятий, так и системы показателей эффективности региональной гендерной политики; а также разработку рекомендаций по развитию малого, среднего, женского предпринимательства в г. Минске; создание мобильного центра по оказанию комплексной помощи безработным женщинам в вопросах предпринимательской деятельности. При этом ожидаемый результат предполагает рост доли женщин в общей численности безработных, получивших субсидии для предпринимательской деятельности.

Важным направлением разработанных предложений в региональный план по реализации гендерной политики является профильное обучение безработных женщин по гендерно-ориентированным образовательным программам из числа нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда, которые осуществляют уход за детьми до 3 лет. Запланированная городская научно-практическая конференция: «Гендерное измерение сегмента предпринимательства в городе Минске» предусматривает выработку практических рекомендаций по развитию малого, среднего женского предпринимательства в г. Минске. Востребованными могут стать городские ярмарки вакансий для инвалидов-женщин и женщин-безработных из общего числа граждан, особо нуждающихся в социальной защите и не способных на равных условиях конкурировать на рынке труда.

Заключение. В статье рассмотрены социально-экономические аспекты реализации Национального механизма обеспечения гендерного

равенства в Республике Беларусь, которые включают единый комплекс действенных государственных мер по поддержке, развитию экономической активности и самостоятельности женщин, социального благополучия семей с детьми в условиях возрастания рисков женской безработицы в условиях рыночной среды. Социально-экономические механизмы государственной гендерной политики предусматривают целенаправленные меры по регулированию уровня доходов семей с детьми на основе государственных пособий и оказания адресной социальной помощи.

Одним из приоритетов и главной целью государственной гендерной политики является повышение конкурентоспособности женщин на рынке труда через профессиональное обучение и профессиональное переобучение женщин в статусе «безработная», повышение квалификации за счет средств государственного внебюджетного фонда. Наряду с этим экономические аспекты гендерной политики на современном этапе включают инструменты стимулирования роста женской деловой активности посредством целевого субсидирования организации предпринимательской деятельности, новых форм трудовой занятости в сфере агротуризма, ремесленничества, самозанятости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лукашенко, А.Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 21 апреля 2017 г. [Электронный ресурс] / А.Г. Лукашенко // Офиц. Интернет-портал Президента Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/ezhegodnoe-poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-16059/. – Дата доступа: 04.07.2017.
2. Храмцова, Ф.И. Политическая социализация молодежи в Республике Беларусь: гендерное измерение: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / Ф.И. Храмцова. – М., 2009. – 432 л.
3. Храмцова, Ф.И. Гендерная методология подготовки специалистов социальной работы: метапарадигмальный аспект / Ф.И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2012. – 332 с.
4. Храмцова, Ф.И. Социальный иммунитет молодежи как фактор национальной безопасности Республики Беларусь / Ф.И. Храмцова. – Минск: Бестпринт, 2014. – 292 с.
5. Пекинская декларация [Электронный ресурс]: принята четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сент. 1995 г. // Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml. – Дата доступа: 04.07.2017.
6. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: принята резолюцией 55/2 Генер. Ассамблеи от 8 сент. 2000 г. // Веб-сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml. – Дата доступа: 04.07.2017.
7. Dugger, K. Social location and gender-role attitudes: a comparison of black and white women / K. Dugger // *Gender and Society*. – 1988. – V. 2. – P. 425–448.
8. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Резолюция, принятая Генер. Ассамблеей ООН 25 сент. 2015 г. – Режим доступа: http://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf. – Дата доступа: 04.07.2017.

9. Об утверждении Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2017–2020 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 17 февр. 2017 г., № 149 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
10. Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сб. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/upload/iblock/447/447a94be748ee550411f1fc4931c3b4b.zip>. – Дата доступа: 04.07.2017.
11. Об утверждении Стратегии реформирования системы управления государственными финансами Республики Беларусь [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 дек. 2015 г., № 1080 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
12. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием [Электронный ресурс]: Серия договоров Совета Европы – № 210. – Стамбул. 11.05.2011. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/168046253f>. – Дата доступа: 04.07.2017.

Поступила в редакцию 16.10.2017 г.

УДК 338.24.021.8:338.45.01(476)

Современная структурная политика и кризис наноиндустрии¹

Солодовников С.Ю.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В Беларуси продолжается технологическая модернизация реальной экономики, разрабатываются механизмы и формы совершенствования этого процесса. В этом контексте становится актуальным новый взгляд на структурную политику в новых условиях.

Цель данной научной работы заключается в развитии теоретических основ структурной политики Республики Беларусь в контексте кризиса наноиндустрии и на этой основе выработке практических рекомендаций по совершенствованию этой политики.

Материал и методы. Методической основой публикуемого исследования послужили системный и институциональный подходы, факторный анализ. В качестве используемых материалов выступили научные труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, отчет по НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

Результаты и их обсуждение. Сущность и особенности современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики заключаются в разработке и реализации системы мер, направленных на формирование новых межотраслевых, внутриотраслевых и региональных пропорций. За счет этого могут быть обеспечены сбалансированное инновационное развитие экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе использования достижений научно-технической революции с целью содействия успешной реализации социально-экономической политики. В Беларуси необходимо применить зонтичные стратегии развития наноиндустрии в составе комплексных технологических направлений, а также секторально и проблемно ориентированные стратегии развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий развития национального промышленного комплекса. Современная структурная политика Беларуси должна быть направлена на осуществление новой индустриализации, которая не может быть обеспечена без расширенного воспроизводства социально-научного сообщества, кадрового и идеологического обеспечения НИОКР.

Заключение. Выявлены особенности современной структурной политики в контексте кризиса наноиндустрии, выработаны рекомендации по совершенствованию стратегии развития нанотехнологий в Республике Беларусь.

Ключевые слова: структурная политика, экономический рост, инновационное развитие.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

Modern Structural Policy and Crisis of the Nanotech Industry

Solodovnikov S. Yu.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

The estimation of efficiency of any company is very important nowadays to provide growth of its activity results – volume of production, incomes and profits. In the Republic of Belarus, technological modernization of the real sector of the economy is continued, new mechanisms and forms of improving this process are being developed. In this context, a new view of structural policy under new conditions becomes urgent.

The purpose of this scientific work is to develop the theoretical foundations of the structural policy of the Republic of Belarus in the context of the crisis of the nanotech industry and, on this basis, to develop practical recommendations for improving this policy.

Material and methods. Methodological basis of the research was the system and the institutional approaches and the factor analysis. Scientific works of domestic and foreign economists, the Research Report "Coordination of the structural policies of Belarus and Armenia in the context of the real sector of economy modernization", № G17ARM-001 June 1, 2017 Contract with BRFFI were used as the materials.

Findings and their discussion. The article shows that the essence and peculiarities of modern structural policy in the context of technological modernization of the economy consist in the development and implementation of the system of measures aimed at shaping new inter-industry, intra-industry and regional proportions. Due to this, a balanced innovative development of the economy can be ensured, and its competitiveness can be enhanced by using the achievements of the scientific and technological revolution in order to facilitate the successful implementation of the state's social and economic policy. In the Republic of Belarus it is necessary to apply umbrella strategies for the development of the nanotech industry as part of complex technological areas, as well as sector-specific and problem-oriented strategies for the development of nanotechnologies within the framework of broader strategies for the development of the national industrial complex. At the same time, the current structural policy of Belarus should be aimed at the implementation of new industrialization, which cannot be achieved without expanded reproduction of the social and scientific community, personnel and ideological support for R & D.

Conclusion. The author revealed the features of modern structural policy in the context of the crisis of the nanotech industry, and worked out recommendations for improving the strategy of nanotechnology development in the Republic of Belarus.

Key words: structural policy, economic growth, innovative development.

В настоящее время в мировой экономической науке значительно возросло количество исследований, посвященных проблемам структурной и промышленной политики и путям развития реального сектора экономики. После длительного перерыва в Западных странах под влиянием мирового финансового кризиса и бурного экономического развития новых индустриальных государств возрождается интерес к проблемам развития реального сектора экономики в контексте обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, обеспечения ее устойчивости в условиях мирохозяйственной нестабильности.

Цель статьи – развитие теоретических основ структурной политики Республики Беларусь в контексте кризиса наноиндустрии и на этой основе выработка практических рекомендаций по совершенствованию этой политики.

Материал и методы. Методической основой публикуемого исследования послужили системный и институциональный подходы, факторный анализ. В качестве используемых материалов выступили научные труды отечественных и зарубежных уче-

ных-экономистов по структурной и промышленной политике, отчет по НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

Среди зарубежных научных трудов по данной тематике интерес представляют англоязычные работы таких ученых, как D. Rodrik, D. Simon, A. Birang, C. Choo, H. Etzkovitz, M. Gulbrandsen, H. Hanush, W. Jawad, R. Nelson, M. Steffensen и др. Эти исследователи внесли значительный вклад в актуализацию тематики и изучение проблем структурной политики и индустриального сектора в контексте обеспечения инновационного развития экономики. Однако для работ этих ученых характерен общий методологический недостаток, заключающийся в преувеличении универсальности в развитии национальных хозяйств. Помимо того, в этих трудах, как правило, концентрируется внимание на особенностях структурной и промышленной политик в экономически передовых постиндустриальных обществах, что делает их малоприменимыми для стран, реализующих стратегии догоняющего развития.

В российской экономической науке исследования в области структурной политики активизировались и получили развитие в последнее десятилетие. В трудах А.И. Амосова, К.Н. Адрианова, Е.В. Бодровой, С.В. Бодрунова, С.Ю. Глазьева, В.В. Ивантера, Н.А. Новицкого, Ф.Ф. Рыбакова, О.С. Сухарева и многих других раскрыт методологический потенциал категорий структурной, промышленной и аграрной политик, показана необходимость структурной политики в контексте модернизации народного хозяйства и диверсификации экономики в условиях неустойчивой мирохозяйственной конъюнктуры. Вместе с тем практически отсутствуют работы, посвященные особенностям согласования структурной политики с другими членами ЕАЭС.

В Республике Беларусь проблемы структурной и промышленной политик исследовались И.М. Абрамовым, В.Л. Гурским, Л.Н. Нехорошевой, И.А. Михайловой-Станютой, М.В. Мясниковичем, С.В. Курегяном, А.Н. Туром, В.Н. Шимовым и многими другими. Этими исследователями были определены особенности промышленных циклов на советском пространстве, раскрыта стратегическая роль структурной политики, показано значение инноваций в модернизации белорусской промышленности, разработаны механизмы подготовки кадров для белорусской промышленности. Кроме того, до настоящего времени не удалось разработать теорию согласования структурной политики в ЕАЭС, не раскрыто значение этого согласования для темпов и механизмов модернизации белорусского реального сектора экономики. Не показано влияние на эти процессы кризиса наноиндустрии.

Результаты и их обсуждение. В соответствии с существующей традицией под структурной политикой сегодня принято понимать систему мер, направленных на формирование таких межотраслевых, внутриотраслевых и региональных пропорций, которые позволяют обеспечить сбалансированное развитие экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе использования достижений научно-технической революции с целью содействия успешной реализации проводимой государством социально-экономической политики. Вместе с тем в терминологическом плане ученые-экономисты до настоящего времени не сумели соотнести понятия, используемые для описания современной структурной политики, в том числе такие как реиндустриализация, новая индустриализация, сверхиндустриальное общество, постиндустриальное общество и многие другие. В результате такая терминологическая чехарда в ряде случаев затрудняет соотнесение различных научных точек зрения, текстов, вы-

водов и рекомендаций. Последнее само по себе значительно снижает теоретическое и практическое значение выводов и рекомендаций. Для того чтобы преодолеть этот кризис экономической мысли, П.С. Лемещенко и И.А. Лаврухина пишут о необходимости осуществить ее «парадигмальное обновление» [1, с. 34]. По справедливому мнению этих исследователей, несмотря на появившийся в последние годы определенный прогресс в развитии белорусской экономической мысли, «это не предотвратило снижения общетеоретического уровня национальной экономической науки. И проявилось в предметно-методологической неопределенности, нарушении алгоритма исследования, размытости выводов, а также в преобладающем использовании интуитивно-описательного метода» [1, с. 35]. При этом необходимо учитывать, что «в процессе постижения объективных законов хозяйственной жизнедеятельности коренным гносеологическим вопросом является выбор методологических основ исследования, зависящий от достигнутого уровня социально-экономического и технологического развития общества, а также социально-классовой принадлежности исследователя» [2, с. 82].

Описание этой проблемы и причин, ее породивших и сохраняющих, благодаря сегодняшнему методологическому упадку экономической науки потребовало бы огромной по своему объему и многолетней по срокам работы не одного научного коллектива. Поскольку такая научная задача выходит за пределы нашего исследования, остановимся лишь на констатации этого факта и оставим за собой право ссылаться на это обстоятельство в том случае, если этого потребует логика нашего дальнейшего исследования.

С. Пелих в статье «Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения» отмечает, что «необходимость реиндустриализации признается сейчас ученым сообществом и обществом в целом. Дискуссионным является вопрос о глубине реиндустриализации, а также о факторах и мерах, способных обеспечить восстановление роли промышленности в экономике Беларуси и России» [3]. В вышеприведенной цитате С. Пелиха наиболее дискуссионным является не вопрос о глубине реиндустриализации или о факторах и мерах, способных обеспечить восстановление роли промышленности в экономике Беларуси и России, а о том, что вообще следует понимать под реиндустриализацией, и если это у названного автора не синонимы новой промышленной революции или новой индустриализации, или чего-то еще, то чем они должны отличаться и почему нельзя, например, проводить в Республике Беларусь новую индустриализацию, а надо проводить именно ре-

индустриализацию. В результате того, что в статье не определены исходные понятия, она порождает больше вопросов, чем ответов. В названной статье С. Пелих в качестве общего методологического подхода отмечает: «...хотелось бы остановиться на монетарной сфере, так как, по мнению многих ученых, именно она является определяющей (при проведении реиндустриализации. – С.С.)» [3]. По нашему мнению, это еще одна очень грубая методологическая ошибка, когда сложные и многоплановые социально-экономические проблемы развития национального промышленного комплекса сводятся преимущественно к монетарной сфере, выделяя последнюю как определяющую, хотя практика хозяйствования и экономическая наука показывают, что наличие развитой инновационной системы и необходимой компетенции производственного персонала, налаживание быстрой коммерциализации научных разработок, доступность новейших технологий и еще многое другое выступают не менее важными факторами, чем монетарная сфера.

В данном случае С. Пелих вслед за некоторыми другими экономистами нарушает ряд методологических принципов, обязательных для любого экономического исследования и в том числе при выяснении особенностей современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики. Ранее нами уже указывалось, что для того, чтобы разобраться в сути экономических феноменов, прежде всего, необходимо последовательно пройти следующие методологические уровни познания этих сложных социальных феноменов:

1-й этап. Вырабатывается предварительное представление об исходных центральных понятиях исследования. Иначе говоря, нужны рабочие определения таких категорий, как субъект(ы), объект, деятельность, социальная и экономическая системы. При завершении исследования эти понятия могут быть уточнены или даже изменены, но это не избавляет исследователя, последовательно опирающегося в своей работе на принцип системности, от необходимости при научном описании того или иного социального феномена, как минимум, представлять объект исследования.

2-й этап. Выявляются и раскрываются причины, условия, противоречия, порождающие социальных субъектов и системы, основанные на социальной дифференциации, исторической обусловленности этих систем, их генезисе и тенденциях движения.

3-й этап. Выясняются потребности и интересы, которые вызывают необходимость существования и реализуются (удовлетворяются) посредством, во-первых, обществ, основанных на

разделении труда и, соответственно, социальной дифференциации системы, и, во-вторых, тех или иных социальных субъектов.

4-й этап. Раскрываются функциональные цели исследуемого феномена, а также материальные и социальные условия реализации целей и осуществления соответствующей деятельности социальных субъектов, показываются формы и способы реализации целей социальных субъектов.

5-й этап. Вырабатываются идеальные модели и нормы, регулирующие функционирование социально-субъектных отношений, а также показывается взаимодействие субъектных структур с блоками экономических отношений.

6-й этап. Проводится мониторинг реальных субъектных структур общества.

7-й этап. Вырабатывается комплекс предложений по оптимизации социальных субъектных структур современного белорусского общества с целью усиления его социально-экономической жизнестойкости [4, с. 138–139].

Современная структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна исходить, как справедливо подчеркивает С. Губанов [5], из реалистичного системного анализа тенденций развития современных индустрий. «Особенно это касается наиболее динамично развивающихся высокотехнологичных индустрий, обладающих потенциалом утверждения в качестве “ядра” неоиндустриального хозяйства», – пишут Д. Фролов и И. Полынцев [6, с. 27]. Для успешной реализации современной структурной политики необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов, как: человеческий капитал, социальный капитал, финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них. Соответственно и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать. При этом в ряде случаев несколько из названных видов капитала могут одновременно существовать в рамках одной бытийной формы (одного социально-экономического явления). Например, социально-экономическое сообщество является одновременно формой расширенного воспроизводства человеческого и социального капиталов.

Современная структурная политика формируется в условиях глубокого кризиса нанопромышленности [6]. Д. Фролов и И. Полынцев подчеркивают, что «осмысление причин и последствий кризиса нанопромышленности позволит конструктивно скорректировать стратегию ее развития и политику регулирования» [6, с. 27], что позволит усо-

вершенствовать структурную политику и оптимизировать использование бюджетных ресурсов, направляемых на НИОКР.

Напомним, что «импульсом глобального развития наноиндустрии стало утверждение о начале в 2000 г. президентом США Б. Клинтоном первой в мире государственной стратегии в области нанотехнологий – национальной нанотехнологической инициативы» [6, с. 27]. США направили колоссальные ресурсы на финансирование этой стратегии, которые к 2017 г. составили более 24 млрд долл. США [7, с. 15]. В национальной нанотехнологической инициативе «был озвучен прогноз объема мирового рынка продукции наноиндустрии – 1 трлн долл. к 2015 г. Главным эффектом перспективы “триллионного рынка” для нанотехнологий стала боязнь правительств во всем мире пропустить новую технологическую революцию и дать США возможность глобального доминирования в сфере инноваций. Этого было достаточно, чтобы породить сначала в развитых, а затем и развивающихся странах множество стратегических действий по развитию нанотехнологий» [6, с. 27]. В результате «в мире начинается научное соревнование за достижение передовых позиций в нанотехнологиях. Остроту ситуации характеризует стремление США не просто лидировать, а доминировать на этом направлении науки» [8]. Д. Фролов и И. Полинцев отмечают, что «в большинстве стран были приняты стратегии и программы развития нанотехнологий по аналогии с ННИ (Национальной нанотехнологической инициативой. – С.С.). В итоге совокупный объем государственных и частных инвестиций в связанные с нанотехнологиями и наноматериалами исследования и разработки неуклонно увеличивался. Так, в период 1997–2004 гг. данный показатель вырос в 20 раз – с 0,4 до 8,6 млрд долл.» [6, с. 27]. Названные авторы для характеристики этой ситуации приводят в своей работе высказывание американских ученых [9; 10], о том, что «к середине 2000-х гг. конкуренцию стран в сфере наноиндустрии с полным основанием можно было охарактеризовать как “наногонку”, сравнимую с “лунной гонкой” 1960-х гг. и представляющую собой превращенную форму “гонки вооружений” в мирное время» [6, с. 27]. За десять лет после принятия Национальной нанотехнологической инициативы правительства во всем мире инвестировали в нанотехнологии свыше 65 млрд долл.» [6, с. 28]. «В 2010 г. инвестиции частных компаний впервые превысили вложения со стороны государств: если в 2009 г. корпорации и правительства во всем мире инвестировали в наноиндустрию по 8,4 млрд долл., то в 2010 г. частный бизнес вложил уже 9 млрд долл., а государственные расходы

составили 8,2 млрд долл. По состоянию на 2010 г. лидерами корпоративных инвестиций в сферу нанотехнологий выступали США, Япония и Германия, при этом Россия заняла последнее место в данном рейтинге» [6, с. 28].

На этом фоне возникают *сверхоптимистичные* прогнозы объемов рынка наноиндустрии «в триллионном измерении, от 1 до 4,4 трлн долл. (Lux Research, National Scientific Foundation, Cientifica, RNCOS)», *умеренно-оптимистичные* прогнозы исчисляются объемом рассматриваемого рынка в сотнях миллиардов долларов, от 148 до 750 млрд долл. (European Commission, Wintergreen, MRI, Evolution Capital)» и *неоптимистичные* (или реалистичные по определению BCC Research) прогнозы измеряют объем данного рынка десятками миллиардов долларов, от 64,2 до 75,8 млрд долл. (BCC Research, Research and Markets)» [6, с. 28–29].

Д. Фролов и И. Полинцев объясняют такой широкий разброс оценок тем, что, во-первых, «речь идет о рынке быстро развивающейся технологии широкого применения, потенциал которой фактически еще не раскрыт окончательно даже на уровне фундаментальных исследований» [6, с. 29], во-вторых, «в оптимистичных прогнозах учитывается совокупная стоимость продукции, произведенной с применением нанотехнологий и наноматериалов, а не стоимость самих нанотехнологий и наноматериалов, что приводит к завышенным оценкам рынка» [6, с. 29], в-третьих, увлечением многих ученых «построением описательных моделей будущей экономики, основанной на нанотехнологическом укладе, тяготеющих к утопическим или апокалиптическим сценариям. Например, по мнению некоторых исследователей, развитие VI технологического уклада, базирующегося на нанотехнологиях (по классификации С. Глазьева), приведет к возникновению эффекта экономической сингулярности, вследствие которой нанотехнологии проникнут во все виды технологий и фактически поглотят их, а наноиндустрия включит в себя все ранее известные индустрии» [6, с. 30]. С аналогичными трудностями сталкиваются экономисты и при оценке рынка космической деятельности. А.Н. Тур и Ю.В. Мелешко по этому поводу отмечают: «экономическую эффективность космической деятельности нельзя определять стандартными финансовыми показателями <...>. До 80% технологий в рамках ракетно-космической промышленности имеют универсальный характер и могут применяться в различных отраслях экономики» [11, с. 117].

М. Кастельс в свое время предупреждал об опасности субъективных завышенных оценок развития новейших комплексных технологий,

подчеркивая при этом: «Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами» [12, с. 78]. Используя эту идею М. Кастельса применительно к развитию наноиндустрии, Д. Фролов и И. Полинцев отмечают: «Как утопические, так и алармистские сценарии развития наноиндустрии достаточно быстро оказались опровергнуты объективной реальностью» [6, с. 30]. Сегодня «сверхоптимистичные ожидания инвесторов (по поводу развития наноиндустрии. – С.С.) по большому счету не оправдались: индексы нанотехнологических компаний отстают от обычных фондовых индексов, ушла в прошлое мода на добавление приставки “нано” в названия стартапов, интерес общества к нанотехнологиям резко упал, а результатами исследований и разработок в области нанонауки и наноинженерии активно пользуются корпорации, не позиционирующие себя в качестве представителей наноиндустрии. <...> По сути, нанотехнологии как радикальная инновация выразились в многочисленных улучшающих изменениях в уже сложившихся отраслях экономики» [6, с. 30–31]. «Снижение инвестиционной привлекательности наноиндустрии, – подчеркивают Д. Фролов и И. Полинцев, – видно по динамике специализированных биржевых индексов» [6, с. 31]. Эти авторы также добавляют, что «многие предприятия наноиндустрии, вышедшие на фондовый рынок в начале и середине 2000-х гг., снизили свою капитализацию в десятки раз» [6, с. 32].

Все это требует в структурной политике отказаться от адресной специализированной модели наноиндустрии и перейти к «зонтичным стратегиям развития наноиндустрии в составе комплексных технологических направлений, например развивающихся (emerging) технологий или STI (наука, технологии и инновации; от англ. *Science, Technology and Innovation*), а также к секторно и проблемно ориентированным стратегиям развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий устойчивого роста или развития промышленности» [6, с. 33]. По нашему мнению, следует согласиться с Д. Фроловым и И. Полинцевым, что предположение о том, что ядром нового технологического уклада станут нанотехнологии [13–15], не оправдалось. «Вопреки подавляющему большинству прогнозов, нанотехнологии не поглотили все остальные быстро развивающиеся технологии, а, по сути, “растворились” в них.

Наноиндустрия не стала “ядром” нового уклада и де-факто не сложилась как отдельная индустрия. Хотя наноиндустрия не относится к так называемым быстро развивающимся индустриям (emerging industries), таким как большие данные (big data), биофармацевтика, мобильные технологии и др., анализ показывает, что нанотехнологии тесно связаны с этими индустриями и выступают для них обеспечивающей, инфраструктурной технологией», – пишут Д. Фролов и И. Полинцев [6, с. 35–36].

Таким образом, сущность и особенности современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики заключаются не в создании наноиндустрии, а в осуществлении новой индустриализации, в том числе и с использованием нанотехнологий, обеспечивающих развитие и повышение конкурентоспособности традиционных и новых индустрий.

При этом предпосылками и объективными ограничителями проведения современной структурной политики по-прежнему выступают состояние и перспективы развития социально-научного сообщества. В. Фельцман справедливо заметил: «НИОКР в своем развитии высоко инерционен. Можно предположить, что полный цикл его обновления кратен смене поколений конструкторов и исследователей и составляет 40–45 лет. Поэтому экономический кризис 1990-х гг. (в Российской Федерации. – С.С.) хотя и нанес существенный урон <...> не оказался для него фатальным» [16, с. 19]. Инерционность научных и инженерных кадров, обеспечивающих НИОКР (а без последней невозможно проведение современной структурной политики), не решает проблемы их расширенного воспроизводства, хотя и может создавать условия для откладывания этой проблемы на более поздний период. В последнем случае латентные проблемы этого «отложенного» воспроизводства ведут к серьезным рискам при проведении структурной политики, которые могут в любой момент привести к катастрофическим последствиям. Уже сегодня, подчеркивает Ю.В. Мелешко, в Беларуси существенно сократилась доля организаций промышленности, осуществляющих технологические инновации посредством самостоятельного исследования и разработки продуктов, услуг и методов их производства (передачи), новых производственных процессов: «Если в 2005 г. их доля в общем количестве предприятий промышленности, внедряющих технологические инновации, составляла 48,1%, в 2010 г. – 58,9%, то в 2015 г. – только 35,6%» [17, с. 141]. Актуализация проблемы расширенного воспроизводства социально-научного сообщества связана не только с теми обстоятельствами, которые лежат на поверхности явлений и

потому очевидны (например, старение научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, «что само по себе является проблемой, т.к. не удастся обеспечить их расширенное воспроизводство» [18, с. 282], снижение престижности научного труда, проблемы подготовки кадров высшей квалификации и т.д.), но и с более глубокими обстоятельствами, которые не всегда очевидны, но еще более опасны – это, прежде всего, снижение социального капитала науки; устойчивая тенденция к «автаркии» научного воспроизводства и угроза потери тех возможностей, которые были в рамках СССР и служили подпиткой как для развития старых, так и возникновения новых научных и инженерных школ; преобладание эмпирически очевидных подходов при принятии управленческих решений на государственном уровне и т.д. Таким образом, современная структурная политика должна быть обеспечена стратегией расширенного воспроизводства социально-научного сообщества, кадрового и идеологического обеспечения НИОКР.

Заключение. Установлено, что сущность и особенности современной структурной политики в контексте технологической модернизации экономики заключаются в разработке и реализации системы мер, направленных на формирование таких межотраслевых, внутриотраслевых и региональных пропорций, которые соответствуют сегодняшним глобальным цивилизационным и технологическим тенденциям. За счет этого может быть обеспечено сбалансированное инновационное развитие экономики, повышение ее конкурентоспособности на основе использования достижений научно-технической революции с целью содействия успешной реализации проводимой государством социально-экономической политики. В Республике Беларусь необходимо применить зонтичные стратегии развития nanoиндустрии в составе комплексных технологических направлений, а также секторально и проблемно ориентированные стратегии развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий развития национального промышленного комплекса и устойчивого социально-экономического развития. При этом современная структурная политика Беларуси должна быть направлена на осуществление новой индустриализации, которая не может быть обеспечена без расширенного воспроизводства социально-научного сообщества, кадрового и идеологического обеспечения НИОКР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лемешенко, П.С. Экономическая наука Беларуси: путь к самоидентификации / П.С. Лемешенко, И.А. Лаврухина // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер. Экономика. – Иваново: ИвГУ, 2013. – Вып. 1(19). – С. 31–40.
2. Солодовникова, Т.В. Специфика современного экономического дискурса как категории / Т.В. Солодовникова // Экономическая наука сегодня. – 2017. – Вып. 5. – С. 80–86.
3. Пелих, С. Реиндустриализация: анализ, проблемы, решения / С. Пелих // Экономист: журнал / гл. ред. С.С. Губанов. – М.: Изд-во «Экономист», 2017. – № 5. – С. 90–96.
4. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С.Ю. Солодовников; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2006. – 530 с.
5. Губанов, С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России / С. Губанов // Экономист: журнал / гл. ред. С.С. Губанов. – М.: Изд-во «Экономист», 2016. – № 2. – С. 3–10.
6. Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Польшинцев // Экономист: журнал / гл. ред. С.С. Губанов. – М.: Изд-во «Экономист», 2017. – № 5. – С. 27–37.
7. The National Nanotechnology Initiative: Supplement to the President's 2017 Budget [Электронный ресурс] // National Science and Technology Council, 2016. – Режим доступа: http://eprints.internano.org/2355/1/nni_fy17_budget_supplement.pdf. – Дата доступа 10.07.2017.
8. Арский, Ю.М. От редакционной коллегии / Ю.М. Арский // Индустрия наносистем и наноматериалов. – 2007. – № 1. – С. 2.
9. Hullman, A. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83.
10. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U.S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters // United States Government Accountability Office. – 2014. – P. 22.
11. Тур, А.Н. Космическая экономика как отрасль хозяйствования / А.Н. Тур, Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2016. – № 4. – С. 113–123.
12. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Э. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
13. Глазьев, С.Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике: монография / С.Ю. Глазьев [и др.]; под ред. С.Ю. Глазьева, В.В. Харитонов. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.
14. Глазьев, С.Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике / С.Ю. Глазьев // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5–27.
15. Иншаков, О.В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике / О.В. Иншаков, А.В. Фесюн // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 3, Экономика, экология. – 2014. – № 2. – С. 44–53.
16. Фальцман, В. Подвижки 2000-х гг. в отраслях и технологиях / В. Фальцман // Экономист: журнал / гл. ред. С.С. Губанов. – М.: Изд-во «Экономист», 2017. – № 5. – С. 16–26.
17. Мелешко, Ю.В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1994–2015 / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 127–144.
18. Сергиевич, Т.В. Некоторые политико-экономические аспекты исследования трудовых отношений в Республике Беларусь на современном этапе / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2015. – № 4. – С. 278–286.

Поступила в редакцию 21.09.2017 г.

Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы

Сергиевич Т.В.

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

Статья посвящена исследованию сущности экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления. Новые условия хозяйствования, внешние шоки в экономике влекут за собой нарушение финансово-экономической стабильности развития этих предприятий в Республике Беларусь, что обуславливает актуальность темы исследования.

Цель статьи – раскрыть теоретико-методологические основы экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные отчетов НИР, выполняемые автором, энциклопедические издания. В рамках исследования применялись общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.

Результаты и их обсуждение. Выделено два подхода к пониманию сущности экономического стимулирования. Проведен анализ существующих в экономической науке точек зрения относительно содержания экономического стимулирования. Уточнено понятие экономического стимулирования на уровне предприятия. Доказано, что деятельность по сдерживанию, ограничению и запрещению определенного трудового поведения не противоречит экономической сущности стимулов. Раскрыта сущность товаров интенсивного обновления и показана специфика экономического стимулирования их производства. Описаны угрозы развития производства товаров интенсивного обновления. Показано, что условием перехода предприятий по производству этих товаров к интенсивному пути развития являются наличие организационно-управленческих инноваций и расширенное воспроизводство человеческого капитала, на что направлено совершенствование системы экономического стимулирования.

Заключение. На основе проведенного исследования сформулированы определения экономического стимулирования на уровне предприятия, товаров интенсивного обновления, получены выводы о специфике экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления.

Ключевые слова: экономическое стимулирование, трудовая мотивация, экономический рост, легкая промышленность, товары интенсивного обновления, модернизация.

Economic Incentives for the Production of Goods of Intensive Renewal: Theoretical and Methodological Bases

Serhiyevich T.V.

Educational Establishment "Belarusian National Technical University"

The article centers round the study of the essence of economic incentives of the production of goods of intensive renewal. New economic conditions, external shocks in the economy entail a breach of the financial and economic stability of the development of these enterprises in the Republic of Belarus, which determines the relevance of the research topic.

The purpose of the article is to disclose the theoretical and methodological bases of economic incentives for the production of goods of intensive renewal.

Material and methods. The material for writing the article was the works of domestic and foreign economists, data of research reports carried out by the author, encyclopedias. In the research general scientific methods (analysis, synthesis, historical and logical unity), a systematic approach were used.

Findings and their discussion. Two approaches in understanding the concept of economic incentives are singled out. Existing in economics points of view concerning the content of economic incentives were analyzed. The concept of economic incentives on the level of the enterprise is specified. It's been proved that the activity towards inhibition, limitation and prohibition of certain labor behavior does not contradict the economic nature of the incentives. The essence of the goods of intensive renewal is revealed and the specificity of the economic stimulation of their production is shown. The threats of the development of the production of goods of intensive renewal are described. It is shown that the condition for the transition of enterprises for the production of these goods to an intensive development path is the presence of organizational and managerial innovations and expanded reproduction of human capital, which is aimed at improving the system of economic incentives.

Conclusion. On the basis of the conducted research, the definition of economic incentives at the enterprise level and the products of intensive renewal were formulated, conclusions on the specifics of the economic stimulation of the production of intensive renewal goods are made.

Key words: economic incentives, labor motivation, economic growth, light industry, goods of intensive renewal, modernization.

Сегодня производство товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь испытывает трудности, проявляющиеся в финансово-экономической нестабильности предприятий и в наличии существенных диспропорций в развитии данного вида экономической деятельности. При этом, как показывает практика, даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в современных условиях изменчивой внешней среды не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут в полной мере обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия. В литературе по этому поводу отмечается: «Сегодня стало очевидным, что инновационное развитие белорусской экономики возможно лишь на основе более рационального использования трудовых ресурсов» [1, с. 2]. Необходимыми составляющими перехода к интенсивному пути развития предприятий по производству товаров интенсивного обновления являются внедрение организационно-управленческих инноваций и расширенное воспроизводство человеческого капитала. Все это наряду с очевидным наличием резервов роста данного вида экономической деятельности обуславливает актуальность исследования экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления.

Цель статьи – раскрыть теоретико-методологические основы экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления.

Материал и методы. Материалом для написания статьи послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, данные отчетов НИР, выполняемые автором, энциклопедические издания. Экономическому стимулированию посвящено множество работ как отечественных, так и зарубежных авторов: В.В. Альханакта, В. Белкин, Н. Белкина, Н.В. Бухарова, О.В. Драпова, А.Я. Кибанов, В.П. Клавдиенко, В.И. Клецкий, Л.Ш. Лозовский, Э.А. Лутохина, И.Я. Обломская, Ю.Г. Одегов, И.П. Поварич, В.С. Половинко,

Б.А. Райзберг и другие. При этом понятие «экономическое стимулирование» применяется в отношении различных социально-экономических явлений и процессов – производство, производительность труда, инновации, инвестиции, развитие и др. – и в зависимости от контекста наполняется различным содержанием. В рамках исследования использовались общенаучные методы (анализ, синтез, единство исторического и логического), системный подход.

Результаты и их обсуждение. Термин «стимулирование» происходит от слова «стимул» (от лат. stimulus), которое первоначально употреблялось в значении «остроконечная палка, которой погоняли животных» [2]. В толковом словаре С.И. Ожегова стимул определяется как «побудительная причина, толчок; заинтересованность в совершении чего-н.» [3]. При научном осмыслении феномена экономического стимулирования в случае отождествления стимула и побудительной причины, стимула и заинтересованности происходит упрощение исследуемого объекта, что, в частности, может привести к получению излишне идеализированных выводов. Во избежание этого следует разграничить понятия «стимул» и «заинтересованность».

В словаре С.И. Ожегова содержится следующее определение: «заинтересовываться» – значит «проявить, почувствовать интерес к кому-чему-н.» [3]. Если опустить точки зрения, согласно которым понятия «заинтересованность» и «интерес» терминологически отождествляются, а также те, где при декларировании наличия различий между этими понятиями фактически никаких различий не проводится, то остается точка зрения, согласно которой заинтересованность определяется как «обнаруженный интерес» [4, с. 257]. Осознание экономических интересов носителями этих интересов не происходит автоматически, и наличие определенного экономического интереса само по себе не приводит субъекта к активности, поэтому, исходя из задач нашего исследования, в дальнейшем под заинтересованностью будем понимать осознанный экономический интерес. Стимулы в научной экономической литературе определяются как «совокупность внешних отно-

сительно субъекта обстоятельств, побуждающих человека определить направленность поведения (осознать свои экономические интересы. – Т.С.), показывая преимущества и недостатки, которые могут возникнуть в результате» [5, с. 153]. Автор приведенного определения прямо указывает на направленность действия стимулов – повышение заинтересованности субъекта в определенном поведении.

Роль стимулов в повышении заинтересованности стимулируемого субъекта в определенной деятельности отмечается многими учеными [6; 7] и в целом не вызывает дискуссий в научном сообществе. Однако единый подход, который позволил бы выделить те управленческие устойчивые, сущностные, регулярно повторяющиеся связи и отношения, которые составляют структуру системы экономического стимулирования, до настоящего времени не выработан. Также отсутствует единство в употреблении понятий «субъект стимулирования» и «объект стимулирования». Не вступая в дискуссию по проблеме соотношения субъекта и объекта в экономической науке, поскольку это не входит в сферу наших научных интересов, будем в дальнейшем придерживаться того, что социально-экономический субъект – это «индивид (или группа индивидов), персонифицирующий определенные социальные и экономические функции, обладающий специфическими потребностями и активностью по отношению к другим субъектам» [8, с. 33]. В издании «Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия» дано определение субъекта и объекта как парных категорий, а именно: «субъект и объект <...> – фундаментальные категории философии. Субъект – носитель субстанциальных свойств и характеристик, определяющих качественные особенности объекта. Соответственно объект – то, что находится в зависимости от субъекта и лишено самостоятельной сущности» [9, с. 807]. С.Ю. Солодовников поясняет: «Исходя из такого понимания названных категорий, становится понятным, что любой дееспособный человек, вступая в те или иные социальные отношения, всегда обладает определенным набором субъектных свойств» [8, с. 40]. Таким образом, можно сделать вывод о наличии двух субъектов в системе экономического стимулирования – стимулирующего и стимулируемого. Последнего при этом в литературе зачастую обозначают как объект стимулирования. В контексте нашего исследования стимулирующим субъектом, как правило, выступает работодатель в лице топ-менеджера, собственника, управленца среднего звена и т.д., а стимулируемым субъектом – наемный работник.

В экономической науке сложилось два декларируемых подхода к трактовке сущности экономического стимулирования. Первая группа исследователей (В.В. Аляханакта [6], Н.В. Бухарова [10]) считает, что экономическое стимулирование включает в себя систему мер, методов и средств, направленных как на повышение заинтересованности в желаемом для стимулирующего субъекта поведении, так и на ограничение нежелаемого поведения стимулируемого субъекта. Даже если последнее формально допустимо в рамках должностных инструкций, действующего законодательства, международных договоренностей и т.д., то оно становится экономически невыгодным для стимулируемого субъекта. Ряд авторов в рамках этого подхода рассматривает экономическое стимулирование как подсистему управления трудом. Так, например, Н.В. Бухарова определяет стимулирование трудовой деятельности как «управленческий процесс, в котором в целях побуждения, направления и поддержания необходимой модели трудового поведения работника используется, с одной стороны, совокупность благ, значимых для него, получить которые он сможет лишь добившись соответствующих результатов труда, а, с другой стороны, система наказаний, пресекающих те или иные негативные образцы трудового поведения» [10, с. 8]. Этот автор подчеркивает основную цель стимулирования – становление определенного поведения работника, которое является, с одной стороны, необходимым для работодателя, а с другой – экономически выгодным самому работнику.

Распространение подхода, в рамках которого экономическое стимулирование рассматривается как система мер поощрения и наказания, зачастую приводит к упрощению исследуемого объекта и к появлению в литературе деления стимулов на собственно «стимулы» и «антистимулы» или на «положительные» и «отрицательные» стимулы. Так, например, С.А. Константинов и П.В. Гуца отмечают, что «стимулы – это внешние обстоятельства, которые имеют значимость для человека. Они могут быть положительными и отрицательными» [11, с. 110]. По нашему мнению, стимулы нельзя классифицировать на основании искусственного разделения на поощрения и наказания, т.к. использование такого упрощенного подхода препятствует раскрытию экономической природы стимулов.

Вторая группа ученых-экономистов (В. Белкин [12], Н. Белкина [12], О.В. Драпова [13], Л.Ш. Лозовский [7], Б.А. Райзберг [7]) ограничивает систему экономического стимулирования мерами, направленными исключительно на повышение заинтересованности в желаемом для

стимулирующего субъекта поведении путем поощрения определенных действий работников. Представители этого подхода считают, что экономическое стимулирование включает в себя меры и методы, побуждающие работника к повышению трудовой активности в нужном для работодателя направлении.

Работающая в рамках данного подхода О.В. Драпова противопоставляет стимулирование (в позитивистском понимании) ограничениям (негативистская сторона регулирования). «Стимулирование является только одной, хотя и очень важной стороной регулирования, – поясняет свою позицию автор. – Кроме стимулирования, существенной составной частью регулирования является и деятельность по сдерживанию, ограничению, запрещению» [13, с. 15]. Как подсистему трудовых отношений стимулирование труда рассматривают В. Белкин и Н. Белкина. Стимулирование труда, по мнению этих авторов, – это «экономическая категория отношений между организацией и работниками по поводу благ (стимулов труда), которые первая предлагает последним за их труд» [12, с. 85]. С данной точки зрения следует, что по существу любое благо, предлагаемое работнику за его труд, априори выполняет стимулирующую функцию. Важной составляющей стимула как экономической категории является его функция – повышение заинтересованности стимулируемого субъекта в совершении или воздержании от совершения определенных действий. Однако далеко не все блага релевантны для конкретного работника. Так, не любое благо, предлагаемое стимулирующим субъектом работнику за прилагаемый труд, может удовлетворить его (работника) потребности.

Под стимулами нами понимаются объективные блага, потенциальное получение которых в целях удовлетворения своих потребностей побуждает субъекта к совершению или воздержанию от совершения определенных действий. Наказания и взыскания являются составляющими системы экономического стимулирования, выступая в качестве ограничителей нежелательного трудового поведения работников. Стимулом (объективным благом) является не сама санкция как таковая, а неприменение наказания и взыскания при условии обязательного его применения при определенных образцах трудового поведения. По существу, деятельность по сдерживанию, ограничению и запрещению определенного поведения не противоречит экономической сущности стимулов. Нарушение работником установленных правовыми и моральными нормами запретов может привести к потере рабочего места, сохранение которого является стимулом для недопущения

такого поведения. Вне зависимости от того, разграничивают ли исследователи систему поощрений и систему наказаний или объединяют эти меры в системе экономического стимулирования, речь идет по существу об одном и том же, а именно: целью экономического стимулирования на предприятии является производство желаемого поведения работника с использованием определенных технологий.

Создание благоприятных условий для развития производства, роста инвестиций, укрепления устойчивого развития и охраны окружающей среды, что обычно подразумевается под экономическим стимулированием социально-экономических явлений и процессов (стимулирование труда, инвестиций, производства инноваций и т.д.), само по себе не может привести к изменению названных систем в желаемом для стимулирующего субъекта направлении. Изменение любой социально-экономической системы осуществляется под влиянием субъектных (социально-групповых) отношений. Из этой посылки следует, что экономическое стимулирование, хотя и имеет в своей основе объектную природу, но реализуемо только сквозь призму субъектных интересов и деятельности людей. Ни одно реальное экономическое явление нельзя рассматривать без учета субъектов, наделенных вполне определенными интересами. Сама политическая экономия – это «социальная наука, изучающая отношения между социальными субъектами, включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни» [14, с. 25]. Такой подход обуславливает рассмотрение системы экономического стимулирования сквозь призму интересов субъектов, в нее входящих. В самом общем плане экономическое стимулирование на предприятии направлено на создание таких условий, в которых наемные работники, реализуя свои экономические интересы, действовали бы в интересах работодателя.

Осознание работниками своих экономических интересов, взаимосвязь этих интересов и производственных результатов работников реализуется через применение различных форм экономического стимулирования.

На основании приведенных выше двух точек зрения на сущность экономического стимулирования, учитывая то позитивное, что есть в обеих точках зрения, и то, что не было раскрыто,

но требует выяснения для решения задач нашего исследования, и с учетом приведенных методологических пояснений предложим свой подход к определению сущности экономического стимулирования на предприятии.

Экономическое стимулирование является особым видом экономических межсубъектных отношений. С.Ю. Солодовников справедливо отмечает, что «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью. Прогресс человеческого общества неразрывно связан с оптимизацией этого обмена, критерием которого выступает снижение транзакционных издержек» [15, с. 5]. В основе любого социального обмена деятельностью лежат субъектные интересы, поэтому важным этапом экономического стимулирования является его персонификация, суть которой заключается в необходимости «индивидуально-персонального различия работников и оценки именно его вклада в общий результат» [16, с. 33]. Стимулируемым субъектом на предприятии является наемный работник, на повышение заинтересованности в трудовой активности которого направлены конкретные формы экономического стимулирования.

Экономическое стимулирование на уровне предприятия – это разновидность общественно-функциональных технологий, направленных на производство желаемого для работодателя поведения наемных работников с применением инструментов целенаправленной дифференциации и распределения социальных и экономических благ, в том числе возможностей карьерного роста. Эти блага предоставляются наемному работнику в зависимости от степени и качества реализации находящихся в зоне его ответственности трудовых функций и обеспечивающих удовлетворение его потребностей на определенном уровне.

Содержание экономического стимулирования как экономической категории вне зависимости от объекта совпадает, отличия проявляются в особенностях действия экономического механизма стимулирования, в конкретных инструментах и формах стимулирования, эффективность действия которых зависит от специфики исследуемой системы. Поэтому прежде чем перейти к описанию природы экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления, раскроем содержание понятия «товары интенсивного обновления».

Понятие «товары интенсивного обновления» в научный оборот было введено В.П. Иваницким и М.С. Щегловым, которые определили их как «промышленные товары народного потребления, претерпевающие обновление визуаль-

но-эстетических характеристик, происходящее с определенной периодичностью» [17, с. 74]. Основным критерием, позволяющим отнести товар к товарам интенсивного обновления, по мнению этих авторов, является влияние социально-экономического феномена моды на их производство и потребление: «считаем целесообразным приложить “моды” к товарам народного потребления отразить в таком понятии, как “товары интенсивного обновления”» [17, с. 74]. Заслугой авторов определения товаров интенсивного обновления стало то, что они ввели в научный оборот само понятие «товары интенсивного обновления», показали обусловленность их производства и потребления модой, посвятив исследованию последней как фактора производства товаров интенсивного обновления значительную часть своей работы. Вместе с тем вне сферы научного интереса и вне рамок поставленных данными исследователями задач остались иные факторы, обуславливающие быстрое обновление товаров, среди которых мода занимает важное, но не единственное место. Главной отличительной особенностью товаров интенсивного обновления является их быстрая замена, которая может быть обусловлена не только обновлением визуально-эстетических характеристик этих товаров вследствие изменения моды, но и рядом других субъектных и объектных факторов. Социально-психологические воздействия моды являются частным случаем более широкого и значительного фактора изменений всей системы экономических потребностей и форм их реализации.

Товары интенсивного обновления представляют собой товары, изначально предназначенные для такого потребления, при котором их замена происходит задолго до момента их полного физического износа или физический износ происходит очень быстро по причине агрессивной технологической среды, для эксплуатации в которой они предназначены.

Сегодня в производстве товаров интенсивного обновления существует тенденция усиления зависимости конкурентоспособности этих предприятий от их трудового потенциала, а также усложнения системы трудовой мотивации. Под трудовым потенциалом нами предлагается понимать «производственные, инновационные, адаптационные и воспроизводственные возможности трудовых ресурсов, управление которыми осуществляется с использованием мотивационных и административно-командных механизмов» [18, с. 265]. Долговременное сохранение низкого уровня заработной платы вызвало ухудшение качества человеческого капитала занятых в производстве товаров интенсивного обновления, что повлекло

за собой снижение накопленного социального капитала, который, как отмечается в литературе, «еще менее осязаем, чем человеческий капитал» [19, с. 4]. Все это выступает одним из главных (наряду с инновационным и креативным) ограничителей модернизации отрасли и достижения средне-европейского уровня производительности труда, в то время как его расширенное воспроизводство является условием необходимой модернизации. При этом будут происходить изменения трудовой мотивации. «В случае успешной модернизации национальной экономики, которая будет сопровождаться как ростом хозяйственных укладов, так и усилением вариативности экономического поведения социально-экономических субъектов, количество которых также будет возрастать <...>, – справедливо подчеркивает С.Ю. Солодовников, – должно происходить усложнение системы трудовой мотивации» [20, с. 297–298]. Сегодня потребители диктуют необходимость изменения технико-технологической структуры производства, ускорения производственных циклов, усложнения технологии производства. Все это обуславливает необходимость совершенствования экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления.

Производство товаров интенсивного обновления характеризуется следующими признаками: высокая зависимость спроса на товары от социально-психологических факторов, что приводит к возникновению дополнительных рисков; быстрая оборачиваемость денежных средств; высокая доля креативного труда; сложная система создания добавленной стоимости, большая часть которой формируется за счет нематериальных активов и творческого труда; высокая зависимость конкурентоспособности предприятий от качества человеческого капитала; повышенный уровень адаптивности предприятий; активное включение предприятий по производству товаров интенсивного обновления в глобальные цепочки создания добавленной стоимости; высокий уровень включения в систему разделения труда, в том числе международного.

При построении системы экономического стимулирования необходимо учитывать угрозы развития производства товаров интенсивного обновления, среди которых: территориальная разрозненность участников рынка труда в производстве товаров интенсивного обновления (привлеченные дизайнеры, наемные рабочие, работодатели, учебные заведения, органы социальной защиты, местные органы власти и др.); высокая зависимость конкурентоспособности продукции от колебаний на рынке труда; низкая привлекательность предприятий как работодателей; высокий риск ухода наемных работников в сегмент

самозанятости после приобретения квалификации и опыта; низкая инновационная активность трудовых ресурсов; старение персонала; потеря квалификации из-за недостатка инвестиций в обучение и развитие персонала; низкая заработная плата, не позволяющая обеспечить расширенное воспроизводство человеческого капитала; устаревшее технологическое разделение труда; превалирование не рыночных, а административно-командных механизмов управления.

Заключение. На основе проведенного исследования получен вывод о том, что вне зависимости от того, разграничивают ли исследователи систему поощрений и систему наказаний или объединяют эти меры в системе экономического стимулирования, речь идет по существу об одном и том же, а именно: функцией экономического стимулирования на предприятии является производство желаемого поведения работника с использованием определенных технологий.

Предложено использовать понятие «товары интенсивного обновления» для обозначения товаров, изначально предназначенных для такого потребления, при котором их замена происходит задолго до момента их полного физического износа или физический износ происходит очень быстро по причине агрессивной технологической среды, для эксплуатации в которой они предназначены.

На основе уточнения теоретических основ экономического стимулирования и выявленной специфики производства товаров интенсивного обновления можно заключить, что целью экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления является обеспечение расширенного воспроизводства человеческого капитала и мотивации к труду. Основными задачами экономического стимулирования производства товаров интенсивного обновления являются изменение структуры трудовых ресурсов, обусловленной спецификой производимых товаров, и повышение заинтересованности в трудовой активности работников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Солодовников, С.Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
2. Стимул // Академик. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/rus_eng_biology/3195/стимул. – Дата доступа: 17.03.2017.
3. Словарь С.И. Ожегова. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.com/>. – Дата доступа: 17.03.2017.
4. Большой экономический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. – 5-е изд., доп. и перераб. – М.: Ин-т новой экономики, 2002. – 1280 с.

5. Половинко, В.С. Управление персоналом: системный подход и его реализация / В.С. Половинко [и др.]; под науч. ред. Ю.Г. Одегова. – М.: Информ-знание, 2002. – 484 с.
6. Альханакта, В.В. Экономическое стимулирование охраны окружающей среды / В.В. Альханакта. – Минск: БелНИЦ «Экология», 2011. – 208 с.
7. Райзберг, Б.А. Учебный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский. – М.: Рольф: Айрис-пресс, 1999. – 416 с.
8. Солодовников, С.Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С.Ю. Солодовников. – Минск: БНТУ, 2014. – 378 с.
9. Субъект и объект // Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономика / гл. науч. ред. и сост. С.Ю. Солодовников. – Минск: МФЦП, 2002. – 1008 с.
10. Бухарова, Н.В. Материальное (денежное) стимулирование труда научных работников отраслевых научно-исследовательских институтов: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Н.В. Бухарова. – М., 2014. – 32 с.
11. Константинов, С.А. Материальное стимулирование экономической эффективности производства в молочном скотоводстве / С.А. Константинов, П.В. Гуца. – Горки: БГСХА, 2015. – 247 с.
12. Белкин, В. Работник и работодатель: логика взаимного притяжения / В. Белкин, Н. Белкина // Человек и труд. – 2003. – № 5. – С. 84–85.
13. Драпова, О.В. Стимулирование предприятий перерабатывающей промышленности: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / О.В. Драпова. – Саратов, 2000. – 169 л.
14. Солодовников, С.Ю. Категория «социальный класс» в контексте политико-экономического наследия П.А. Сорокина и Л.Н. Гумилева / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2014. – № 2. – С. 24–50.
15. Солодовников, С.Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2013. – № 1. – С. 5–33.
16. Лутохина, Э.А. Персонификация оплаты труда как императив инновационной экономики / Э.А. Лутохина // Вес. Ин-та предпринимательской деятельности. – 2011. – № 2(5). – С. 32–35.
17. Иваницкий, В.П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В.П. Иваницкий, М.С. Щеглов // Изв. УрГЭУ – 2012. – № 6(44). – С. 73–78.
18. Сергеевич, Т.В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т.В. Сергеевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 260–275.
19. Солодовников, С.Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
20. Солодовников, С.Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С.Ю. Солодовников (пред. редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 296–308.

Поступила в редакцию 21.09.2017 г.

Анализ нормативно-правового обеспечения психолого-педагогического сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития

Клещева Е.А., Пономарева Е.И., Валитова И.Е.

Учреждение образования «Барановичский государственный университет»

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Система образования Республики Беларусь подвергается серьезным изменениям на современном этапе развития общества. Гуманизация образовательного процесса способствует пересмотру его организации. Наряду с интегрированным обучением и воспитанием появилась необходимость в инклюзивном образовании, которое предполагает удовлетворение образовательных потребностей всех обучающихся в одном образовательном пространстве вне зависимости от их особенностей развития, реализуя тем самым конституционное право каждого на образование.

Цель исследования – определение актуального состояния нормативно-правовой поддержки психолого-педагогического сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития в учреждениях общего среднего образования.

Материал и методы. Материалом для анализа нормативной базы выступило содержание сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития и иных субъектов образовательного процесса на этапе внедрения инклюзивного образования. Свое исследование мы построили на сравнительном анализе психологических и педагогических подходов к содержанию сопровождения и взаимосвязей дефиниций «поддержка», «помощь», «сопровождение», а также на анализе актуальной нормативно-правовой документации, регламентирующей деятельность педагога-психолога учреждений общего среднего образования Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Внедрение инклюзивного образования в систему образования Республики Беларусь предполагает среди прочего и организацию психолого-педагогического сопровождения обучения и социализации обучающихся с особенностями психофизического развития (ОПФР). Проблемы организации и осуществления психологического сопровождения обучающихся с ОПФР обусловлены переосмыслением задач, которые предстоит решить педагогическому сообществу в ходе реализации Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь. Педагоги-психологи как специалисты социально-педагогической и психологической службы выполняют ряд профессиональных функций, которые определены актуальными нормативно-правовыми документами.

Заключение. Анализ профессиональных функций, представленный в данной статье, позволил утверждать необходимость пересмотра функционала педагога-психолога в части психологического сопровождения обучающихся с ОПФР. Данное исследование является результатом одного из этапов выполнения научно-исследовательской работы по заказу Министерства образования Республики Беларусь «Разработка модели психологического сопровождения обучающихся как субъектов инклюзивного образования» по договору № ГБ 001/17 от 03.01.2017 г.

Ключевые слова: инклюзивное образование, субъекты инклюзивного образования, обучающиеся с особенностями психофизического развития, психолого-педагогическое сопровождение.

Analysis of the Normative and Legal Provision of the Psychological and Pedagogical Accompaniment of Pupils with Psychophysical Development Peculiarities

Kleshcheva E.A., Ponomareva E.I., Valitova I.E.

Educational Establishment "Baranovichi State University"

Educational Establishment "Brest State A.S. Pushkin University"

The system of education of the Republic of Belarus undergoes serious modifications at the present stage of social development. Humanization of the educational process promotes reconsideration of its organization. Along with integrated education there is a necessity in inclusive education, which presupposes satisfaction of academic needs of all pupils in one educational environment regardless peculiarities of their development, thus implementing the constitutional right for education.

The purpose of the study is identification of the current state of the normative and legal support for psychological and pedagogical accompaniment of general secondary school pupils with psychophysical development peculiarities.

Material and methods. The material for the normative base analysis is the content of the accompaniment of pupils with psychophysical peculiarities as well as other education process subjects at the stage of the introduction of inclusive education. We have built our research on the comparative analysis of psychological and pedagogical approaches to the content of the accompaniment and interconnections of the definitions of “support”, “assistance”, “accompaniment” as well as on the analysis of the current normative and legal documents which regulate work of the general secondary school teacher-psychologist in the Republic of Belarus.

Findings and their discussion. Introduction of the inclusive education into the system of education in the Republic of Belarus means, among others, setting up psychological and pedagogical accompaniment of teaching and socialization of pupils with psychophysical development peculiarities (PDP). Problems of setting up and implementation of psychological accompaniment of PDP pupils are conditioned by the reconsideration of tasks which have to be solved by the pedagogical community in the course of the implementation of the Concept of the Development of Inclusive Education of People with Psychophysical Development Peculiarities in the Republic of Belarus. Teachers-psychologists as specialists of the social and pedagogical as well as the psychological service perform a number of professional functions which are prescribed by current normative and legal documents.

Conclusion. The analysis of professional functions, which is presented in the article, makes it possible to state the necessity in reconsideration of the teacher-psychologist performance related to psychological accompaniment of PDP pupils. The study is a stage of the research program commissioned by the Ministry of Education of the Republic of Belarus “Elaboration of the Model of Psychological Accompaniment of Pupils as Subjects of Inclusive Education”, in accordance with № GB 001/17 03.01.2017 Agreement.

Key words: inclusive education, subjects of inclusive education, pupils with psychophysical development peculiarities, psychological and pedagogical accompaniment.

Всвязи с внедрением инклюзивного образования в систему образования Республики Беларусь в систему отношений школы включаются новые субъекты, требующие профессионального психологического сопровождения. К субъектам инклюзивного образования мы относим обучающихся с особыми образовательными потребностями (в данном случае мы ограничились категорией обучающихся с особенностями психофизического развития), нейротипичных обучающихся, педагогов, родителей детей с ОПФР, родителей нейротипичных детей.

Проблемы организации и осуществления психологического сопровождения лиц с особыми образовательными потребностями (ООП) обусловлены переосмыслением задач, которые предстоит решить педагогическому сообществу в ходе реализации Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь [1]. Нормативными документами Республики Беларусь инклюзивное образование обозначено как «обучение и воспитание, в процессе которых особые образовательные потребности всех обучающихся, в том числе лиц с особенностями психофизического развития, удовлетворяются в учреждениях основного и дополнительного образования при создании в них соответствующих условий и наиболее полном включении в образовательный процесс каждого обучающегося» [1, ст. 13]. Внедрение инклюзивного образования предполагает осуществление научно обоснованного психологического сопровождения лиц с особенностями психофизического развития.

Цель исследования – определение актуального состояния нормативно-правовой поддержки психолого-педагогического сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития в учреждениях общего среднего образования.

Материал и методы. Материалом для анализа нормативной базы выступило содержание сопровождения обучающихся с особенностями психофизического развития и иных субъектов образовательного процесса на этапе внедрения инклюзивного образования. Свое исследование мы построили на сравнительном анализе психологических и педагогических подходов к содержанию сопровождения и взаимосвязей дефиниций «поддержка», «помощь», «сопровождение», а также на анализе актуальной нормативно-правовой документации, регламентирующей деятельность педагога-психолога учреждений общего среднего образования Республики Беларусь.

Результаты и их обсуждение. Как показал анализ психолого-педагогической литературы, в современной науке принято использовать термины «поддержка», «сопровождение», «помощь». Понятия «поддержка» и «помощь» действительно зачастую рассматриваются как синонимичные, в их содержание вкладывается одинаковый смысл. Определение же «сопровождение» является родовым.

В научной литературе термин «поддержка» используется в различных значениях. Поддержка может выступать как: самостоятельный компонент наряду с обучением и воспитанием в педагогическом процессе (О.С. Газман) и означать «помощь в саморазвитии»; атрибут гуманистической теории воспитания (И.А. Арямнов, В.М. Басов, Л.С. Выготский, А.Б. Залкинд, Э. Мейман, А. Маслоу, К. Роджерс); гуманистический метод в личностно ориентированной системе воспитания и образования (Е.В. Бондаревская, В.В. Кульневич, В.Т. Фоменко); способ личностно развивающего взаимодействия в образовательном процессе (В.В. Зайцев, В.В. Сериков) [2].

Педагогическая поддержка исследователями также рассматривается как система средств и деятельность педагогов, которые обеспечивают профессиональную (коррекционно-педаго-

гическую) помощь в индивидуальном развитии и саморазвитии, обучении и воспитании, самоактуализации и самореализации обучающихся. Предметом педагогической поддержки является процесс определения совместно с обучающимся его интересов, целей, возможностей и путей преодоления возникающих проблем для достижения желаемых результатов в обучении, общении, самовоспитании, образе жизни. Ключевым словосочетанием в понимании педагогической поддержки служит «проблема обучающегося».

Следует подчеркнуть, что поддержка, безусловно, является и психологическим феноменом. В частности, психологическая поддержка в нормативных документах Украины рассматривается как «система социально-психологических, психолого-педагогических способов и методов помощи» [3, ст. 1]. В этом смысле дефиниция «психологическая поддержка» синонимична понятию «психологическая помощь», которое трактуется как «область практического применения психологии, ориентированная на повышение социально-психологической компетентности людей и оказания психологической помощи как отдельному человеку, так и группе или организации» [4]. «Психологическая помощь отражает некоторую реальность, некую психосоциальную практику, полем деятельности которой является совокупность вопросов, затруднений и проблем, относящихся к психической жизни человека» [5, с. 12].

Что же касается феномена сопровождения, то его следует рассматривать в контексте практики учреждений образования как согласование педагогической и психологической поддержки лица (обучающегося), нуждающегося в этом. В связи с тем, что образовательная среда является сложноорганизованной, разнообразной по формам и направленности, она включает систему различных отношений субъектов образовательного процесса, формирующейся личности необходимо компетентное сопровождение в обучении и социализации.

Термин «сопровождение» впервые упоминается в работах по практической психологии еще в конце XX века [6]. В настоящее время он широко известен и активно используется (Э. Александровская, М. Битянова, Т. Дворецкая, Е. Казакова, Е. Козырева, А. Колеченко, В. Семикин, Т. Чиркова и др.). Так, М.Р. Битянова метафорично сравнивает сопровождение ребенка с «движением за руку», когда компетентный взрослый «приглядывается и прислушивается» к особенностям ребенка, а не контролирует, указывает, навязывает решения. Сопровождающего взрослого при этом называет «спутником», «умудренным опытом (человеком)», а само взросление, соци-

ализацию – «дорогой с множеством развилок и перекрестков» [7].

На многочисленных популярных в настоящее время сайтах лицензированных практических психологов в Республике Беларусь можно встретить различные интерпретации термина «психологическое сопровождение». В частности, сопровождение рассматривается с точки зрения комплексного подхода к решению проблем развития через конкретные виды деятельности психолога, оно определяется как комплексная деятельность или как особый вид помощи, направленной на решение задач коррекции, обучения, воспитания, социализации несовершеннолетних.

Белорусские ученые (А.Н. Коноплева, Т.Л. Лещинская, А.Ч. Хвойницкая) сужают понимание сопровождения и рассматривают его в контексте поддержки развития, воспитания, формирования, индивидуализации, социализации детей с особенностями психофизического развития (с ограниченными возможностями здоровья и жизнедеятельности) [8].

Сопровождение как процесс и социально-психологический феномен рассматривается исследователями [9] также с точки зрения системного подхода, который позволяет сделать приоритетным внутренний потенциал развития личности. Психолого-педагогическое сопровождение в данном случае можно интерпретировать как:

- деятельность (целостная, системно-организованная деятельность, в процессе которой создаются социально-психологические и педагогические условия для успешного обучения и развития всех обучающихся);
- метод (обеспечивает создание условий для принятия личностью оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора);
- технологию (последовательное выполнение четко определенных действий).

Анализ научной литературы (Т.В. Егорова [10], Л.П. Жуйкова, Ю.В. Замятина, Е.Д. Кесарев [11], О.И. Могила, А.П. Тряпицына, А.В. Ульянова, Л.М. Шипицына [9] и др.) свидетельствует о том, что на сегодняшний день определена и научно обоснована целостная концепция педагогического сопровождения лиц с ОПФР в образовательном процессе, апробированы и успешно применяются методики и технологии сопровождения, определены педагогические условия их эффективного использования. Сопровождение рассматривается как сложный процесс взаимодействия сопровождаемого и сопровождающего, результатом которого является решение и действие, ведущие к прогрессу в развитии сопровождаемого. Таким образом, процесс педагогического сопровожде-

ния включает не только обучающегося, но и значимых взрослых, так как именно ими анализируется и моделируется инклюзивное образовательное пространство и реальная ситуация обучения лиц с ОПФР.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что пока нет четкого понимания феномена психологического сопровождения лиц с ОПФР в учреждениях общего среднего образования. Именно в этой связи нами осуществлен анализ актуальной нормативной документации, обеспечивающей деятельность педагога-психолога учреждения общего среднего образования на предмет выявления его функционала в области психологического сопровождения лиц с ОПФР в образовательном процессе.

Ключевой документ, определяющий всю образовательную деятельность в Республике Беларусь, «Кодекс Республики Беларусь об образовании» от 13.01.2011 г. № 243-З (далее Кодекс) [12] гарантирует реализацию конституционного права человека на получение образования. Следует отметить, что на сегодняшний день Кодекс является одним из самых обсуждаемых документов для принятия его новой редакции в связи с социальными изменениями и изменениями в подходах к образованию. Но и в ныне действующей редакции Кодекса уделяется внимание образованию лиц с ОПФР. В частности, в нем дается определение понятию «лицо с особенностями психофизического развития – лицо, имеющее физические и (или) психические нарушения, которые ограничивают его социальную деятельность и препятствуют получению образования без создания для этого специальных условий» (ст. 1); прописаны гарантии в обеспечении доступности образования лицам с ОПФР на всех уровнях образования и в создании для этого специальных условий (ст. 2). Кроме того, достаточно подробно охарактеризован процесс организации специального образования как одного из видов образования (глава 55), где подразумевается «система психолого-педагогических мер, направленных на исправление и (или) ослабление физических (или) психических нарушений» (ст. 14); обозначены виды учреждений специального образования (ст. 261–265), реализующих программы социализации лиц с ОПФР. Достаточно подробно прописана система образования в рамках интегрированного обучения и воспитания; изложены правила комплектации и количественной наполняемости групп/классов на всех уровнях получения образования (ст. 147, 158). Кодексом определены виды занятий, ориентированных на стимулирование развития обучающихся: «поддерживающие занятия или консультации – занятия, направленные на преодоление трудностей в изучении учебных предметов (...)

учащимися, получающими общее среднее образование (...)» (ст. 158).

Кодексом четко определено право всех субъектов на получение психологической помощи для социальной адаптации и оптимизации образовательного процесса (ст. 96). Осуществление социальной защиты обучающихся (глава 5) гарантируется правами на «бесплатное психолого-медико-педагогическое обследование», «бесплатную коррекцию физических и (или) психологических нарушений» (ст. 31) и «получение психологической помощи со стороны специалистов учреждения образования». Также предусмотрено оказание ранней комплексной помощи детям с ОПФР до трех лет, включающей «выявление, обследование, коррекцию физических и (или) психических нарушений, индивидуализированное обучение ребенка с ОПФР в возрасте до трех лет с психолого-педагогическим сопровождением в семье, учреждении образования» (ст. 269).

Однако четкая структура организации психологического сопровождения обучающихся в Кодексе отсутствует. Психологическая помощь в нем представлена общим требованием к образовательному процессу (глава 9) безотносительно к той или иной категории обучающихся.

Оказание психологической помощи в Республике Беларусь регламентируется Законом Республики Беларусь «Об оказании психологической помощи» № 153-З от 01.07.2010 г. (далее Закон), который «направлен на определение правовых и организационных основ оказания психологической помощи в целях обеспечения прав и законных интересов граждан при ее получении» [13].

В Законе психологическая помощь рассматривается как «комплекс мероприятий, ориентированных на содействие гражданам в предупреждении, разрешении психологических проблем, преодолении последствий кризисных ситуаций, в том числе путем активизации собственных возможностей граждан для самостоятельного предупреждения, разрешения возникающих психологических проблем, преодоления последствий кризисных ситуаций и создания необходимых для этого условий, на информирование граждан о причинах психологических проблем и способах, средствах их предупреждения и разрешения, на развитие личности, ее самосовершенствование и самореализацию» (ст. 1). В Законе четко обозначены субъекты оказания психологической помощи, требования, предъявляемые к психологу; цели, принципы, виды психологической деятельности; ответственность и полномочия сторон, участвующих в психологической деятельности; формы и способы оказания психологической помощи, а также порядок оказания психологической помо-

щи. По Закону учреждения образования обязаны обеспечивать оказание психологической помощи на безвозмездной основе участникам образовательного процесса независимо от пола, расы, национальности, имущественного положения, религиозных убеждений и других обстоятельств (ст. 17), что, безусловно, соответствует реальному положению вещей в учреждениях образования Республики Беларусь всех типов без исключения.

В соответствии с Кодексом Республики Беларусь об образовании и Законом «Об оказании психологической помощи» было утверждено *Положение о социально-педагогической и психологической службе учреждения образования* № 116 от 25.07.2011 г. (далее Положение), в соответствии с которым и сегодня организуется деятельность педагога-психолога учреждения образования [14]. Применительно к обучающемуся как субъекту образовательного процесса педагог-психолог выполняет следующие функции: обеспечивает социальную адаптацию обучающегося, содействует оптимизации образовательного процесса, оказывает психологическую помощь по запросу обучающегося либо его законного представителя; выявляет и ведет учет обучающихся, нуждающихся в психологической помощи. Также педагог-психолог принимает участие в формировании обучающихся навыков здорового образа жизни, безопасного и ответственного поведения; изучает их индивидуально-психологические особенности, организует личностно ориентированную психологическую помощь обучающимся, имеющим проблемы в общении, обучении, развитии и социализации. В данном контексте этот функционал представляется нам слишком общим, не конкретизирующим действия педагога-психолога в осуществлении психологического сопровождения обучающихся с ОПФР.

В связи с созданием в учреждениях образования социально-педагогической и психологической службы Министерство образования Республики Беларусь четко очерчивает основные направления деятельности педагога-психолога в учреждении образования [15; 16] и разрабатывает *Методические рекомендации о деятельности социально-педагогической и психологической службы учреждения образования* [15], в которых более подробно прописаны функции педагога-психолога.

В методических рекомендациях указано, что «основные усилия социально-педагогической и психологической службы (СППС) учреждения образования должны быть направлены на обеспечение успешной социализации воспитанников, сохранение и укрепление их здоровья, предупреждение отклонений в развитии и поведении, психолого-педагогическое сопровождение их

жизненного самоопределения, создание благоприятного климата в учреждении образования и окружении, вовремя помочь ребенку, выявить проблему и скорректировать действия всех участников образовательного процесса» [15]. В этой связи педагог-психолог должен: проводить психологическое изучение психических явлений, личности, социальной ситуации развития, особенностей взаимодействия обучающихся в целях организации индивидуального и дифференцированного подхода в процессе обучения и воспитания; оказывать консультативную помощь участникам образовательного процесса; проводить профилактические и просветительские мероприятия по предупреждению возможных отклонений в развитии обучающихся и формированию здорового образа жизни; осуществлять коррекционную поддержку; содействовать сохранению психофизического здоровья; создавать психологические условия для реализации профильных образовательных программ.

Общие характеристики деятельности педагога-психолога учреждения образования конкретизируются рядом нормативных документов, прямо либо косвенно определяющих психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОПФР [17–20]. Эти документы регламентируют порядок получения образования этой категорией лиц (в том числе и на дому), способствуют максимальному охвату детей с ОПФР для коррекционной помощи, определяют стратегию их патроната после завершения обучения в учреждении общего среднего образования.

В 2016 году в целях совершенствования работы по организации интегрированного обучения и воспитания документально закрепляется обязанность педагога-психолога осуществлять психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОПФР [21]. Поскольку ряд положений системы интегрированного обучения возможно перенести на инклюзивное образование, то и данный документ может стать отправной точкой в определении функционала педагога-психолога инклюзивной школы. Методическими рекомендациями определены задачи психолого-педагогического сопровождения, круг которых очерчен только организацией взаимодействия всех участников образовательного процесса и созданием адаптивной среды для обучающихся с ОПФР, формы организации психолого-педагогического сопровождения и определяющие его факторы (контингент обучающихся с ОПФР, уровень компетентности педагогического состава и т.д.); предложены формы диагностической карты психолого-педагогического сопровождения и индивидуальной карты психолого-педагогического

сопровождения обучающихся с ОПФР, в которых прослеживается идея сотрудничества всех педагогических работников учреждения образования (а не только педагога-психолога) по организации их сопровождения.

Однако остается дискуссионным вопрос относительно распределения работы по диагностике между классным руководителем, педагогом-психологом и педагогом социальным. Диагностика должна быть направлена на определение статуса обучающегося с ОПФР в коллективе, сфер его интересов, особенностей личности, особенностей поведения, мотивации к обучению и т.д. Дискуссионным данный вопрос является постольку, поскольку сбор психологической информации, ее обработка и интерпретация, постановка психологического диагноза традиционно являются функциями педагога-психолога.

Заключение. Анализ актуальной нормативно-правовой документации, регламентирующей организацию образовательного процесса в целом и роль в нем педагога-психолога, в частности позволяет сделать ряд выводов:

- в изученных документах предусмотрено осуществление психолого-педагогического сопровождения обучающихся в учреждениях образования Республики Беларусь;

- в Кодексе Республики Беларусь об образовании не представлена система психологического сопровождения обучающихся. Психолого-педагогическое сопровождение обучающихся как актуальное явление уточняется и разъясняется в последующих нормативных документах, положениях, методических рекомендациях и т.д.;

- при подготовке новой редакции Кодекса Республики Беларусь об образовании мы считаем целесообразным определить понятие «психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОПФР в учреждениях образования». В связи с внедрением инклюзивной практики с систему образования необходимо внести изменения в Положение о социально-педагогической и психологической службе учреждения образования;

- опираясь на Методические рекомендации по совершенствованию работы по организации интегрированного обучения и воспитания от 26.08.2016 г., мы считаем, что психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с ОПФР в инклюзивной школе должно организовываться в рамках деятельности социально-педагогической и психологической службы учреждения образования;

- ныне действующим Положением о социально-педагогической и психологической службе учреждения образования установлено право педагога-психолога самостоятельно определять «задачи и приоритетные направления деятельно-

сти, выбирать педагогически обоснованные и целесообразные формы и методы работы с учетом конкретных условий, потенциала учреждения образования, особенностей контингента участников образовательного процесса и их потребностей» (глава 4). Введение инклюзивного образования повлечет изменение и конкретизацию задач и функций педагога-психолога в диагностическом, профилактическом, консультативном, коррекционном и развивающем направлениях деятельности педагога-психолога;

- на сегодняшний день вся деятельность педагога-психолога учреждения образования ориентируется на так называемую «норму развития», именно поэтому она направлена на выявление возможных отклонений в развитии ребенка, их предупреждение и коррекцию. Мы считаем принципиальным осуществление иного подхода в психолого-педагогическом сопровождении обучающихся инклюзивных школ – поиск ресурса развития обучающихся с особыми образовательными потребностями и их поддержка в обретении различного рода компетенций с опорой на выявленный ресурс.

В этой связи в существующую модель психологического сопровождения образовательного процесса и ее субъектов необходимо вносить коррективы. Изменения во взаимодействии субъектов образовательного процесса, по нашему мнению, будут состоять в появлении у всех участников инклюзивного процесса новых потребностей в сопровождении, которые возникли в связи с внедрением инклюзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции развития инклюзивного образования лиц с особенностями психофизического развития в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: приказ М-ва образования Респ. Беларусь от 22.07.2015 № 608. – Режим доступа: <http://edu.gov.by/>. – Дата доступа: 15.06.2017.
2. Зайцев, Д.В. В центре внимания – студент-инвалид / Д.В. Зайцев // Высш. образование в России. – 2009. – № 5. – С. 134–140.
3. О реабилитации инвалидов в Украине [Электронный ресурс]: Закон Украины от 06.10.2005 № 2961-IV в ред. от 09.12.2015. – Режим доступа: http://kodeksy.com.ua/ka/dictionary/p/psihologicheskaya_podderzhka.htm. – Дата доступа: 15.06.2017.
4. <https://ru.wikipedia.org/>
5. Бондаренко, А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика / А.Ф. Бондаренко. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Класс, 2001. – 336 с. – (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 94).
6. Бардиер, Г. Психологическое сопровождение естественного развития маленьких детей / Г. Бардиер, И. Ромазан, Т. Черединова. – Кишинев: [б. и.]; СПб.: [б. и.], 1993. – 96 с.
7. Битянова, М.Р. Организация психологической работы в школе / М.Р. Битянова. – М.: Совершенство, 1997. – 298 с.
8. Хвойницкая, В.Ч. Психолого-педагогическое сопровождение интегрированного обучения детей с ограниченными возможностями / В.Ч. Хвойницкая, Т.Л. Лещинская // Об-

- разовательная интеграция и социальная адаптация лиц с ограниченными возможностями: пособие для учителей, психологов и родителей детей с ограниченными возможностями. – Минск: НИО, 2005. – С. 203–221.
9. Шипицына, Л.М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта / Л.М. Шипицына. – СПб.: Дидактика Плюс, 2002. – 304 с.
 10. Егорова, Т.В. Педагогическая поддержка социальной интеграции детей с ограниченными возможностями: дис. ... канд. пед. наук / Т.В. Егорова. – Саратов: СГПУ, 2000. – 172 л.
 11. Кесарев, Е.Д. Специальное образование за рубежом и международные программы помощи и поддержки детям с проблемами в развитии / Е.Д. Кесарев // Проблемы реабилитации детей с отклонениями в развитии: материалы науч.-практ. конф. – СПб.: Центр пед. информ., 1995. – С. 26–41.
 12. Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2011. – 400 с.
 13. Об оказании психологической помощи [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь № 153-З от 01.07.2010 г. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_okazanii_psihologicheskoi_pomowi.htm. – Дата доступа: 15.06.2017.
 14. Об утверждении Положения о социально-педагогической и психологической службе учреждения образования (иной организации, индивидуального предпринимателя, которым в соответствии с законодательством предоставлено право осуществлять образовательную деятельность) и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь: постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 25 июля 2011 г. № 116 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 96.
 15. Основные направления работы педагога-психолога в учреждениях образования: метод. рекомендации: сб. норматив. документов М-ва образования Респ. Беларусь, 2006 г., № 19–20. – Минск, 2006.
 16. Квалификационные характеристики по должностям работников образования // Кадры в образовании. Образцы должностных инструкций. Квалификационные характеристики: сб. – Минск, 2007.
 17. Об утверждении Положения о порядке организации образовательного процесса для больных детей, детей-инвалидов и детей с особенностями психофизического развития на дому, в условиях стационарного лечебного учреждения [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 10.03.2003 г. № 17. – Режим доступа: <http://systemaby.com/docs/bittm/dk-6v4n1r.html>. – Дата доступа: 15.06.2017.
 18. Об утверждении Инструкции о порядке выявления детей с особенностями психофизического развития и создания банка данных о них [Электронный ресурс]: постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 5.09.2011 г. № 253. – Режим доступа: edu.gov.by/sm.aspx?guid=6483. – Дата доступа: 15.06.2017.
 19. Об образовании лиц с особенностями психофизического развития (специальном образовании) [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18.05.2004 г. – Режим доступа: http://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_obrazovanii_lits_s_osobennostyami_psihofizicheskogo.htm. – Дата доступа: 15.06.2017.
 20. Об утверждении Положения о патронате лиц с особенностями психофизического развития и признании утратившими силу некоторых постановлений Министерства образования Республики Беларусь: постановление М-ва образования Респ. Беларусь от 19 июля 2011 г. № 92 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 8/24068.
 21. Методические рекомендации по совершенствованию работы по организации интегрированного обучения и воспитания [Электронный ресурс]: от 26 авг. 2016 г. – Режим доступа: www.asabliva.by/sm_full.aspx?guid=107053. – Дата доступа: 15.06.2017.

Поступила в редакцию 08.09.2017 г.

УДК 159.923: 614.2

Взаимосвязь личностных характеристик студентов и удовлетворенности качеством медицинской помощи

Фролова Ю.Г.

Белорусский государственный университет

Повышение качества врачебной помощи является важнейшей задачей современного здравоохранения. В настоящее время данные социологических опросов свидетельствуют о характерных для значительной части населения низких оценках работы врачей и медицинских сестер.

Цель данной научной работы – установление характера связи между личностными характеристиками студентов и степенью удовлетворенности медицинской помощью.

Материал и методы. В исследовании, проведенном на выборке из 218 студентов высших учебных заведений г. Минска в возрасте от 17 до 23 лет, использовались Методика анализа удовлетворенности населения качеством медицинской помощи и Пятифакторный опросник личности.

Результаты и их обсуждение. Доля испытуемых, в целом удовлетворенных качеством медицинской помощи, составила 70,7%. Зависимости удовлетворенности от конкретного медицинского учреждения, в котором обслуживался испытуемый (поликлиника по месту жительства, студенческая поликлиника), не имеется. Были сформированы шкалы для оценки суммарной удовлетворенности медицинской помощью и для оценки ее отдельных аспектов, обладающие высокими (0,8–0,9) показателями согласованности. Выявлена положительная связь суммарных показателей удовлетворенности с показателями активности, привязанности и самоконтроля. Отрицательные связи были выявлены между данной шкалой и показателями по шкалам доминирования, привлечения внимания и эмоциональной лабильности. Также было показано, что эмоционально лабильные индивиды имеют более низкую самооценку здоровья и менее уверены в том, что обращение к профессионалам принесет им пользу. Высокие уровни самоконтроля и привязанности способствовали большей удовлетворенности испытуемых всеми аспектами медицинской помощи – информационными, организационными, профессиональными и коммуникативными.

Заключение. Наиболее существенный вклад в суммарную оценку качества медицинских услуг вносят показатели привязанности, эмоциональной лабильности и склонности к привлечению внимания.

Ключевые слова: качество медицинской помощи, удовлетворенность медицинской помощью, пятифакторная модель личности, привязанность, активность, доминирование, самоконтроль, эмоциональная лабильность.

Interdependence between Student Personality Characteristics and Satisfaction with Medical Aid Quality

Frolova Yu.G.

Belarusian State University

Improvement of medical aid is an important task of the contemporary public health system. At present sociological questionnaires data indicate typical for a considerable part of the population low assessment of doctor and medical nurse work.

The purpose of the research is establishment of the character of the dependence between student personality characteristics and the degree of satisfaction with medical aid.

Material and methods. 218 seventeen to twenty three year old university students from Minsk took part in the research, which applied Methods of the Analysis of Population Satisfaction with the Quality of Medical Aid and the Five-Factor Personality Questionnaire.

Findings and their discussion. The proportion of the tested, who are satisfied on the whole with the quality of medical aid, is 70,7%. There is no dependence of satisfaction on a definite medical institution (local clinic or student clinic). Scales to assess total satisfaction with medical aid and to assess its separate aspects, which have high (0,8–0,9) indicators of coordination, have been elaborated. Positive connection between total indicators of satisfaction and indicators of activity, attachment and self-control is found out. Negative connections are found out between this scale and domination scale, attracting attention and emotional flexibility indicators. Emotionally flexible individuals are said to have lower health self-esteem and are less confident in medical professionals who can help them. High self-control and attachment levels provide higher satisfaction of the tested students with all aspects of medical aid – the information, the organization, the professional and the communicative ones.

Conclusion. A considerable contribution into the total assessment of medical service quality is made by the indicators of attachment, emotional flexibility and attracting attention.

Key words: quality of medical aid, satisfaction with medical aid, five-factor personality model, attachment, activity, domination, self-control, emotional flexibility.

Всемирная организация здравоохранения выделяет три основных критерия оценки качества медицинской помощи – структурный, процессуальный и результативный. Первый из них характеризует наличие достаточных ресурсов для работы медицинского учреждения, второй – соблюдение технологических требований в процессе диагностики и лечения, третий – взаимодействие в медицинской среде [1]. Этот последний критерий лежит в основе субъективного чувства удовлетворенности оказанными услугами. Так, Б.Д. Цыганков и Л.В. Мотыльков, проводившие исследование на выборке пациентов психиатрических клиник, показали, что способность врача к эмпатическому общению, достаточное информирование больного о его заболевании, уютность палат играют в удовлетворенности медицинской

помощью большую роль, чем сам по себе результат лечения [2]. Примечательный в этом смысле факт выявила Б. Лоренц. Даже при условии сохранения серьезных, вызывающих дистресс, психотических симптомов (в исследовании Лоренц – слуховых псевдогаллюцинаций) больные положительно оценивали работу врача, если полагали, что он «делает все, что может» [3]. Аналогичные данные были получены и в исследованиях пациентов, обращающихся за помощью к врачам общего профиля [4].

Субъективные оценки качества медицинской помощи обычно исследуются посредством масштабных социологических опросов. Хотя они позволяют выявить общие показатели удовлетворенности для какого-либо региона или социальной группы, методы их проведения не позволяют в полной мере исследовать причины положитель-

ного или негативного отношения к работе системы здравоохранения. Установки пациента относительно лечения и поведения врача, мотивация обращения за помощью, отношение к здоровью играют в формировании чувства субъективной удовлетворенности значительную роль. Современный пациент сегодня все чаще ориентирован на такую модель взаимодействия с врачом, в которой последнему отводится роль поставщика услуг, имеющего определенные обязательства перед клиентом. Здоровье теперь воспринимается не просто как одна из важнейших жизненных ценностей, но и как ресурс, который необходимо постоянно пополнять за счет временных, материальных и духовных затрат, причем ответственность за это лежит на самом индивиде. Соответственно, люди, обращающиеся в медицинские учреждения, демонстрируют меньшую уступчивость, большую самостоятельность и даже конфликтность, они критически относятся к медицинской науке и практике [5].

В целом процесс взаимодействия в медицинской среде можно охарактеризовать как напряженный. Этому способствуют и субъективное неблагополучие пациента, делающее его уязвимым к действию различных стрессоров, и сложность работы врача. Почему же, находясь практически в одинаковых условиях, подвергаясь действию одних и тех же социальных и биологических факторов, одни люди высоко оценивают качество медицинских услуг, а другие – низко? Одно из возможных объяснений заключается в том, что существенную роль в удовлетворенности врачебной помощью играют личностные особенности человека.

Цель работы – установление характера связи между личностными характеристиками студентов и степенью удовлетворенности медицинской помощью.

Материал и методы. Для проверки данной гипотезы в 2015–2017 гг. был проведен опрос на выборке студентов I–V курсов высших учебных заведений города Минска (218 человек в возрасте от 17 до 23 лет, из них 122 девушки и 96 юношей). Среди респондентов 38,7% обслуживались в поликлинике по месту жительства, 59,2% – в студенческой поликлинике и 2,1% пользовались услугами частных медицинских центров. Для сбора данных нами применялись Методика анализа удовлетворенности населения качеством медицинской помощи (составители – Т.Г. Светличная с соавт. [6]), Пятифакторный опросник личности (5 PFQ, адаптация А.Б. Хромова [7]), а также анкета, позволяющая собрать сведения о социодемографических характеристиках испытуемых, состоянии их здоровья, расходах на диагностику и лечение. Основаниями для выбора данных методик послужили следующие соображения. Среди всех инструментов для вы-

явления субъективных оценок медицинских услуг опросник Т.Г. Светличной с соавторами обладает наибольшей подробностью и наилучшими показателями надежности (в данном контексте – согласованности отдельных пунктов между собой). Шкалы Пятифакторного опросника личности, во-первых, отражают выраженность у индивида значимых для межличностного взаимодействия характеристик, а во-вторых, имеется достаточно большое количество результатов эмпирических исследований в поддержку предположения о том, что они позволяют предсказать поведение в сфере здоровья и самочувствие человека [8]. Вариант пятифакторного опросника, использованный в нашем исследовании, позволяет не только определить выраженность основных черт личности (экстраверсии, привязанности, сознательности, эмоциональной неустойчивости (нейротизма) и открытости опыту), но и показатели по вторичным факторам. Например, для экстраверсии это будут факторы доминирования – подчинения, активности – пассивности, привлечения внимания – избегания внимания, общительности – замкнутости, поиска впечатлений – избегания впечатлений.

Статистический анализ данных проводился с использованием пакета программ SPSS 21.0. Вычислялись коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена, критерий Колмогорова–Смирнова для проверки нормальности распределения, критерий согласованности α Кронбаха, был также применен метод иерархической линейной регрессии.

Результаты и их обсуждение. Методика Т.Г. Светличной с соавторами, помимо вопросов относительно отдельных аспектов медицинской помощи (работа регистратуры, время ожидания приема, отзывчивость сотрудников и т.п.), содержит вопрос относительно удовлетворенности медицинской помощью в целом. Вышеуказанный пункт, измеряемый в оригинальной методике в формате шкалы Лайкерта, был преобразован в дихотомическую переменную (1 балл – «Полностью или в целом удовлетворен», 0 баллов – диапазон от «Полностью неудовлетворен» до «Затрудняюсь ответить»). Мы предположили, что студенты, которые не смогли точно ответить на данный вопрос, имеют некоторые претензии к работе лечебных учреждений. Оказалось, что большинство – 70,7% испытуемых – в целом удовлетворены качеством оказанной медицинской помощи. Это соответствует результатам проведенных ранее исследований. Значительных различий в субъективных оценках медицинской помощи в зависимости от того, в каком учреждении обслуживались студенты, не было обнаружено.

Ответы на остальные пункты методики, относящиеся к отдельным параметрам определения качества услуг (работа регистратуры, отзывчивость

персонала, профессионализм врача и пр.), были суммированы для вычисления совокупной оценки медицинской помощи. Шкала «Суммарная удовлетворенность медицинской помощью» имеет, согласно критерию Колмогорова–Смирнова, нормальное распределение и высокий показатель согласованности (α Кронбаха = 0,93). Как следует из таблицы 1, выявлены статистически значимые связи между показателями по данной шкале и отдельными шкалами и субшкалами Пятифакторного опросника.

Как можно заметить, положительная оценка качества медицинской помощи характерна для индивидов с высокими показателями активности, привязанности и самоконтроля, а негативная – для индивидов с выраженной склонностью к доминированию, интровертированных и эмоционально лабильных. Активность пациента способствует как его большей энергичности, мотивированности в процессе лечения и диагностики, так и препятствует развитию ипохондрических фиксаций. Индивиды с высокими показателями по данному первичному фактору экстраверсии ориентированы на достижения во внешнем мире, а не на анализ и контроль своего самочувствия (что, конечно, может создать определенные проблемы в будущем). Была выявлена значимая положительная связь между показателями по субшкале «Активность – пассивность» и самооценкой здоровья ($r = 0,262^{**}$).

Интересным является тот факт, что другой первичный фактор экстраверсии – «Доминирование – подчиненность» – оказался отрицательно связанным с суммарной оценкой качества медицинской помощи. Учитывая молодой возраст испытуемых, четкую иерархию отношений в медицинском учреждении (в которой пациенту отводится далеко не главная роль), студенты со стремлением к лидерству и руководству могут чувствовать себя в такой среде недостаточно комфортно.

Индивиды, стремящиеся к привлечению внимания (в контексте пятифакторной модели личности – коммуникабельные, положительно относящиеся к новым знакомствам), могут рассматривать медицинскую среду как чрезмерно формализованную, не располагающую к свободному общению.

Испытуемые с высокими показателями по фактору «Привязанность – обособленность» дружелюбно настроены к окружающим, способны прощать им мелкие недостатки, эмпатичны, стремятся избегать конфликтов, в целом имеют достаточно развитый эмоциональный интеллект. Эти качества, на наш взгляд, позволяют им не только устанавливать конструктивные отношения с медицинскими работниками, но и успешно справляться с действием неизбежных стрессоров, не реагировать чрезмерно сильно на затянувшееся ожидание, невежливость, недостаток информации. Как отмечают многие исследователи, уро-

вень привязанности положительно коррелирует с психологическим благополучием личности [9].

Индивиды с высокими показателями самоконтроля не только склонны приписывать себе ответственность за состояние здоровья и придерживаться требований к безопасному поведению, но и относятся с уважением к авторитетным людям, законам, социальным нормам, они настойчивы и последовательны в достижении поставленных целей. Соответственно, их взаимодействие с медицинскими работниками может оказаться более продуктивным, они будут с пониманием относиться к распорядку работы медицинского учреждения и установленным в нем правилам, спокойно выполнять распоряжения врача.

Эмоционально неустойчивые индивиды в целом пессимистично оценивают свое здоровье ($r = 0,433^{**}$) и пользу от медицинского вмешательства ($r = 0,329^{**}$). Неудивительно, что они неудовлетворены качеством оказанной медицинской помощи. Помимо этого, они легко падают духом при малейших препятствиях и проблемах, раздражительны. Как показали результаты исследования Дж. Такера, М. Эллиота и Д. Кляйна, эти люди также склонны негативно реагировать на попытки контролировать их поведение, что может привести к проблемам в отношениях с врачом [10].

На основе содержательного анализа методики Т.Г. Светличной с соавторами были выделены четыре шкалы, отражающие различные параметры субъективной оценки качества медицинской помощи: «Информирование» (α Кронбаха = 0,8), «Организация работы медицинского учреждения» (α Кронбаха = 0,85), «Профессионализм медицинского персонала» (α Кронбаха = 0,87), «Отношения с медицинскими работниками» (α Кронбаха = 0,88). В ходе проверки были зафиксированы отклонения показателей по данным шкалам от нормального распределения, поэтому для выявления их связи с личностными характеристиками студентов использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмена (таблица 2).

Результаты корреляционного анализа показали, что наименьшие оценки по всем шкалам характерны для эмоционально неустойчивых индивидов, а высокие уровни привязанности и самоконтроля способствуют большей удовлетворенности качеством медицинской помощи.

Склонные к доминированию и пессимистичные испытуемые недовольны полнотой и качеством информации, предоставляемой им в медицинском учреждении, однако, на наш взгляд, по разным основаниям. Обладание информацией является одним из значимых источников власти, чувства контроля над событиями, что важно для первой группы испытуемых. Эмоционально же неустойчивые индивиды могут испытывать значительный дис-

тресс в ситуации неопределенности. Индивиды с высокими показателями привязанности доверяют врачам и, вероятно, не нуждаются в дополнительной информации, поскольку, как можно заметить, удовлетворены качеством отношений с ними. Индивиды с выраженным самоконтролем, во-первых, могут уже быть достаточно информированы в отношении своего здоровья, а во-вторых, видимо, склонны считать, что количество и доступность информации определяют медицинские работники. Индивиды с высокими показателями по первичному фактору «Привлечение внимания» недовольны организацией работы медицинского учреждения по причинам, которые были рассмотрены ранее (формальность среды, недостаток общения).

Исследование независимого вклада различных характеристик личности в суммарную удовлетворенность медицинской помощью позволи-

ло определить три наиболее важные личностные черты, определяющие значение этой переменной: привлечение внимания, теплота и эмоциональная лабильность (см. таблицу 3).

Хотя доля объясняемой регрессионным уравнением дисперсии (18,7%) невелика, она в целом сопоставима с результатами аналогичных зарубежных исследований. Следует согласиться с мнением Э. Хендрикса с соавт. о том, что удовлетворенность качеством медицинской помощи определяется действием значительного количества факторов, и характеристики личности составляют лишь часть из них [11]. В дальнейшем было бы целесообразно изучить не только удовлетворенность пациента, но и соотношение этого показателя с объективными, точно измеренными характеристиками работы медицинского учреждения.

Таблица 1 – Взаимосвязь личностных характеристик студентов и суммарной удовлетворенности медицинской помощью

Личностная характеристика	Суммарная удовлетворенность медицинской помощью, r Пирсона
Активность – пассивность	0,171*
Доминирование – подчиненность	-0,135*
Привлечение внимания – избегание внимания	-0,177**
Привязанность – обособленность	0,232**
Самоконтроль – импульсивность	0,264*
Эмоциональная лабильность – эмоциональная стабильность	0,264**

Примечание: здесь и далее * – значимость на уровне $p < 0,05$, ** – значимость на уровне $p < 0,01$

Таблица 2 – Взаимосвязь личностных характеристик студентов с различными шкалами оценки качества медицинской помощи

Личностная характеристика	Критерий оценки качества медицинской помощи			
	Информация	Организация	Профессионализм	Отношения
Активность – пассивность		0,178**		
Доминирование – подчиненность	-0,149*			
Привлечение внимания – избегание внимания		-0,173**	-0,135*	
Привязанность – обособленность	0,212**	0,268**	0,189**	0,261**
Самоконтроль – импульсивность	0,209**	0,263**	0,158*	0,287**
Эмоциональная неустойчивость – эмоциональная стабильность	-0,139*	-0,329**	-0,192**	-0,226**

Таблица 3 – Стандартизованные регрессионные коэффициенты и показатели качества вложенных линейных регрессионных моделей для предсказания суммарной удовлетворенности качеством медицинской помощи

Независимая переменная	М 1	М 2	М 3
Привлечение внимания – избегание внимания	-0,175*	-0,151*	-0,130*
Теплота – равнодушие		0,321**	0,292**
Эмоциональная лабильность – эмоциональная стабильность			-0,235**
R ²	3,1	13,3	18,7
Разность R ²	3,1	10,2	5,4

Заключение. В целом можно сделать вывод о том, что эмоционально уравновешенные, обладающие хорошими коммуникативными навыками и дружелюбно настроенные по отношению к окружающим индивиды будут более довольны качеством медицинских услуг. Следует ли из этого, что неудовлетворенность медицинской помощью связана исключительно с личностными дефектами, например, с высоким уровнем нейротизма (эмоциональной нестабильности)? На наш взгляд, это не совсем верно. Личностные ресурсы индивида, социальный и эмоциональный интеллект позволяют ему эффективно справляться с медицинскими стрессорами, однако ответственность за их появление все же в значительной степени лежит на системе здравоохранения.

Результаты исследования свидетельствуют о важности психологической грамотности врача для эффективности лечения. Профессионал, осведомленный о личностных характеристиках своего пациента, может поддерживать нужное качество коммуникации с ним и предотвращать конфликты, нарушения режима лечения, повышать доверие к своим рекомендациям и медицине в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихтарович, Е.Е. Оценка качества конечного результата деятельности в здравоохранении / Е.Е. Лихтарович // Экономика и управление. – 2012. – № 1. – С. 83–87.
2. Цыганков, Б.Д. Многофакторная модель удовлетворенности медицинской помощью стационарных пациентов, страдающих пограничными психическими расстройствами / Б.Д. Цыганков, Л.В. Мотыльков // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2015. – Т. 23, № 1. – С. 21–25.
3. Lorencz, B.J. Becoming ordinary: Leaving the psychiatric hospital / B.J. Lorencz // The Illness Experience: Dimensions of Suffering / Ed. by J.M. Morse, J.L. Johnson. – Newbury Park, 1988. – P. 140–200.
4. Jackson, J.L. Predictors of patient satisfaction / J.L. Jackson, J. Chamberlin, K. Kroenke // Social Science & Medicine. – 2001. – Vol. 52, № 4. – P. 609–620.
5. Яцино, М. Культура индивидуализма / М. Яцино. – Харьков: Гуманитар. Центр, 2012. – 280 с.
6. Светличная, Т.Г. Методика анализа удовлетворенности населения качеством медицинской помощи / Т.Г. Светличная, О.А. Цыганова, Е.Л. Борчанинова. – Архангельск: Изд-во Северн. гос. мед. ун-та, 2010. – 51 с.
7. Хромов, А.Б. Пятифакторный опросник личности / А.Б. Хромов. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. – 23 с.
8. Jerram, K.L. The Big Five personality traits and reporting of health problems and health behaviour in old age / K.L. Jerram, P.G. Coleman // British Journal of Health Psychology. – 1999. – Vol. 4, iss. 2. – P. 181–192.
9. Five-factor personality traits and subjective health among caregivers: The role of caregiver strain and self-efficacy / C.E. Löckenhoff [et al.] // Psychology of Aging. – 2011. – Vol. 26, № 3. – P. 592–604.
10. Tucker, J.S. Social control of health behavior: associations with conscientiousness and neuroticism / J.S. Tucker, M.N. Elliott, D.J. Klein // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2006. – Vol. 32, № 9. – P. 1143–1152.
11. Is personality a determinant of patient satisfaction with hospital care? / A.A.J. Hendriks [et al.] // International Journal for Quality of Health. – 2006. – Vol. 18, № 2. – P. 152–158.

Поступила в редакцию 07.09.2017 г.

УДК 316.614-053.6:37.018.1:37.014.52(474.5)

Аксиологическое влияние различных институтов социализации на формирование системы ценностей литовских подростков

Богомаз С.Л., Мизовец А.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассмотрено аксиологическое влияние различных институтов социализации. Выделены, проанализированы и охарактеризованы основные структурные элементы: когнитивный, эмоциональный и поведенческий в рамках таких институтов социализации, как семья, школа, Костёл.

Цель работы – проанализировать аксиологическое влияние различных институтов социализации.

Материал и методы. Исследование проходило на базе литовской и белорусской гимназий города Вильнюса. Эмпирическую выборку составили 190 подростков из Литвы. В исследовании приняло участие 50 подростков 12–14 лет литовской гимназии «Šviesos» (17 юношей и 33 девушки) и 40 подростков 12–16 лет белорусской гимназии «Vilniaus Pranciškaus Skorinos gimnazija» города Вильнюса (18 юношей и 22 девушки). А также на базе католических костёлов города Вильнюса Литовской Республики (100 подростков): прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (Švenčiausios Mergelės Marijos Nekaltojo Prasidėjimo parapija) и Григизского Прихода Святого Духа (Grigiskų Šventosios Dvasios parapija).

В статье использованы теоретические методы, опирающиеся на рациональное познание и логические процедуры вывода. В процессе исследования применяются методы: анализ психологической, методической литературы, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Институты социализации взаимодействуют между собой в реальной жизни. В действительности все они суммарно, а не каждый по отдельности оказывают воздействие на познавательный процесс, создают тот самый «социальный контекст», который трудно ухватывается в социально-психологических исследованиях, но именно от которого зависит реальный путь освоения человеком социального мира. Наличие эмоциональных фигур идентификации создает условия для усвоения ребенком социального опыта: интернализации ценностей и ролевых моделей поведения, формирования Я-концепции, т.е. «индивид становится тем, кем он является, будучи направляем значимыми другими». Взаимозависимость различных социальных институтов в их воздействии на систему ценностей подростков может быть прослежена. Ситуация, раскрывающая возможности такого анализа, – это особые периоды в жизни общества, когда ломаются привычные структуры общественной жизни, возникают радикальные социальные преобразования.

Заключение. Полученные закономерности позволяют дать более полное описание психологических механизмов социального поведения личности и открывают дополнительные возможности не только в изучении психологических механизмов формирования ценностных ориентаций, но и вносят дополнительный вклад в решение важной практической задачи – воспитание зрелой и гармоничной личности.

Ключевые слова: ценность, влияние, семья, школа, Костёл.

Axiological Impact of Different Socialization Institutions on Shaping Lithuanian Teenagers' System of Values

Bogomaz S.L., Myzovets A.V.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Axiological impact of different socialization institutions is analyzed in the article. Main structural elements are singled out, analyzed and characterized: the cognitive, the emotional and the behavioral within such socialization institutions as family, school, church.

The purpose of the article is to analyze axiological impact of different socialization institutions.

Material and methods. The study took place on the base of the Lithuanian and the Belarusian gymnasiums of the City of Vilnius. The empiric selection was 190 teenagers from Lithuania. Fifty 12 to 14 year old teenagers from "Šviesos" Gymnasium (17 boys and 33 girls), and forty 12 to 16 year old teenagers from Belarusian Gymnasium "Vilniaus Pranciškaus Skorinos gimnazija" of the City of Vilnius (18 boys and 22 girls) took part in the research. A hundred more teenagers participated on the basis of Catholic Cathedrals of the City of Vilnius of the Lithuanian Republic: Švenciausios Mergelės Marijos Nekaltojo Prasidėjimo parapija and Grigiškių Šventosios Dvasios parapija dioceses.

Theoretical methods based on rational cognition and logical conclusion procedures are used in the article. The research methods are analysis of psychological, methodological literature, generalization.

Findings and their discussion. Socialization institutions interact with each other in real life. Actually they all together, and not each separately, influence the cognitive process, create the social context, which is difficult to trace in social and pedagogical studies, but on which a real path of exploring social world depends. Presence of emotional figures of identification creates conditions for mastering by a child of social experience: making value and behavior role models international, shaping an I-concept, i.e. "individual becomes what he is being when directed by significant others". Interdependence of different social institutions in their impact on the system of values of teenagers can be traced. Situation, which reveals the possibilities of such analysis, is special periods in the social life when usual structures of social life break and radical social transformations emerge.

Conclusion. The obtained findings make it possible to give a more complete description of psychological mechanisms of social behavior of the individual and reveal additional possibilities not only in studying psychological mechanisms of shaping value landmarks but also in contributing to the solution of an important practical problem of raising a mature and harmonious personality

Key words: value, impact, family, school, church.

Каждое общество имеет уникальную ценностно-ориентационную структуру, в которой отражается самобытность данной культуры. Поскольку набор ценностей, которые усваивает индивид в процессе социализации, ему «транслирует» именно общество, исследование системы ценностных ориентаций личности представляется особенно актуальной проблемой в ситуации серьезных социальных изменений, когда отмечается некоторая «размытость» общественной ценностной структуры, многие ценности оказываются порушенными, исчезают социальные структуры норм. Особая актуальность статьи обусловлена тем, что в данном исследовании не просто констатировано наличие той или иной иерархии

ценностных ориентаций личности, а проведено более глубокое изучение данной проблемы за счет сравнения развития ценностных ориентаций на базе социальных институтов и христианских школ. Полученные закономерности позволяют дать более полное описание психологических механизмов социального поведения личности. На наш взгляд, это открывает дополнительные возможности не только в изучении психологических механизмов формирования ценностных ориентаций, но и вносит дополнительный вклад в решение важной практической задачи – воспитание зрелой и гармоничной личности.

Цель работы – проанализировать аксиологическое влияние различных институтов социализации.

Материал и методы. Эмпирическую выборку составили около 190 подростков из Литвы. Эмпирическая часть исследования проведена на базе литовской и белорусской гимназий города Вильнюса. В исследовании приняло участие 50 подростков 12–14 лет литовской гимназии «Šviesos» (17 юношей и 33 девушки) и 40 подростков 12–16 лет белорусской гимназии «Vilniaus Pranciškaus Skorinos gimnazija» города Вильнюса (18 юношей и 22 девушки). А также на базе католических костёлов города Вильнюса Литовской Республики (100 подростков): прихода Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии (Šventčiausiosios Mergelės Marijos Nekaltojo Prasidėjimo parapija) и Григишского Прихода Святого Духа (Grigiškių Šventosios Dvasios parapija).

В статье использованы теоретические методы, опирающиеся на рациональное познание и логические процедуры вывода. В процессе исследования применяются методы: анализ психологической, методической литературы, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Особенностью аксиологического воспитания является то, что оно по своей сути представляет собой сплав эмоций, чувств, убеждений и поведенческих проявлений. Проанализировав научную психолого-педагогическую литературу, мы выявили, что ценностные ориентации как психологический феномен имеют определенную структуру, компоненты которой отражают главные аспекты функционирования направленности и ее проявлений. Мы предлагаем выделить основные структурные элементы: когнитивный, эмоциональный и поведенческий в семье, в школе и в Костёле.

Когнитивная составляющая. Главенствующая роль отводится семье, по крайней мере, на ранних этапах социализации. Анализ роли социальных институтов целесообразно начать с характеристики роли семьи. Именно в ней дети приобретают первые навыки взаимодействия, осваивают первые социальные роли (в том числе половые роли, формирование черт маскулинности и фемининности), осмысливают первые нормы и ценности. Тип поведения родителей (авторитарный или либеральный) оказывает воздействие на формирование у ребенка образа Я. Как элемент макросреды семья является проводником ребенка в культуру: религиозные традиции, этнические стереотипы и моральные ценности дети усваивают в основном через семью. Когнитивная составляющая аксиологического воспитания ценностных ориентаций в семье отличается тем, что информация в ней находится на уровне убеждений. Прежде всего, это убеждения в приоритетности каких-либо целей, типов и форм поведения, а также уверенность в приоритетности тех или

иных объектов в некоторой иерархии. Особые качества аксиологического воспитания в семье проявляются в ориентации психического развития ребенка (процессы познания и понимания), а также социально-нравственные. Ребенок учится понимать стандарты и оценивать их, отличать добро от зла, чтобы понять, что полезно и что вредно, что годно похвалы, а что нет. Дети усваивают также способы общения с другими членами семьи, а также теми, кто вне ее. Ценности семейной жизни формируют детское мировоззрение, отношение к миру и окружающим. Это ценное «наследство», вынесенное ребенком из семьи, является «стержнем» его личности, необходимым средством в становлении настоящего Человека. Ребенок получает его от родителей [1].

Семья и школа формируют различные виды ценностей, Школа является местом, где особое внимание уделяется образованию – прививаются определенные ценности, есть стремление и желание роста не только у учеников, но также и у родителей и учителей. Воспитание ребенка имеет социальное измерение, потому что человек всегда для других людей, для других, конечно же, не теряя при этом себя. Свой взгляд на школу как на место, где не только обучают, готовят к будущей жизни, но и просто живут, высказывали ряд видных педагогов, такие как Ж.Ж. Руссо, Д. Дьюн, К.Д. Ушинский. Последний писал: «Педагоги часто забывали, что ребенок не только готовится жить, но и что он уже живет, и что эта жизнь имеет свои права и свои потребности». Если учебно-воспитательный процесс проникнут идеей пользы для ученика, у подростка возрастает интерес к ценности за счет того, что он начинает понимать жизненную необходимость в ней [5].

В рамках аксиологического воспитания в Костёле предполагается, что основные этические ценности вписаны в природу человека, его разум и совесть, следовательно, имеют объективную ценность и являются прочными, независимо от меняющегося контекста. Особенностью евангелизации (под словом евангелизация мы будем понимать аксиологическое воспитание человека в Костёле через проповеди, таинства, занятия религии, костельные группы и т.д.) является, в частности, воспитание не только христианских ценностей, относящихся к вере в Иисуса Христа, но и к общечеловеческим ценностям. В Костёле воспитание ценностей подчинено добру веры, т.к. таинства, проповеди, уроки религии, по своей природе, есть воспитание в вере. В иерархии ценностей, передаваемых в храме, наивысшее место занимают религиозные и духовные ценности, которые подчинены материальным благам. Это вовсе не означает презрения к земным ценностям или их перечеркивания. В соответствии

с Катехизисом Католического Костёла нужно воспитывать и развивать в человеке свою собственную зрелость, развивать чувство ответственности за других, развивать в себе жизнь веры. Для этого потребуются изучение конкретных форм бытия в обществе, принимая на себя ответственность друг за друга. Она также должна помочь молодому человеку в раскрытии намерения Бога относительно себя и способности познавать правду о себе и других людях.

Христианская жизнь в Катехизисе Католического Костёла указана как путь к совершенству. Здесь подчеркивается необходимость развития у молодых людей способности самостоятельного анализа явлений, происходящих в жизни общества, и их критического осмысления. Поднимается проблема перманентной христианской формации и конкретных вопросов, связанных с этикой брака и биоэтикой, средствами массовой информации, социальной патологией. Отдельная группа вопросов относится к работе, безработице, образу жизни в отсутствие работы, призванию, реализации в служении другим. Антропологические идеи, сформулированные на Втором Ватиканском Соборе, отражены также в первом соборном документе о катехизации *Directorium Catechisticum Generale*, в котором содержится много важных указаний христианского образования в более широком психолого-педагогическом измерении [2]. В этом документе во многих местах акцентирована забота о развитии в воспитанниках существенных ценностей человеческой жизни. Внешние и внутренние стремления, соответствующие человеческой природе, а также проблемы, касающиеся смысла и значения жизни современных людей, оказались в центре заинтересованности евангелизации и дали импульс к ее обновлению. В аспекте человеческого достоинства были подняты темы свободы и любви [2].

Эмоциональная составляющая реализуется в эмоциональной окраске и оценочном отношении наблюдаемого явления. Именно эмоциональный аспект, определяющий переживания и чувства человека, показывает значимость той или иной ценности, является своеобразным маркером установления приоритетов.

Огромную часть личной системы ценностей ребенок получает во время образовательного процесса в семье. Почти все, что мы имеем в нашей зрелой личности, строится на фундаменте, который может быть достигнут путем беседы, в диалоге с миром взрослых. Речь идет не о самом знании и понимании ценностей, переданных в диалоге, но через общение с родителями ребенок чувствует признание с их стороны, свою ценность в их глазах и жизни [7].

Являясь естественной, малой социальной группой, основанной на родстве, браке, а иногда и усыновлениях, организовывающей весьма разносторонний образ жизни ее членов, семья остается для подавляющего большинства детей и взрослых доминирующей единицей общественной жизни, это в основном эмоциональное сообщество, в котором во все годы жизни было взаимное согласование взглядов и оценок. Каждая функционирующая должным образом семья обеспечивает удовлетворение эмоциональных потребностей, дает наилучшие шансы для удовлетворения биологических потребностей. Наиболее естественным образом она учит любви и доброте, развивает и обогащает личность, дает чувство принадлежности и безопасности, является наиболее эффективной образовательной средой [6].

Для ребенка влияние семьи генетически и исторически было и остается первичным. То, что закладывает семья, школа только продолжает. Никакая другая структура никогда не заменит семьи. Относительно школы А.Н. Леонтьев считал, что «ребенок не стоит перед окружающим миром один на один. Его отношение к миру всегда опосредовано отношением человека к другим людям, его деятельность включена в общение. Чтобы овладеть достижениями материальной и духовной культуры, сделать их своими потребностями, человек вступает в отношение к явлениям окружающего мира через других людей, т.е. в процессе общения с ними» [3]. Иначе говоря, нравственное развитие действует только тогда, когда учитель своей личностью представляет собою жизненную правду и действительность.

Второй Ватиканский Собор не только сделал переоценку богословской мысли в рассмотрении правды о человеческой личности в широко понимаемой христианской формации, но и представил обновленную антропологию. В пастырской Конституции о Церкви в современном мире *Gaudium et spes*, уже во вступительной части, поставлен сильный акцент на значимость личности. Человек стал в центре внимания Собора. Чрезвычайно интересным и важным является тезис человеческого достоинства, основанием которого – в соответствии с Конституцией *Gaudium et spes* – с одной стороны, выступает «достоинство» природы, с другой – ее возвеличивание через Воплощение и предназначение, которое каждому человеку открыло дело искупления. Правда о человеческой личности развивалась в направлении социологического описания и на основе нормативного анализа. Эта правда, расположенная в первой части документа, есть основание второй части, затрагивающее самые важные и самые трудные проблемы сегодняшнего мира. Ее значение оценим

тогда, когда доведем ее до соответствующего измерения человека как личности. Следовательно, заданием евангелизации является сенсibilизация лиц на важнейший опыт, оказание им помощи в оценивании опыта в свете Евангелия, а также воспитание к новому стилю жизни так, чтобы воспитанник умел ответственно принять участие в открытии Божьего плана в своей жизни [2].

В поведенческой составляющей главное – направленность: на реализацию ценностной ориентации, достижение значимой цели, на защиту той или иной субъективной ценности и так далее. Систематический контроль с переходом к самоконтролю по мере взросления.

В семейном воспитании интересное психологическое и социальное явление – это перенос опыта из семейного дома во взрослую жизнь. Дети, воспитанные в определенной системе ценностей, передают эти ценности, отражая межличностные и эмоциональные отношения, а также родительские отношения, в созданных собою семьях [8].

Ценностное содержание личности ученика должно быть заботой всех причастных к делу воспитания людей: родителей, учителей, наставников, воспитателей [7]. К сожалению, как показывают наблюдения, это самое уязвимое место педагогического процесса. Традиционно здесь все сводится лишь к оценке знаний, о жизненной значимости которых ученик порой не имеет никакого представления. Если выявление уровня достижений ученика не соотносится с конкретной ценностью или ценностями, то разговор об этих достижениях будет всегда субъективным и расплывчатым. Знания, не превращенные усилиями педагогов в ценности и не освоенные учеником именно как ценности, легко забываются и никогда не становятся смыслообразующим фактором [4; 7].

В общей катехетической директории (Directorium Catechisticum Generale) отмечено, что задача Костёла – научить человека надлежаще рефлексировать над личным опытом, в свете Евангелия объясняя свои повседневные проблемы, с тем чтобы пробудить христианское желание преобразования – совершенствования своей жизни. Катехизация должна помочь раскрыть и сформировать подлинные ценности [2]. В документе о катехизации Directorium Catechisticum Generale, в котором напоминается, что человеческий опыт выполняет в воспитании к вере разные функции, прежде всего же будит стремление преобразования жизни, также способствует пониманию христианского послания, то есть является посред-

ником в углублении и принятии истин, представляющих объективную реальность. В центре мира ценностей находится человек – «persona». Воплощая в жизнь какой-то «объективный идеал», который здесь и сейчас требует реализации, человек строит вместе с тем себя, добывает из собственной неопределимой внутренности свое человечество. Создавая себя, мы создаем мир, создавая мир, мы создаем себя, даже не зная, когда мы находимся в поле излучения ценностей.

Заключение. На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в семье совершается сложный и важный процесс становления личности человека во всех направлениях: физическом, трудовом, духовном, нравственном, эстетическом. Иначе говоря, семья – это школа воспитания ценностей, передачи опыта жизни, житейской мудрости. Школа является местом, где особое внимание уделяется образованию. Она представляет собой систему взаимодействия почти всех воспитательных явлений. В Костёле воспитание ценностей подчинено добру веры, т.к. таинства, проповеди, уроки религии, по своей природе, есть воспитание в вере. Современное христианское воспитание сильно акцентирует экзистенциальную ценность веры.

Таким образом институты социализации взаимодействуют между собой в реальной жизни. В действительности все они суммарно, а не каждый по отдельности оказывают воздействие на познавательный процесс, создают тот самый «социальный контекст», который трудно ухватывается в социально-психологических исследованиях, но именно от которого зависит реальный путь освоения человеком социального мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Божович, Л.И. Проблема формирования личности / Л.И. Божович. – М.: Изд-во «Ин-т практ. психологии», 1997.
2. Документы II Ватиканского собора. – М., 2004.
3. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М., 1972. – С. 409.
4. Марко, В.Ю. Аксиологические принципы воспитания в современной семье / В.Ю. Марко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сб. ст. по материалам XXXIV Междунар. науч.-практ. конф. – № 11(34), ч. II. – Новосибирск: СибАК, 2013.
5. Сухомлинский, В.А. Сердце отдаю детям (новое прочтение) / В.А. Сухомлинский. – Киев: Акта, 2012. – 563 с.
6. Bryzgalski, P. Kształt naszemu życiu nadają wartości. [w:] EiD (Edukacja Internet Dialog) / P. Bryzgalski. – 1999. – 5(108) maj.
7. Kobylecka, E. Rozpowszechnianie wartości u uczniów szkół średnich w procesie edukacji / E. Kobylecka. – Gorzów Wielkopolski, 1998.
8. Łobocki, M. O wartościach w wychowaniu. [w:] / M. Łobocki. – POW 9: 1995. – S. 569–575.

Поступила в редакцию 16.06.2017 г.

Когнитивные ошибки с позиции тренера и спортсмена

Гиринская А.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты эмпирического исследования появления когнитивных ошибок у спортсменов на учебно-тренировочном этапе спортивной деятельности и на этапе высшего спортивного мастерства. Выявлены типичные ошибки, которые характерны для каждого из этапов. Отмечены способы профилактики и коррекции ошибочной деятельности спортсменов.

Цель работы – изучение когнитивных ошибок с позиции тренера и спортсмена и особенностей их появления на учебно-тренировочном этапе и этапе высшего спортивного мастерства.

Материал и методы. Выборку составили спортсмены различных видов спорта ($n = 35$) в возрасте от 14 до 18 лет. Была составлена анкета «Ошибки в спорте» в двух вариантах (для спортсменов и тренеров). В анкету вошло 26 утверждений, отражающих характер различных когнитивных ошибок спортсменов. Также в анкете для респондентов предложены четыре открытых вопроса о способах профилактики ошибочных действий спортсменами и об их обращении к специалистам (тренерам, психологам) за помощью в коррекции ошибок. Количественная обработка данных осуществлялась посредством математико-статистических методов.

Результаты и их обсуждение. Были выделены две тенденции: незначительные отличия в ответах тренеров и спортсменов ($p \geq 0,05$) и значительные отличия ($p \leq 0,01$). Наличие данных тенденций может свидетельствовать о степени осознанности как самим спортсменом собственных ошибок, так и ошибок спортсмена тренером. Проведение данного опроса позволяет лучше осознать в системе «тренер–спортсмен» появление тех или иных ошибок на тренировках и соревнованиях, что дает возможность корректировки типичных ошибок спортсмена и способствует результативности его соревновательной деятельности. Статистически значимых различий в выделении у себя спортсменами и у спортсменов тренерами типичных КО выявлено не было (t-критерий Стьюдента: $p > 0,05$; $t_{\text{эмп}} = -0,24$).

Заключение. Тренеры и спортсмены наиболее часто отмечают появление в спортивной деятельности таких видов ошибок, как повторяющиеся ошибки и неоправданная трата ресурсов на повторение спортсменом своих ошибочных действий. С позиции спортсмена замечены ошибки, связанные с неоправданным риском, и ошибки прогнозирования действий соперников и результатов соревнований. В то же время ими остаются не замеченными ошибки перехода от тренировочной к соревновательной деятельности и трудности с освоением новой техники движений (позиция тренера). Этапом, наиболее подверженным ошибкам, связанным с вниманием и моторикой, является этап высшего спортивного мастерства.

Ключевые слова: когнитивные ошибки, спортсмен, тренер, спортивная деятельность, учебно-тренировочный этап, этап высшего спортивного мастерства.

Cognitive Errors from the Point of view of the Coach and the Athlete

Girinskaya A. Yu.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Findings of an empiric research of cognitive errors of athletes during the training stage of their sports activity and at the stage of high sport achievement are presented in the article. Typical errors, which are characteristic of each of the stage, are singled out. Ways of prevention and correction of error activities of athletes are identified.

The purpose of the article is the study of cognitive errors from the point of view of the coach and the athlete and peculiarities of their emergence at the training stage and at the stage of high sport achievement.

Material and methods. The selection constituted 14 to 18 year old athletes ($n = 35$) representing different sports. A questionnaire "Errors in Sports" in two variants (for athletes and coaches) was made up. 26 statements, which reflect the character of different cognitive errors of athletes, were included into the questionnaire. Four open questions about ways of prevention of mistaken actions by sportsmen and about their addressing specialists (coaches, psychologists) to correct them were also offered in the questionnaire. Quantitative data processing was performed with the help of mathematic statistic methods.

Findings and their discussion. Two tendencies were found out: inconsiderable differences in student and coach answers ($p \geq 0,05$) and considerable differences ($p \leq 0,01$). These tendencies testify to the degree of understanding by both the athlete of his errors and by the coach of the athlete errors. The questionnaire makes it possible to understand better, within the system of coach-athlete, the emergence of errors during training and competitions which allows correcting athlete typical errors and provides good competition results. Statistically significant differences in identifying athlete cognitive errors by athletes themselves and by coaches were not found out (t-criterion by Student: $p > 0,05$; $t_{\text{эмп}} = -0,24$).

Conclusion. Coaches and athletes most often point out emergence of such errors in spots as: repeated errors and unjustified waste of resources to repeat by athlete his errors. From the point of view of the athlete errors are connected with unjustified risk and forecasting of counterpart action errors as well as of competition results. At the same time they don't notice errors of the transition from training to competition activities as well as hardships with mastering new technique of movement (position of the coach). The high sport achievement stage is the stage of most errors connected with attention and motor.

Key words: cognitive errors, athlete, coach, sport activity, training stage, high sport achievement stage.

Тип ошибок, о которых пойдет речь, известен каждому человеку. Примером из повседневной жизни может служить момент похода на кухню, когда идешь туда с определенной целью, но, придя, уже и не помнишь, за чем пришел. Такие ошибки, на первый взгляд, кажутся безобидными, однако, отвлекая и раздражая, могут привести к ситуациям, опасным для здоровья. Отличительной чертой ошибочных действий когнитивного характера является то, что они появляются во время выполнения привычных задач, требующих определенной последовательности действий, и поэтому их нельзя отнести к ошибкам «новичка». Согласно статистическим данным (анализ белорусских, российских, зарубежных публикаций в авторитетных научных базах данных и поисковых системах: eLibrary.ru (ПИНЦ), Google Scholar (Академия Google) и Springer Link), за последнее десятилетие интерес к изучению когнитивных ошибок вырос в два раза, что свидетельствует об актуальности данного направления исследований.

В зарубежных научных работах все чаще обращают внимание на личностный аспект появления когнитивных ошибок: индивидуальные различия в толерантности к совершению ошибок другими людьми (G. Padrao, A. Mallorquí, D. Cucurell, 2015) [1]; влияние перфекционизма на совершение и отношение к ошибкам (J. Drizinsky, J. Zülch, H. Gibbons, 2016) [2]. Российскими учеными изучены различные виды ошибок, предложены их классификации, механизмы возникновения ошибок и способы их коррекции (А.Ю. Агафонов, 2012; В.М. Аллахвердов, 2013; Д.Н. Волков, 2013; М.В. Иванов, 2014; Р.А. Сханов, 2013 и др.) [3–6], однако данная проблематика все еще остается мало изученной. В частности, сведений относительно специфики когнитивных ошибок с позиции тренера и спортсмена, а также их особенностей появления на разных этапах спортивной деятельности встречено не было.

В данной работе особое внимание было уделено учебно-тренировочному этапу и этапу высшего спортивного мастерства, так как несмотря на существование многочисленных этапов в практике работы спортивных школ и училищ олимпийского резерва особая роль принадлежит именно им [7].

Так, на учебно-тренировочном этапе решается задача специализированного тренировочного процесса в избранном виде спорта, создается фундамент, который обеспечивает освоение высоких требований для деятельности спортсмена на следующем этапе спортивной подготовки – в группах высшего спортивного мастерства [7].

Цель исследования заключается в изучении когнитивных ошибок (КО) с позиции тренера и

спортсмена и особенностей их появления на учебно-тренировочном этапе и этапе высшего спортивного мастерства.

Материал и методы. Выборку составили спортсмены различных видов спорта ($n = 35$) в возрасте от 14 до 18 лет, имеющие квалификационные разряды от 3-го до мастера спорта (МС). В исследовании приняли участие два тренера (биатлон).

Для достижения поставленной цели была подготовлена анкета «Ошибки в спорте» в двух вариантах (для спортсменов и тренеров). В анкету вошло 26 утверждений, отражающих характер различных когнитивных ошибок спортсменов (15 утверждений составлены на основе классификации видов ошибок по Д.Н. Волкову [4]; 11 утверждений – на основе анализа литературных источников и видеоматериалов) [8–10]. Когнитивные ошибки были подобраны в соответствии с психологическими особенностями таких видов спорта, как: циклические, спортивные единоборства, силовые, сложнокоординационные, игровые.

Также в анкете для респондентов предложены четыре открытых вопроса о способах профилактики ошибочных действий спортсменами и об их обращении к специалистам (тренерам, психологам) за помощью в коррекции ошибок. Количественная обработка данных осуществлялась с помощью математико-статистических методов.

Результаты и их обсуждение. Было установлено, что наиболее типичными ошибками в спортивной деятельности являются следующие:

1) в процессе выполнения какой-либо задачи, технического приема у спортсмена возникают одни и те же ошибки (устойчивые). Их проявление отметили 83% выборки спортсменов. Такого рода ошибки спортсмены совершают чаще на тренировках (46%), чем на соревнованиях (20%);

2) у спортсмена возникают ошибки в похожих двигательных ситуациях, которые характерны именно для него (отметили наличие 68% испытуемых);

3) спортсмен рискует в ситуациях, когда возможны другие варианты решения, пусть и более долгосрочные, но надежные (возникают в 64% случаях).

Перечень и степень оценки возникновения когнитивных ошибок в тренировочном и соревновательном процессах представлен в таблице 1.

Для всестороннего изучения ошибочной деятельности спортсменов был проведен опрос среди тренерского состава на наличие предложенного ряда ошибок у воспитанников. Согласно на участие в исследовании дали два тренера по циклическому виду спорта (биатлон). Каждый тренер заполнил анкету на троих спортсменов, отметив виды ошибок, которые те совершают на тренировках и соревнованиях.

В результате статистического анализа (t-критерий Стьюдента) можно выделить две тенденции: незначительные отличия в ответах тренеров и спортсменов ($p \geq 0,05$) и значительные отличия ($p \leq 0,01$) (таблица 2).

Наличие данных тенденций может свидетельствовать о степени осознанности как самим спортсменом собственных ошибок, так и ошибок спортсмена тренером. Проведение данного опроса позволяет лучше осознать с позиции тренера и спортсмена появление тех или иных ошибок на тренировках и соревнованиях, что дает возможность корректировки типичных ошибок спортсмена и способствует результативности его соревновательной деятельности. Кроме того, возможна диагностика межличностных отношений между тренером и спортсменом, однако данное утверждение требует дополнительного эмпирического подтверждения.

Статистически значимых различий в выделении у себя спортсменами и у спортсменов тренерами типичных КО выявлено не было (t-критерий Стьюдента: $p > 0,05$; $t_{\text{мп}} = -0,24$). Так, наиболее часто тренеры отмечают у спортсменов: повторяющиеся (устойчивые) ошибки (86%), трудности с освоением новой техники движений, неоправданную трату ресурсов на повторение («зацикливание») спортсменом своих ошибочных действий, ошибки действий и ошибки перехода от тренировочной к соревновательной деятельности (по 71% выборки).

Для изучения особенностей появления когнитивных ошибок у спортсменов различных видов спорта на учебно-тренировочном этапе (УТЭ) спортивной деятельности и этапе высшего спортивного мастерства (ВСМ) был сделан сравнительный анализ полученных данных в ходе настоящего исследования (УТЭ) и в процессе исследования, проведенного Д.Н. Волковым и колл. [4] (Санкт-Петербург, 2013 г.) (этап ВСМ): $n = 45$; возраст: 21–30 лет; стаж занятий: 7–18 лет (рисунок 1).

В результате применения t-критерия Стьюдента выявлены значимые различия в проявлении когнитивных ошибок у спортсменов на УТЭ (Э2) и на этапе ВСМ (Э1) для уровня статистической значимости $p < 0,01$ ($t_{\text{мп}} = 3,64$). Так, высококвалифицированные спортсмены (этап ВСМ) чаще сталкиваются с проявлением разных видов ошибок (ошибки перехода от тренировочной к соревновательной деятельности; трудности исправления технических ошибок; трудности с концентрацией внимания; ошибки замедленной реакции на действия соперника и другие), чем спортсмены на УТЭ. Данный парадокс лишний раз доказывает, что появление ошибок когнитивного характера не зависит от спортивного мастерства и спортсмены высокого класса также подвержены столкновению с ними, даже в большей степени, чем юные спортсмены.

Для объяснения данных различий можно выдвинуть два предположения. Первое заключается в том, что если ошибка – это «последствие неосознаваемого негативного выбора» (В.М. Аллахвердов и другие), то спортсмены, которые используют предложенные выше способы профилактики и коррекции ошибочных действий, неосознанно делают «позитивный» выбор либо осознают и прорабатывают «негативный» выбор. Второе предположение – низкий уровень осознания появления предложенных видов ошибок на этапе УТ, что позволяет «неосознанным» ошибкам переходить на этап ВСМ в виде устойчивых, проявляющихся чаще на соревнованиях (на тренировках спортсмен делает все правильно и безошибочно, а на соревнованиях совершает какие-либо ошибки). Данное направление актуально и требует дополнительных психологических исследований.

Кроме количественного анализа ошибочной деятельности спортсменов, был осуществлен и качественный анализ коррекционных и профилактических мероприятий, используемых спортсменами и тренерами в «борьбе» с ошибками.

На вопрос «Пытаетесь ли Вы исправлять возникающие ошибки?» все спортсмены ответили положительно. Большинство спортсменов и тренеров в борьбе с ошибками применяют «многократные повторения» упражнений (навыков). При этом одни спортсмены указали, что прибегают к помощи тренера (20%), а другие справляются самостоятельно, при этом мысленно проигрывая образ безошибочного выполнения движения (11%) (таблица 3).

Кроме того, обратили внимание испытуемых и на способы профилактики когнитивных ошибок (таблица 3). В качестве предупредительных мер большинство спортсменов указывает: проработку навыков (30%), следование инструкции тренера (17%), психологический настрой на безошибочное выполнение моторного действия (14%), негативную мысленную инструкцию («Стараюсь не делать ошибок» – 14%). Некоторые спортсмены отрицают негативное влияние ошибочных действий и смиряются с неизбежностью их появления («В ошибках нет ничего страшного», «Ошибки совершают все», «Ошибки не могут не возникать» – 9%). В 3% случаях спортсмены прибегают к мысленной тренировке навыков («Мысленно представляю идеальную технику и повторяю ее»). Не предлагается способов профилактики («Разные», без ответа) – в 21% случаях.

Эффективность предложенных способов ставится под сомнение наличием перечня типичных видов ошибок, совершаемых спортсменами (таблица 1), что свидетельствует о перспективном и актуальном направлении психологической работы.

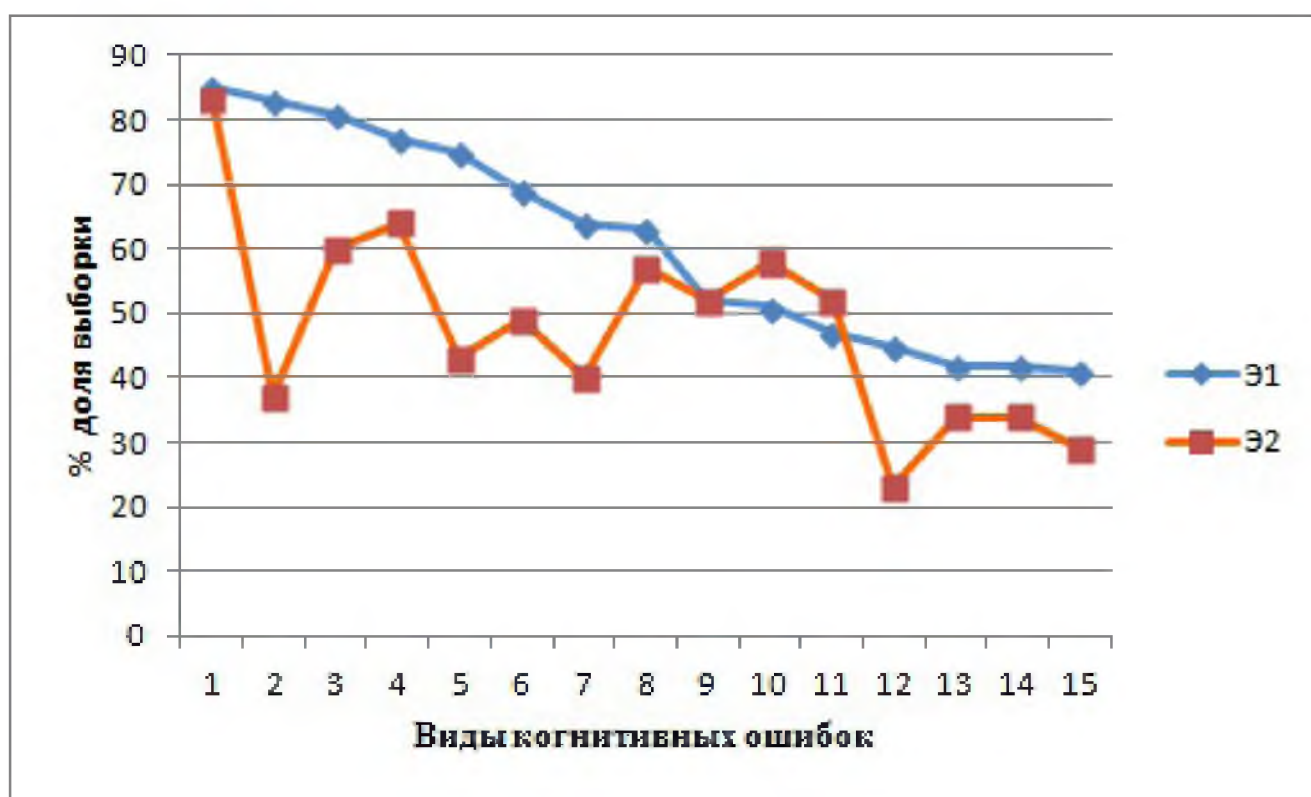
Таблица 1 – Когнитивные ошибки, возникающие в спортивной деятельности

№	Вид ошибки	Возникают на			Общий %
		тренировках, %	соревнованиях, %	тренировках и соревнованиях, %	
1.	Повторяющиеся (устойчивые) ошибки	46	20	17	83
2.	Ошибки перехода от тренировочной к соревновательной деятельности	0	37	0	37
3.	Ошибки прогнозирования результатов соревнований	20	37	3	60
4.	Ошибки, связанные с неоправданным риском	26	29	9	64
5.	Трудности исправления технических ошибок	34	6	3	43
6.	Трудности с освоением новой техники движений	43	6	0	49
7.	Трудности с концентрацией внимания	17	17	6	40
8.	Неоправданная трата ресурсов на повторение («зацикливание») спортсменом своих ошибочных действий	57	0	0	54
9.	Ошибки, связанные с излишней концентрацией внимания и возникновением «слепоты»	29	17	6	52
10.	Ошибки спортсмена при оценке своей спортивной формы	26	23	9	58
11.	Ошибки реагирования на ложные действия соперника (финты) и нереагирования на правильные действия соперника (атаки)	17	6	0	23
12.	Ошибки замедленной реакции на действия соперника	6	28	0	34
13.	Ошибки, связанные с убеждением в своей безошибочности	20	12	0	32
14.	Трудности настроя на задачу, постоянное отвлечение	20	14	0	34
15.	Трудности восстановления концентрации во время соревнований	23	6	0	29
16.	Повторяющиеся ошибки действий	52	13	3	68
17.	Ошибки интерференции	52	4	4	60
18.	Ошибки действий	49	6	3	58
19.	Ошибки прогнозирования действий соперников	6	43	3	52
20.	Ошибки внимания (случайная передача («пас») мяча сопернику)	46	3	0	49
21.	Ошибки перехода к новым условиям	29	6	3	38
22.	Ошибки внимания («стойка» вместо «лежки» или наоборот)	14	6	0	20
23.	Ошибки невнимательности (ошибка фальстарта)	11	3	6	20
24.	Ошибки из-за невнимательности (стрельба не по своей мишени)	9	3	0	12

Окончание таблицы 1					
25.	Ошибки рассеянности (лишний штрафной круг)	3	9	0	12
26.	Ошибки внимания (ошибка автогола)	11	0	0	11

Таблица 2 – Сравнительный анализ оценок проявления когнитивных ошибок у спортсменов

Пары для сравнения	$t_{\text{эмд}}$	P
Спортсмен 1 – Тренер 1	-2,527	0,018
Спортсмен 2 – Тренер 1	-5,126	0,000
Спортсмен 3 – Тренер 1	-6,195	0,000
Спортсмен 4 – Тренер 2	1,127	0,271
Спортсмен 5 – Тренер 2	-1,186	0,247
Спортсмен 6 – Тренер 2	1,248	0,224

Примечание: Э1 – этап высшего спортивного мастерства; Э2 – учебно тренировочный этап; 1–15 – виды когнитивных ошибок (таблица 1 (ошибки 1–15))

Рисунок 1 – Сравнительный анализ появления типичных когнитивных ошибок у спортсменов на учебно-тренировочном этапе и этапе высшего спортивного мастерства.

Таблица 3 – Способы преодоления и предупреждения когнитивных ошибок в спортивной деятельности (ответы тренеров и спортсменов)

№	Способы преодоления когнитивных ошибок	% выборки
Спортсмены		
1.	Отрабатываю движения, пока не перестану делать ошибки	20
2.	Тренер помогает исправить ошибки	20
3.	Исправляю свои ошибки	14
4.	Думаю о том, чтобы делать все правильно	11
5.	Тренируюсь	9

Окончание таблицы 3		
6.	Пытаюсь не повторять ошибки	9
7.	Разные	9
8.	Без ответа	9
Тренеры		
1.	Многократное объяснение	–
2.	Многократный показ упражнений	–
3.	Многократное повторение	–
4.	Выполнение упражнений в облегченных условиях	–
№	Способы предупреждения появления когнитивных ошибок	% выборки
Спортсмены		
1.	Проработка навыков	30
2.	Следование инструкции тренера	17
3.	Негативная мысленная инструкция («Стараюсь не делать ошибок»)	14
4.	Психологический настрой на безошибочное выполнение моторного действия	14
5.	Отрицание негативного влияния ошибочных действий	9
6.	Мысленная проработка навыков	3
7.	Без ответа	3
Тренеры		
1.	Рекомендую выполнять движения в определенном ритме	–
№	Обращение за помощью к специалисту	% выборки
Спортсмены		
1.	Да, к тренеру	88
2.	Нет	12
Тренеры		
1.	Да	50
2.	Нет	50

Заключение. Таким образом, в результате количественного, качественного и математико-статистического анализа полученных данных были выявлены следующие тенденции появления когнитивных ошибок у спортсменов:

1) типичными видами когнитивных ошибок у спортсменов различных видов спорта можно считать: повторяющиеся (устойчивые) ошибки, связанные с моторной функцией; ошибки, связанные с неоправданным риском; ошибки прогнозирования действий соперников и результатов соревнований и неоправданную трату ресурсов на повторение («зацикливание») спортсменом своих ошибочных действий;

2) в качестве профилактических и коррекционных мер ошибочной деятельности спортсмены и тренеры применяют «многократные повторения» и отработку навыков на тренировках. Эффективность указанных способов ставится под сомнение, так как именно появление такого вида ошибки, как «неоправданная трата ресурсов на повторение...», была отмечена большинством ре-

спондентов. Возникшее противоречие в ответах свидетельствует о трудности исправления и предупреждения ошибок когнитивного характера и об отсутствии в методической «копилке» тренеров и психологов эффективных средств преодоления ошибочной деятельности спортсменов;

3) для учебно-тренировочного этапа характерно появление: ошибок спортсмена при оценке своей спортивной формы и ошибок реагирования на ложные действия соперника (финты) и нереагирования на правильные действия соперника (атаки). Для этапа высшего спортивного мастерства характерны ошибки следующих видов: ошибки перехода от тренировочной к соревновательной деятельности; трудности исправления технических ошибок; трудности с концентрацией внимания; ошибки замедленной реакции на действия соперника.

Этапом, наиболее подверженным ошибкам, связанным с вниманием и моторикой, является этап высшего спортивного мастерства. Возможно, на учебно-тренировочном этапе параллельно

с решением задач специализированного тренировочного процесса в избранном виде спорта, ввиду отсутствия профилактических мер ошибочной деятельности, закрепляются когнитивные ошибки, в частности, повторяющиеся, которые, в связи с автоматизацией многих навыков, «ослаблением» внимания к моторным действиям, находят свое проявление на этапе высшего спортивного мастерства. Следовательно, именно работа со спортсменом на учебно-тренировочном этапе позволит предупредить нежелательные для здоровья и результативности спортсмена последствия когнитивной ошибочной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Padrao, G. Individual differences in error tolerance in humans: Neurophysiological evidences / G. Padrao, A. Mallorquí, D. Cucurell // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. – 2015. – Vol. 15, iss. 4. – P. 808–821.
2. Drizinsky, J. How personal standards perfectionism and evaluative concerns perfectionism affect the error positivity and post-error behavior with varying stimulus visibility / J. Drizinsky, J. Zülch, H. Gibbons // *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. – 2016. – Vol. 16, iss. 5. – P. 876–887.
3. Агафонов, А.Ю. Феноменология ошибочных действий: психоаналитический и когнитивный подходы / А.Ю. Агафонов, Е.М. Гришакова, Е.А. Найдич // *Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук*. – 2012. – Т. 14, № 2(5). – С. 1200–1203.
4. Волков, Д.Н. Коррекция когнитивных ошибок у спортсменов высокой квалификации / Д.Н. Волков [и др.] // *Спортивный психолог*. – 2013. – № 1(28). – С. 32–38.
5. Иванов, М.В. Введение в научную проблему феномена «блуждающего разума» / М.В. Иванов, К.А. Багратиони // *Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu.ru»*. – 2014. – № 1. – С. 284–297.
6. Сханов, Р.А. Когнитивные ошибки и способы их исправления / Р.А. Сханов, А.В. Макаров // *Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук*. – 2013. – Т. 15, № 2(2). – С. 413–416.
7. Филимонова, С.И. Взаимосвязь количественных и качественных показателей при подготовке спортивного резерва на различных этапах в ДЮСШ и СДЮШОР России / С.И. Филимонова [и др.] // *Культура физическая и здоровье*. – 2016. – № 2(57). – С. 24–28.
8. Обнаружение, распознавание и оценка технических ошибок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.ru/14_42529_obnaruzhenie-raspoznvanie-i-otsenka-tehnicheskikh-oshibok.html. – Дата доступа: 03.05.2017.
9. Ошибки в технике при выполнении физического упражнения. Построение годичной тренировки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=519757>. – Дата доступа: 03.05.2017.
10. Ошибки во время стрельбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=U7ZYCkdo-eY>. – Дата доступа: 29.04.2017.

Поступила в редакцию 23.06.2017 г.

УДК 316.752:379.823-053.5

Воспитанность духовных ценностей белорусских детей 7–10 лет посредством детского телевидения

Катренко О.А.

Государственное учреждение образования «Академия последипломного образования»

В статье обсуждается проблема духовных ценностей белорусских детей. Представляются результаты эмпирического исследования воспитанности духовных ценностей младших школьников.

Цель научной работы – изучить степень воспитанности духовных ценностей детей 7–10 лет, смотрящих и не смотрящих детские телеканалы.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 192 ребенка 6–10 лет (2011) и 505 детей 7–10 лет (2013). Были использованы надежный и валидный авторский психодиагностический опросник «Воспитанность духовных ценностей детей младшего школьного возраста (6–10 лет) посредством детского телевидения», прошедший процедуры апробации и стандартизации, и анкета «Диагностика ТВ-предпочтений и любимых детских телевизионных каналов». Статистическая обработка данных произведена с помощью математических и статистических пакетов Microsoft Excel и IBM. SPSS. Statistics. v 20. Multilingual.

Результаты и их обсуждение. Полученные результаты свидетельствуют о различиях в воспитанности духовных ценностей младших школьников, которые смотрят и не смотрят детские телеканалы. Выявлена неразвитость духовных ценностей детей, не смотрящих детские телевизионные каналы. Обнаружена средняя степень воспитанности духовных ценностей детей, смотрящих детские телеканалы. Выявлены гендерные различия в группе младших школьников, смотрящих детские телеканалы: уровни воспитанной духовности и воспитанность духовных ценностей у девочек более развиты, чем у мальчиков.

Заключение. Обнаружена отрицательная тенденция в воспитанности духовных ценностей всех девочек и мальчиков 7–10 лет.

Ключевые слова: духовные ценности, уровни воспитанной духовности, детские телеканалы.

Breeding Spiritual Values of 7–10 Year Old Belarusian Children by Means of Children Television

Katrenko A.A.

State Educational Establishment "Academy of Postgraduate Education"

In the article the issue of spiritual values of Belarusian children is considered. Findings of the empirical research of breeding spiritual values of younger schoolchildren are presented.

The purpose of the scientific work is to study the degree of breeding of spiritual values of 7–10 year old children, who watch and do not watch children TV channels.

Material and methods. 192 6–10 year old children (2011) and 505 7–10 year old children (2013) took part in the research. The author's reliable and valid psychodiagnostic questionnaire "Breeding spiritual values of children of primary school age (6–10 years old) by means of children television", which passed the procedure of approbation and standardization, as well as the questionnaire "Diagnostics of TV-preferences and favorite children TV channels" was used. The statistical processing was made with the help of the mathematical and statistical packages of Microsoft Excel and IBM. SPSS. Statistics. v 20. Multilingual.

Findings and their discussion. The findings indicate distinctions between breeding of the spiritual values of younger schoolchildren, who watch and do not watch children TV channels. Underdevelopment of spiritual values of children, who do not watch children TV was revealed. The average degree of good breeding of the spiritual values of children who watch children TV channels was found out. Gender differences in the group of younger schoolchildren, who watch children TV channels were identified: the levels of brought up spirituality and good breeding of spiritual values of girls are more developed than those of boys.

Conclusion. Negative tendency in breeding of the spiritual values of 7–10 year old girls and boys was found out.

Key words: spiritual values, levels of brought up spirituality, children TV channels.

Детское телевидение (ДТВ) формирует мировоззренческую духовную культуру ребенка, расширяет кругозор, влияет на развитие его духовно-нравственных ценностей. При этом исследователи отмечают, что духовная культура – совокупность результатов деятельности, связанной с «духовностью», являющаяся важнейшей основой личности, в структуре которой лежат развитые рефлексивные, альтруистические, нравственные и коммуникативные качества, потребности и способности. Их духовное развитие выступает стержнем личности. Становление же духовности как ценности младших школьников в аудиовизуальном информационном мире возможно с выходом на экологический уровень мировоззрения, с осознанием обществом острой необходимости их ценностного воспитания в рамках национальной культуры.

При этом особую роль в возможном влиянии на развитие их духовно-нравственного ценностного сознания играет ДТВ. Исследователями отмечаются под влиянием ТВ: трансформация жизненно важных ценностей и их противоречивость, незначимость духовных ценностей детей [1–4]; рационализация их сознания и доминировании индивидуалистических, материальных ценностей [5–8]; криминализация детей [9]; формирование аморального поведения, безразличия

к насилию и смерти, «духовной нищеты» как неспособности к сопереживанию [10–12]; сильная увлеченность детей фильмами ужасов и эротикой [8]. Причина этих явлений – начавшаяся трансформация ценностных ориентаций после распада СССР.

Так, наше журналистское исследование [13; 14] показало, что отечественное ДТВ БССР, начиная с экспериментальных выпусков передач 1956 г., всегда являлось социально ориентированным. Его целью было просвещение юной телеаудитории, направленное на высокое духовно-нравственное развитие. В период перестройки оно придавало особое значение телепотребностям аудитории, прямому общению с ней и ориентировалось на развитие ее мировоззрения, духовности. В постперестроечный период – 2000-е гг. – резко снижается творческая активность ДТВ РБ [13; 14]. Несмотря на восприятие ТВ белорусскими детьми 10–18 лет (54%) как неотъемлемой части жизни, 70% родителей были недовольны уровнем ТВ учебных передач, однообразием форм и поверхностностью их содержания [8]. Коммерциализация ТВ повлекла стремительное заполнение эфира детскими телеканалами (ДТК), телепродукт которых может изменить ценности детей и навязать сомнительные идеалы. Если мальчики еще сохраняют глубинное понимание своей «мужской сути», то девочки – нет. Они видят множество дезориентирующих об-

разцов «пустой красоты», «беззаботных улыбок», «танцующих фей», которые разрушают традиции, связь народа со своим прошлым и базовыми духовными ценностями [15]. В целом недостаточное родительское воспитание и влияние ТВ в совокупности могут затормаживать духовно-личностное ценностное становление детей.

Надо сказать, что изучение влияния ДТК на духовные ценности младших школьников в Беларуси ранее не проводилось. Несмотря на теоретические и эмпирические исследования о воздействии ТВ на ценности детей, не существует полного аналитического обзора по поставленной проблеме, нет научных работ, представляющих этот вопрос в целостной связи с историко-культурной деятельностью национального ДТВ. В связи с этим представленное исследование отличается актуальностью и новизной.

Цель работы – изучить степень воспитанности духовных ценностей детей 7–10 лет, смотрящих и не смотрящих ДТК. Для достижения цели была поставлена задача: выявить степень воспитанности духовных ценностей детей 7–10 лет, смотрящих и не смотрящих ДТК, как целостной положительной мировоззренческой установки на закрепление жизненно важных ценностей посредством ДТВ.

Материал и методы. С помощью надежного и валидного авторского опросника «Воспитанность духовных ценностей детей младшего школьного возраста (6–10 лет) посредством детского телевидения», разработанного на основе многоуровневого воспитательного модуля духовности (О.И. Журавлева), прошедшего процедуры апробации и стандартизации, определялись уровни воспитанной духовности как мировоззренческие установки и воспитанность духовных ценностей как целостная положительная мировоззренческая установка на закрепление жизненно важных ценностей детей 6–10 лет благодаря детскому телевидению.

Мы полагаем, что воспитанность духовных ценностей младших школьников включает четыре компонента – четыре уровня воспитанной духовности (УВД): эмоциональный (Э) (низший), эмоционально-интеллектуальный (ЭИ), эмоционально-интеллектуально-рефлексивный (ЭИР), эмоционально-понятийно-действенный (ЭПД) (высший), которые образуют четыре мировоззренческие установки. В связи с этим воспитанность духовных ценностей выступает критерием сформированности мировоззренческих установок маленьких телезрителей на данной ступени их развития [16, с. 18].

По нашему убеждению, в процессе воспитания духовных ценностей реализуются основные

функции мировоззренческой установки. Так, последовательное развитие УВД ребенка является результатом преобразования внешней предметной ценностно-ориентированной деятельности во внутреннюю психическую деятельность и, соответственно, обеспечивает развитие его мировоззренческих установок. Ну а воспитанность духовных ценностей предстает как целостная положительная мировоззренческая установка на закрепление жизненно важных ценностей формирующейся личности.

На наш взгляд, воспитанность духовных ценностей – это освоение ребенком комплекса общечеловеческих жизненно важных выборов (духовных ценностей), нравственно регулирующего его отношения с самим собой, с людьми, с окружающим миром, необходимого для образования его индивидуального мировоззрения, посредством развития эмоционально-эстетического, интеллектуально-рефлексивного и нравственно-волевого/поведенческого компонентов его духовности, происходящее в ходе ценностного познания, самопознания, интериоризации, контролируемой деятельности в процессе социализации, включающей целенаправленное духовно-нравственное ценностное воспитание [16, с. 19].

Опросник состоит из 30 вопросов. С целью повышения практической ценности эти уровни в его структуре представлены и описаны как четыре диагностические шкалы, каждая из которых направлена на измерение определенной степени выраженности. Воспитанность духовных ценностей выделена в обособленную шкалу (ДЦ), которая отражает итоговый показатель по опроснику [16, с. 22].

Итак, сразу анализировалась каждая шкала, а после – итоговый результат по опроснику (ДЦ).

Обработка первичных данных проводилась в соответствии с выработанными требованиями и с применением конверсионных таблиц, использование которых позволило перевести «сырые» баллы в стеноны и определить стеноновые нормы для детей в зависимости от пола и возраста с учетом выделенных диапазонов степеней сформированности УВД: низкая (1–3 стенона), средняя (4–6), высокая (7–9). И диапазонов степеней воспитанности ДЦ: очень низкая (1 стенон), низкая (2–3), ниже среднего (4), средняя (5), выше среднего (6), высокая (7–8) и очень высокая (9) [16, с. 96–101].

Критериями различий стеноновых средних арифметических показателей по выборкам выступили: пол, возраст, место проживания, просмотр и не просмотр ДТК.

Также в исследовании использовалась авторская анкета «Диагностика ТВ-предпочтений

и любимых детских телевизионных каналов», разработанная в дополнение к опроснику с диагностической целью для получения информации о роли ТВ и детского, в частности, в жизни младшего школьника.

Обработка данных осуществлялась с помощью математических и статистических методов: сравнение средних арифметических показателей, вычисление процентного выражения, графические методы (Microsoft Excel) и Independent-Samples Kolmogorov-Smirnov Test (IBM. SPSS. Statistics. v 20. Multilingual).

Результаты и их обсуждение. Сразу изучались телепотребности белорусских младших школьников с применением анкетного опроса. Как показали наши исследования 2011 г. (192 ребенка 6–10 лет: 120 сельских и 72 городских) и 2013 г. (505 детей 7–10 лет: 196 сельских, 309 городских), объем их телесмотрения (ОТСМ) в будний день изменился. Если в 2011 г. дети в 7–8 лет проводили у телеэкрана 1 ч/день, в 9–10 лет – около 2 ч, то в 2013 г. сельские дети 7–8 лет смотрели ДТВ больше, а дети постарше – меньше. У городских детей таких смещений не выявлено.

В целом в 2013 г. сельские и городские школьники 7 лет смотрели ДТК/ТВ меньше всех. У сельских – ОТСМ к 9 годам возрастает (в 7 лет – 68 мин, в 8 лет – 77 мин, в 9 лет – 98 мин), а к 10 – снижается (84 мин). Показатели городских детей отражают плавную динамику увеличения ОТСМ на 65 мин – от 50 мин в 7 лет (в 8 лет – 78 мин, в 9 лет – 99 мин) до 115 мин к 10 годам.

Те же тенденции свойственны смотрящим и не смотрящим ДТК сельским и городским детям. В 7 лет сельские дети смотрели ДТК (68 мин) на 20 мин больше городских (50 мин). В 8 лет (80 мин) и в 9 лет (100 мин) объем телесмотрения ДТК в этих группах одинаковый. А в 10 лет у городских детей, смотрящих ДТК (119 мин), он почти на 30 мин больше, чем у сельских (90 мин).

Максимальный ОТСМ сельских детей, не имеющих доступа к ДТК, обнаружен в 8 лет (60 мин), а минимальный – в 7 (20 мин).

Городские дети 7–8 лет все смотрели ДТК. Потому максимальный показатель ОТСМ городских, не смотрящих ДТК детей, пришелся на 9 лет (120 мин), а минимальный – на 10 лет (72 мин). Эти дети в 9 лет больше смотрят ТВ – на 70 мин, чем сельские (53 мин). Их показатели ОТСМ на 20 мин выше показателей смотрящих ДТК сельских (98 мин) и городских (99 мин) детей.

Далее, на основании исследования 2013 г., выявлялась степень воспитанности духовных цен-

ностей детей 7–10 лет, смотрящих и не смотрящих ДТК. Так, в начале изучалась выраженность УВД и воспитанности ДЦ детей младшего школьного возраста, не смотрящих ДТК (сельских $n=14$ (7%); городских $n=5$ (2%)), в зависимости от пола и места проживания.

Сформированность их УВД и воспитанность ДЦ отражены на рисунке 1.

Рисунок 1 демонстрирует: 1) у сельских девочек: среднюю степень сформированности ЭИР (максимально выражен, $\bar{x}=5$), ЭИР и ЭИ ($\bar{x}=4$) уровней; низкую – Э и ЭПД уровней ($\bar{x}=3$); 2) у городских девочек: высокую – ЭИР уровня ($\bar{x}=8$); среднюю – ЭИ и ЭПД (самые высокие показатели, $\bar{x}=6$) уровней и Э (самый низкий, $\bar{x}=4$); 3) у сельских мальчиков: среднюю – ЭПД (максимально развит, $\bar{x}=5$), Э и ЭИР ($\bar{x}=4$); низкую – ЭИ ($\bar{x}=3$); 4) у городских мальчиков: абсолютную низкую степень сформированности всех УВД: ЭИ и ЭИР ($\bar{x}=3$), Э ($\bar{x}=2$), ЭПД (самый низкий, $\bar{x}=1$).

В целом ДЦ оказались более воспитаны у городских девочек (средняя степень, $\bar{x}=5$) и сельских мальчиков (ниже среднего, $\bar{x}=4$), а наименее – у сельских девочек (низкая, $\bar{x}=3$) и городских мальчиков (низкая, $\bar{x}=2$). Так, у городских девочек, не смотрящих ДТК, сформированность УВД и воспитанность ДЦ выше, чем у сельских, а у сельских мальчиков, не смотрящих ДТК, эти же показатели превышают значения городских мальчиков.

Далее анализировалась выраженность УВД и воспитанность ДЦ детей 7–10 лет, смотрящих ДТК (сельских $n=182$ (93%); городских $n=304$ (98%); всего $n=486$), в зависимости от пола и места проживания, что отражено на рисунке 2.

Исходя из рисунка 2, обнаруживаются: 1) у сельских девочек: средняя степень сформированности ЭИР (самый выраженный, $\bar{x}=6$), Э, ЭИ и ЭПД ($\bar{x}=5$) уровней; 2) у городских девочек: стабильная средняя степень всех УВД ($\bar{x}=5$); 3) у сельских и городских мальчиков: средняя степень всех УВД ($\bar{x}=4$).

В целом ДЦ более воспитаны у сельских и городских девочек (средняя степень, $\bar{x}=5$), чем у сельских и городских мальчиков (ниже среднего, $\bar{x}=4$). У сельских девочек, смотрящих ДТК, средняя сформированность УВД и выше воспитанность ДЦ, в отличие от городских, а у сельских мальчиков, смотрящих ДТК, эти показатели идентичны городским мальчикам.

Рисунок 1 – Сформированность уровней воспитанной духовности и воспитанность духовных ценностей сельских и городских детей 7–10 лет, не смотрящих детские телеканалы, в зависимости от пола.

Рисунок 2 – Сформированность уровней воспитанной духовности и воспитанность духовных ценностей сельских и городских детей 7–10 лет, смотрящих детские телеканалы, в зависимости от пола.

В зависимости от пола и места проживания в выборках детей были выделены следующие **тенденции**: у не смотрящих ДТК: 1) наибольшая сформированность УВД городских девочек в сравнении с остальными детьми; 2) недоразвитие УВД детей (низкая степень воспитанности); 3) наибольшая степень сформированности УВД сельских мальчиков, чем городских; 4) самые низкие показатели сформированности УВД городских мальчиков, в сравнении с остальными детьми; у смотрящих ДТК: 1) наибольшая сформированность УВД сельских девочек в сравнении с остальными детьми; 2) стабильная средняя степень сформированности всех УВД у всех групп детей; 3) в целом УВД девочек более сформированы, чем мальчиков.

Отличия в выраженности воспитанной духовности детей: 1) не смотрящие ДТК отмечают недоразвитием эмоционального УВД, а также (кроме городских девочек) ЭИ, ЭИР и ЭПД уровней; 2) смотрящие ДТК имеют стабильную среднюю степень сформированности УВД.

Детям свойственны следующие степени воспитанности ДЦ: 1) низкая – сельским девоч-

кам и городским мальчикам, не смотрящим ДТК; 2) ниже среднего – сельским мальчикам, не смотрящим ДТК, сельским и городским мальчикам, смотрящим ДТК; 3) средняя – городским девочкам, не смотрящим ДТК, и всем девочкам, смотрящим ДТК.

Затем изучались сформированность УВД и воспитанность ДЦ сельских и городских девочек и мальчиков, смотрящих ДТК, в зависимости от возраста (этот аспект у детей, не смотрящих ДТК, не анализировался в силу маленькой выборки).

В результате были выявлены:

1. Различия в сформированности УВД между:

– девочками: 1) у всех средняя степень, но у сельских она выше в 7 лет по всем уровням и в 7–10 лет – по ЭИР и ЭПД, чем у городских – у них выше уровни Э в 8 лет и ЭИ в 10 лет; 2) минимальные УВД: у сельских – Э, ЭИ в 10 лет, у городских – ЭПД в 8 лет и ЭИР в 9 лет;

– мальчиками: 1) у всех средняя и низкая степени, но наибольший – ЭПД в 7 лет; 2) минимальные УВД: у сельских – ЭИР, ЭПД в 9 лет и Э, ЭИ в 10 лет, а у городских – ЭИ, ЭПД в 10 лет.

2. Гендерные различия результирующих показателей по шкалам опросника между выборками девочек ($n=249$) и мальчиков ($n=237$), смотрящих ДТК [16, с. 82–83], – у девочек в отличие от мальчиков в большей степени развиты УВД и, соответственно, лучше воспитаны ДЦ (при $=0,05$):

- Э девочек ($m \pm \sigma = 5,07 \pm 2,13$; $t=5,245$) и мальчиков ($m \pm \sigma = 4,08 \pm 2,05$; $t=5,246$);
- ЭИ девочек ($m \pm \sigma = 5,08 \pm 1,90$; $t=7,002$) и мальчиков ($m \pm \sigma = 3,81 \pm 2,10$; $t=6,984$);
- ЭИР девочек ($m \pm \sigma = 5,46 \pm 2,84$; $t=6,227$) и мальчиков ($m \pm \sigma = 3,95 \pm 2,48$; $t=6,247$);
- ЭПД девочек ($m \pm \sigma = 4,85 \pm 2,25$; $t=3,766$) и мальчиков ($m \pm \sigma = 4,08 \pm 2,20$; $t=3,769$).
- воспитанность ДЦ девочек ($m \pm \sigma = 4,68 \pm 2,47$; $t=5,307$) и мальчиков ($m \pm \sigma = 3,54 \pm 2,25$; $t=5,319$).

3. Динамика в формировании УВД к 10 годам:

- девочек: у сельских – положительная в формировании ЭИР и отрицательная – Э, ЭИ, ЭПД, а у городских – ЭИ, ЭИР и, аналогично, Э и ЭПД;
- мальчиков: у сельских – положительная в формировании ЭИР, ЭПД и отрицательная – Э, ЭИ, а у городских – абсолютная отрицательная всех УВД.

4. Динамика в образовании иерархической структуры духовности – ДЦ (от низшего уровня к высшему): 1) девочек: у сельских – положительная в 7–8 лет и отрицательная в 9–10 лет, а у городских – в 7 лет и, аналогично, в 8–10 лет; 2) мальчиков: у сельских – положительная в 7–8, 10 лет и отрицательная в 9 лет, а у городских – в 7, 10 лет, а в 8–9 лет – ее отсутствие (нет развития УВД).

5. Отрицательные тенденции в воспитанности ДЦ: девочек – в 7 лет – у сельских – от степени выше среднего и у городских – от средней – к ниже среднего – в 10 лет; мальчиков – от степени ниже среднего – в 7–8 лет у сельских и в 7–9 лет у городских – к низкой к 10 годам.

6. Общие признаки воспитанной духовности детей: 1) средняя степень всех УВД у девочек; 2) УВД в 7–8 лет чуть выше, чем в 9–10 лет; 3) максимальная выраженность в 7 лет средней степени сформированности ЭПД уровня с дальнейшей остановкой в развитии или регрессом к 10 годам (отрицательная динамика); 4) положительная динамика в образовании иерархической структуры духовности в 7 лет и отрицательная в 10 лет; 5) отрицательная тенденция в воспитанности ДЦ всех детей.

Обнаруженная отрицательная тенденция воспитанности ДЦ сельских и городских детей подтверждает невыполнение должных функций национальным ДТВ (идеологическую, духовную, ценностно-ориентированную, культурно-просветительскую, воспитательную, эстетическую, образовательную, информационную, развлекательную). В свою очередь, некоторые ДТК из-за

«бизнес-ориентации» (особенно зарубежные) не могут полноценно удовлетворить познавательные потребности детей, развить их эмоциональную, интеллектуальную, мотивационную, поведенческую сферы, способствовать их просоциальности. Отмечается невысокое качество детской телепродукции (не соответствует половозрастным критериям, менталитету, должному художественному оформлению, жанровой направленности), способствующей незаметному изменению ценностных ориентаций и ролевому поведению. Конечно, имеются ДТК с выстроенными ценностно-ориентированными концепциями, направленные на духовное развитие детей посредством демонстрации телегероями просоциального поведения вне зависимости от их социально-культурной принадлежности, транслирующие, по сути, единые ценности, принимаемые разными культурами (Nick Jr., Карусель, Детский, Улыбка ребенка). Но они не могут обеспечить сохранение ценностей нашей культуры. Дети смотрят зарубежные телеканалы, взрослое ТВ, бесконтрольно «погружаются» в Интернет. Своих научно-популярных, учебно-образовательных, развивающих, спортивных, литературных, музыкально-образовательных, культурно-просветительских, патриотических передач для детей практически нет. Мало программ для младших школьников. Но именно в этом возрасте происходит сильная переоценка ценностей. В связи с этим особую актуальность сохраняют выводы Дж.Х. Багдади о том, что ТВ может и должно создавать условия для повышения воспитательной роли родителей и прародителей в белорусской семье; от того, в какой мере ценностные ориентации будут пропагандироваться ТВ, зависит облик настоящих и будущих поколений; что необходимо вырабатывать у ребенка критический подход к телепередачам [8].

Заключение. Таким образом, изучение проблемы воспитанности духовных ценностей детей 7–10 лет, смотрящих и не смотрящих ДТК, показало различные степени сформированности их духовных ценностей. Отмечается неразвитость духовности детей, не смотрящих ДТК, в отличие от смотрящих, у которых средняя степень воспитанности ДЦ, максимально проявляется в 7–8 лет. Но с возрастом наблюдается регресс – процесс воспитания ДЦ останавливается и повышается вероятность духовной деградации детей. Эта ситуация опасна, поскольку, как показало наше исследование, в период 9–10 лет происходит серьезная переоценка ценностей. Так, кризисная ситуация отечественного детского ТВ, отличающаяся минимализмом в производстве собственных национальных детских телепередач, поставила под угрозу духовно-нравственное ценностное развитие детей, поскольку они не могут «полноценно впитывать» свою национальную

культуру и язык посредством детского ТВ и быть их носителями в перспективе. Потеря преемственности духовно-нравственных культурных ценностей между поколениями чревата утратой своей национальной идентичности и традиций. Необходимо проводить просветительскую работу с общественностью, повышать уровень телекультуры родителей и усиливать значимость духовных ценностей в воспитании детей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлова, Н.В. Особенности ценностных ориентаций и нравственного самосознания учащихся средней школы: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н.В. Светлова; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2003. – 231 л.
2. Аникеев, М.В. Формирование духовных ценностей у младших школьников через актуализацию веры в нравственный идеал: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М.В. Аникеев; Тул. гос. ун-т им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2004. – 24 с.
3. Мамышева, З.З. Проблемы нравственности и нравственного воспитания в начальной школе / З.З. Мамышева // Наука – 2003: материалы науч. конф. молодых ученых и аспирантов АГУ, Майкоп, 22–25 апр. 2003 г. / АГУ. – Майкоп, 2003. – С. 365–367.
4. Груздева, М.В. Воспитание у школьников нравственного поведения на основе российской педагогической традиции: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / М.В. Груздева; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб., 2010. – 231 л.
5. Тукмачев, М.А. Социальное ориентирование старшеклассников средствами телевидения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / М.А. Тукмачев; Костр. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2006. – 23 с.
6. Гомбоева, О.О. Роль телевидения в формировании ценностных ориентаций современного студенчества: (на материалах Республики Бурятия): автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / О.О. Гомбоева; Федер. агентство по образов.; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2007. – 22 с.
7. Матвеева, Н.А. Влияние телевидения на формирование ценностных ориентаций подростков и пути преодоления его негативных последствий: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Н.А. Матвеева; Гос. образов. учрежд. высш. проф. образов. «Воронеж. гос. пед. ун-т». – Воронеж, 2009. – 230 с.
8. Багдади, Дж.Х. Воздействие телевидения на детей: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Дж.Х. Багдади; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Минск, 1998. – 20 с.
9. Дзуцева, З.Б. Нравственно-эстетическое воспитание молодежи средствами телевидения: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / З.Б. Дзуцева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2006. – 22 с.
10. Ласманіс, А. Телевидение в воспитании детей: анализ исследований / А. Ласманіс, А. Ласмане, І. Ваніага, Д. Ласмане // Адукацыйныя і выхавальчыя асяроддзі і практыкі: зб. навук. арт. / Віцеб. дзярж. ун-т імя П.М. Машэрава; аг. рэд.: У.К. Слабін (гал. рэд.) [і інш.]. – Віцебск, 2005. – С. 88–96.
11. Earlya, B.P. Lack of dread in a dreadful world: Violence, myth and the spiritual poverty of youth / B.P. Earlya, E.D. Smith // Journal of Religion & Spirituality in Social Work: Social Thought. – 1998. – Vol. 18, iss. 4. – P. 63–74.
12. Kadiri, K.K. Mass media as correlates of children's behavioural problems in Kwara State, Nigeria / K.K. Kadiri, A.Y. Muhammed // Journal of Media and Communication Studies. – 2011. – Vol. 3(5), May. – P. 198–202.
13. Барысевіч, А.А. Гістарычны вопыт стварэння дзіцячых перадач – невычарпальная беларуская скарбніца (1956–2006 гг.) / А.А. Барысевіч // Рэтраспектыва і актуальні электроннай журналістыкі Беларусі: зб. навук. арт. выкладч. каф. тэлеб. і радыёвяшч. Ін-та журн. БДУ / пад рэд. В.Р. Булацкага. – Мінск, 2011. – С. 11–26.
14. Борисевич, О.А. Духовно-нравственный потенциал Белорусского детского телевидения / О.А. Борисевич // Весн. БДУ. Сер. IV, Журналістыка. – 2012. – № 2. – С. 78–81.
15. Борисевич, О.А. Влияние мультипликационных героев на ценности сельских детей / О.А. Борисевич // Коммуникативные стратегии информационного общества: труды V Междунар. науч.-теор. конф. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – С. 293–294.
16. Катренко, О.А. Воспитанность духовных ценностей детей младшего школьного возраста (6–10 лет) посредством детского телевидения: психодиагностический опросник / О.А. Катренко. – Минск: Зорны Верасок, 2016. – 204 с.

Поступила в редакцию 12.09.2017 г.

УДК 004.823:81'243'36

Влияние культурного фрейминга на восприятие грамматических значений иностранных текстов

Белявский Г.Н.

Академия последипломного образования

Понятие культурного фрейминга лишь недавно появилось в психологии, а его исследование носит в большей степени постановочный характер. Существует сравнительно небольшое количество работ на русском и английском языках в сфере психологии, посвященных понятию культурного фрейминга. Будучи способом упорядочивания и структурирования мира, культурный фрейминг можно сравнить с грамматикой в языке, которая призвана структурировать лексическое разнообразие и придавать ему смысл в высказывании. При всем разнообразии языков выделяют всего 9 грамматических способов, которые в разной степени представлены в каждом отдельном языке.

Цель научной работы – выявить возможную связь грамматической структуры родного языка и процесса культурного фрейминга при восприятии иностранных текстов.

Материал и методы. С целью изучения данной связи было проведено кросскультурное исследование, в котором участвовали носители английского, персидского и русского языков. Испытуемые читали одинаковый англоязычный текст и давали письменный ответ на вопрос о его главной идее. Ответы испытуемых были подвергнуты контент-анализу с целью выявить и посчитать наличие в ответах определенных грамматических значений. Последующий непараметрический U-тест Манна–Уитни и критический дискурсивный анализ были применены с целью установить и объяснить значимые различия на уровне грамматических значений в трех независимых группах.

Результаты и их обсуждение. Непараметрический тест позволил выявить 20 значимых различий на уровне грамматических значений в восприятии испытуемыми исходного текста. В статье приводятся примеры и объяснения некоторых различий, среди которых категории определенности / неопределенности, предмета / признака / действия, а также модальности глагола.

Заключение. Полученные результаты позволяют утверждать, что при восприятии иноязычного текста имеет место процесс культурного фрейминга, при котором грамматические значения текста смещаются в сторону схожих грамматических форм родного языка.

Ключевые слова: культурный фрейминг, итика и илика культуры, грамматические значения, грамматические способы, культурный контекст.

Influence of Cultural Framing on the Perception of Grammatical Meanings in Foreign Texts

Bialiauski H.N.

Academy of Postgraduate Education

The concept of cultural framing has appeared in psychology rather recently, and it has yet a formulating character. There are a relatively scarce number of publications both in Russian and English academic literature, dedicated to cultural framing. Being a means of ordering and structuring the world, cultural framing can be compared with grammar in a language, because grammar structures all the lexical units into a meaningful utterance. Taking into account all the diversity of existing languages, one can speak of only 9 grammatical means which are represented to a different extent in any particular language.

The aim of the research is revealing a possible connection between grammatical structure of a language and the process of cultural framing while perceiving a foreign text.

Material and methods. A cross-cultural research has been conducted in order to study this possible connection. English, Persian and Russian native speakers participated in the research, reading one and the same authentic English text and answering the question about its main idea. Content-analysis was used to reveal and count grammatical meanings in the participants' answers. Non-parametric U-test of Mann–Whitney and critical discourse analysis were used to find and explain significant differences at the level of grammatical meanings in the answers of the participants.

Findings and their discussion. Non-parametric U-test revealed 20 significant differences at the level of grammatical meanings while perceiving a foreign text. The article contains the examples and explanations of certain revealed differences, including the categories of definiteness – indefiniteness, object – action – attribute, and verb modality.

Conclusion. According to the research findings it can be stated that the process of cultural framing while perceiving a foreign text takes place, which implies the shift of grammatical meanings to the resembling grammatical forms in one's native language.

Key words: cultural framing, cultural ethics and emics, grammatical meanings, grammatical means, cultural context.

В процессе межкультурной коммуникации иностранному языку отводят особое место. Это ключ к постижению другой культуры, который позволяет человеку сделать, однако, лишь первые шаги в своем исследовании, так как любая культура гораздо обширнее, чем ее язык. Тем не менее даже на данном начальном уровне погружения происходят процессы, которые часто приводят к искажениям в понимании друг друга. Даже если собеседники из разных культур говорят на одном языке, все же для одного из них данный язык является иностранным, и он им пользуется несколько иначе, чем носитель данного языка.

Как отмечают В.А. Янчук и В.А. Мазиллов, в мировой психологии исследования культурного фрейминга только начинаются и имеют постановочный характер. Впервые понятие фрейма было

введено Ирвином Гофманом для обозначения способа, используемого людьми в повседневной жизни для упорядочивания и структурирования мира посредством утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены [1].

По мнению С.И. Некрасова и Н.С. Молчановой, современную теорию фреймов применяют в самых различных областях науки, поэтому сложно ответить на вопрос, какая область является источником формирования фрейм-подхода [2]. Данный термин можно встретить в научных работах по лингвистике, педагогике, информатике, где он используется для структурирования и понимания системы знаний. Однако в русскоязычной литературе по психологии данная дефиниция едва встречается, что делает исследование в области культурного фрейминга крайне интересным и актуальным, тем более, что анализ ан-

гоязычной психологической литературы по данной теме также не выявил большого количества работ [3–5]. Все данные исследования в большей степени касаются возможностей применения понятия фрейминга в рекламе, средствах массовой информации, а также в политике при организации избирательных компаний.

Говоря об отдельно взятом языке, можно проследить специфические особенности, согласно которым все разнообразие феноменов подвергается уникальной форме упорядочивания и структурирования. Будучи чрезвычайно сложным явлением, язык рассматривается на различных уровнях (фонетика, лексика, грамматика и т.д.). Если допустить, что различные языки описывают приблизительно схожие феномены окружающей действительности (итика культур), то те законы и правила, с помощью которых строятся данные описания, сильно отличаются в разных языках (имика культур). Лексический состав языка содержит слова, описывающие схожие предметы и явления. Но если мы переходим на уровень грамматических значений, то именно здесь мы наблюдаем значительные отличия. Грамматика призвана упорядочивать лексику, приводить ее в систему, и именно по грамматическим правилам набор разрозненных лексических единиц выстраивается в осмысленное высказывание [6]. Данная упорядочивающая функция грамматики очень похожа на процесс культурного фрейминга, и это позволяет предположить, что особенности данного феномена следует искать именно на уровне грамматических, а не лексических значений.

Слова сравнительно легко мигрируют из одного языка в другой. Но слово не считается полностью заимствованным, пока оно не прошло через грамматические правила нового языка. Например, заимствованное слово «стиль» – это существительное, мужского рода, единственного числа, в именительном падеже, которое к тому же приняло участие в процессах словообразования, результатами чего явились другие части речи («стильный», «стильно», «стилизовать»). Однако заимствованный термин «пенальти» только начал осваиваться правилами русской грамматики, так как он не склоняется по падежам, имеет или средний или мужской род, а также пока не участвовал в процессах словообразования.

Грамматика – это наиболее ригидная часть языка. Она выражает значения, которые не всегда очевидны самим носителям, но ими разделяются, чтобы диалог получился осмысленным. Лингвистика выделяет всего 9 грамматических способов: аффиксация, внутренняя флексия, редупликация, сложение, служебные слова, порядок слов, ударение, интонация и супплетивизм. Однако каждый

язык использует разный грамматический способ для выражения того или иного грамматического значения, что делает языки настолько непохожими. Грамматика не заимствуется так легко, как лексика, и ее можно сравнить с ядром культуры, которое сохраняет целостность и отвергает все угрожающие культуре перемены [7]. Очевидно, что при восприятии иностранного сообщения будет иметь место процесс культурного фрейминга, так как человеку нужно воспринять и структурировать не только лексическую сторону данного сообщения, но и уровень его грамматических значений. Именно здесь возможны существенные искажения из-за не столь явной очевидности данных значений.

Цель научной работы – выявить возможную связь грамматической структуры родного языка и процессом культурного фрейминга при восприятии иностранных текстов.

Материал и методы. С целью проверки данной гипотезы было проведено исследование, в котором испытуемым из трех групп (с родным английским, персидским и русским языками) был сначала предложен одинаковый аутентичный текст на английском языке, а потом было дано задание письменно на английском языке ответить на вопрос о том, какова главная идея текста. Выборка состояла из 30 испытуемых с родным английским языком (15 американцев, 13 британцев и 2 австралийца), 30 испытуемых с родным персидским языком (граждане Ирана), а также 37 испытуемых с родным русским языком (граждане Беларуси). Все три языка имеют разные алфавитные системы: латинский алфавит в английском языке, кириллица в русском языке и аналог арабского алфавита в персидском языке, в котором помимо всего прочего письменность осуществляется справа налево. Единственным критерием включения в исследование был показатель родного языка, при этом пол, возраст, образование и иные демографические показатели в данном эксперименте не учитывались. Вторым важным критерием была необходимость владеть английским языком на достаточном уровне, чтобы выполнить предложенное задание.

Текст для чтения был выбран из учебного пособия Focus on Academic Skills for IELTS авторов Morgan Terry и Judith Wilson. Текст назывался Childhood Obesity Goes Global (Детское ожирение приобретает глобальный характер). В качестве обоснования выбора данного текста следует отметить, что материалы экзамена IELTS – гарантия того, что тексты являются аутентичными, так как именно данный экзамен является одним из широко признанных стандартов для проверки уровня английского языка всех, кто претендует на имми-

грацию, учебу или работу в англоязычной стране. Данный текст был выбран по той причине, что он написан на тему здравоохранения, являющуюся одной из наиболее проблемных в процессе межкультурной коммуникации из-за больших различий во взглядах на вопросы здоровья, болезни, лечения, жизни и смерти в различных культурах [2]. Текст соответствует по объему стандартам экзамена IELTS в модуле по чтению, и испытуемые должны были дать развернутый письменный ответ на вопрос о главной идее текста в размере 250 слов, что также является международным стандартом при проверке навыков письма на данном экзамене в модуле письма.

Полученные высказывания были подвергнуты контент-анализу с целью выявления особенностей понимания грамматических значений тремя группами испытуемых. В качестве единиц анализа были выбраны определенные грамматические категории, имеющие четкую выраженность в грамматике английского языка. При анализе обращалось внимание на следующие значения: определенность / неопределенность, единичность / множественность, время (настоящее / прошедшее / будущее), активность / пассивность, модальность и т.д. Так как грамматика является стандартизированным и наиболее четко структурированным уровнем языка, каждое из выбранных грамматических значений имеет четкие соответствующие формы, которые можно выявить и посчитать в любом тексте.

Полученные показатели были статистически проверены с помощью непараметрического U-теста Манна-Уитни с целью определения значимых различий в частоте использования тех или иных грамматических значений между тремя независимыми группами. Для объяснения полученных различий также применялся критический дискурсивный анализ, призванный придать исследованию дополнительный качественный ракурс. Данный метод был выбран в первую очередь из-за того, что в нем важное внимание уделяется лингвистическому анализу эмпирического материала, что соответствует целям эксперимента. Таким образом, применение в рамках одного исследования методологической триангуляции, возможностей количественных и качественных методов позволяет получить более полное и объективное объяснение изучаемого феномена.

Результаты и их обсуждение. Непараметрический U-тест Манна-Уитни выявил 20 значимых различий в частоте использования выбранных грамматических значений, что подтверждает первоначальную гипотезу о том, что в ходе восприятия иностранного текста испытуемые склонны существенно искажать первоначальные граммати-

ческие значения предлагаемого текста. При этом исследование показало, что данные искажения не являются случайными: каждая группа уводила первоначальный смысл предложенного текста в сторону наиболее частотных грамматических форм в своем языке, если они в чем-то перекликались с соответствующими грамматическими формами английского языка. Иными словами, даже выполняя задание на английском языке, испытуемые, тем не менее, использовали различный вариант английского языка, наиболее приближенный к грамматической структуре родного языка. Это подтверждает гипотезу о том, что в ходе восприятия иностранного текста человек не может избежать процесса культурного фрейминга, который реструктурирует первоначальное послание и упорядочивает информацию в соответствии с правилами фрейминга своего родного языка, насколько это возможно. Нижеприведенные примеры призваны проиллюстрировать данное явление.

Англоязычные испытуемые значимо реже использовали грамматическую категорию признака (56, 85), чем русскоязычные испытуемые (74, 82) при описании главной идеи предложенного текста. Иными словами русскоязычные участники исследования в значительно большей степени восприняли предложенный текст, как описательный, нежели носители английского языка. Русский и английский языки существенно различаются по количеству имен прилагательных. Класс относительных имен прилагательных, которые выражают признак предмета, который невозможно изменить в степени, в английском языке выражен очень слабо по сравнению с русским языком. Примеры относительных прилагательных – слова «медицинский», «сельский» или «ежедневный», не имеющие степени сравнения. В английском языке значения, передаваемые в русском языке относительными прилагательными, часто передаются существительными в общем падеже. То есть, в данном случае существительное и прилагательное не имеют различий в форме слова, что невозможно для русского языка, где форма прилагательного всегда отличается специальными аффиксами.

Описывая главную идею англоязычного текста, носители русского языка могут ставить больший акцент на признаках и качествах, чем имел в виду автор текста из-за различной количественной представленности данных форм в двух языках. Таким образом, из-за гораздо большего количества прилагательных в русском языке носители русского языка могут ошибочно присваивать англоязычным текстам больше описательных характеристик и признаков, чем изначально содержится в предложенном тексте, что уже является особенностью фрейминга и частично искажает

правильное понимание англоязычного послания.

В описании главной идеи предложенного текста англоязычные испытуемые значимо реже использовали грамматическую категорию определенности (53,05), чем русскоязычные испытуемые (75,85). Таким образом, можно сказать, что группа носителей русского языка восприняла информацию в предложенном тексте как более определенную, чем это сделали носители английского языка. Различия в структуре русского и английского языков также позволяют предложить возможное объяснение данному явлению. В русском языке артикль вообще отсутствует, так как определенность в русском языке не выражена грамматически, а подается через контекст. Определенный артикль в английском языке грамматически более однообразен, так как используется и в единственном и во множественном числе, что позволяет русскоязычным студентам избегать лишних ошибок в его использовании, так как для этого не нужно держать в уме некоторые дополнительные грамматические правила.

Таким образом, описывая главную идею англоязычных текстов, русскоязычные испытуемые могут подавать информацию как более определенную, чем имеется в виду изначально, так как употребление грамматической категории определенности для них значительно проще, чем использование категории неопределенности. Это может являться особенностью культурного фрейминга и приводить к искажению восприятия изначального англоязычного послания.

Как и в случае с русскоязычными испытуемыми, носители английского языка значимо реже использовали категорию признака для описания главной идеи текста (36,87), чем носители персидского языка (49,82). Формы прилагательных английского и персидского языков больше похожи, чем формы прилагательных английского и русского языков, тем не менее персидский язык отличается наличием в нем длинных изафетных цепей. Изафетная цепь – это длинная цепь имен, в которой все имена, предшествующие последнему слову, являются его определителями и несут значения его признака. В данном случае речь идет не столько о морфологических различиях английского и персидского языков, сколько о различиях в синтаксисе. Изафетные цепи делают признаки в структуре персидского высказывания крайне заметными и значимыми, что может повлиять на то, что иранские испытуемые будут использовать больше имен прилагательных для описания главной идеи текста, прочитанного ими на иностранном языке.

Как и в случае с русскоязычными испытуемыми, исследование выявило значительные отличия в категориях модальности, где иранцы предпочли

аспект долженствования (иранцы – 53,30; носители английского языка – 29,90). Объяснениями могут служить культурные различия в иерархии, дистанции субъектов в системах образования и коммуникативной активности студентов. Англоязычная система отличается меньшей дистанцией между преподавателями и студентами, большей коммуникативной активностью и свободой студентов, а также акцентом на ценностях индивидуализма. Иранская культура в данной связи больше приближена к русскоязычной культуре, чем к культуре англоязычных народов.

Иранские испытуемые значимо реже использовали категорию действия (66,30) по сравнению с русскоязычными испытуемыми (96,65). С одной стороны, причиной могут быть различия, выявленные при дискурсном анализе, где иранцы отнеслись к обсуждаемой проблеме больше как дистанцированные наблюдатели, в то время как белорусы отметили свою большую включенность в обсуждаемую проблему, что выразилось в их значимо более частом использовании глаголов и отглагольных форм при ее описании. Также причиной данного явления может служить синтаксически большая схожесть английского и русского языков, где глагол в высказывании чаще ставится на второе место, тогда как в персидском языке он имеет строго последнее положение в высказывании. Опираясь на теорию актуального членения предложения и понятия темы и ремы, которые могут существенно искажаться при переходе с правостороннего письма на левостороннее, логические акценты во фразе могут оказаться полностью смещенными. Это может сделать действия, выражаемые глагольными формами, менее замечаемыми при прочтении текста иранскими испытуемыми.

Иранские испытуемые значимо реже использовали категорию определенности (73,90), по сравнению с русскоязычными испытуемыми (92,54). В отличие от русского языка, персидский язык все же содержит подобную служебную часть речи, как артикль, которая несет в себе функцию определенности предмета. Это делает английский способ оформления данной категории не столь чуждым для иранцев, как для русскоговорящих людей, у которых данная категория выражается исключительно лексически. Это могло послужить причиной данного значимого различия между группами.

Заключение. В результате исследования получилось заметить и статистически доказать следующую тенденцию: несмотря на то, что восприятие лексической стороны предложенного иностранного текста почти не выявило различий между разными культурными группами, на уровне грамматических значений группы сместили ак-

ЛИТЕРАТУРА

центы в сторону тех форм, которые приняты в их родной грамматике, чем исказили исходное сообщение автора. Данное явление подтверждает тот факт, что при восприятии иностранных текстов имеет место процесс культурного фрейминга, который реструктурирует воспринимаемую информацию согласно грамматическим правилам родного языка в тех случаях, когда грамматические системы двух языков перекликаются. Полученные данные являются важным доказательством того, что изучение иностранного языка – лишь первый необходимый шаг в приобретении межкультурной компетентности. Даже если человек на достаточно хорошем уровне владеет иностранным языком, он все же не может в полной мере реконструировать лингвистический контекст чужой культуры, и он неизбежно искажает в той или иной степени ту информацию, которую он получает в межкультурном контексте.

1. Янчук, В.А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга / В.А. Янчук, В.А. Мазилков // Ярослав. пед. вестн. – 2013. – Т. 1, № 3. – С. 212–219.
2. Некрасов, С.И. Значение теории фреймов в современной науке / С.И. Некрасов, Н.С. Молчанова // Научные ведомости Белгородского государства. – 2009. – С. 13–17.
3. Douglas Creed, W.E. A Picture of the Frame: Frame Analysis as Technique and as Politics / W.E. Douglas Creed, J.A. Langstraat, M.A. Scully // Organizational Research Methods. – Vol. 5, No. 1, January 2002. – P. 34–55.
4. Landau, M.J. Evidence That Self-Relevant Motives and Metaphoric Framing Interact to Influence Political and Social Attitudes / M.J. Landau, D. Sullivan, J. Greenberg // A Journal of the Association for Psychological Science. – 2009. – Volume 20, Number 11. – P. 1421–1427.
5. Chingching, Ch. Consumption Products: An Affect Priming Process / Ch. Chingching // Psychology and Marketing. – 2008. – Vol. 25(1): 24–46 (January). – P. 24–46.
6. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1996. – 536 с.
7. Samovar, L.A. Communication between Cultures / L.A. Samovar, R.E. Porter, E.R. McDaniel. – Wadsworth Cengage Learning, Boston, 2010. – 463 p.

Поступила в редакцию 05.09.2017 г.

УДК 159.923.2-057.875

Личностные предпосылки психологической готовности студентов к профессиональной деятельности

Ткач М.Г., Косареvская Т.Е.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье представлены результаты эмпирического исследования компонентов личностного потенциала студентов как предпосылок формирования психологической готовности к самостоятельной профессиональной деятельности.

Цель работы – выявление личностных предпосылок формирования психологической готовности студентов к профессиональной деятельности.

Материал и методы. В исследовании приняли участие студенты 1–4 курсов учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» в возрасте от 16 до 22 лет. Были использованы следующие методики: опросник «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьева), опросник «Жизнестойкость» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой), методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко), шкала общей самооэффективности (Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптация В.Г. Ро-мека), опросник диспозиционного оптимизма (версия Гордеевой–Сычева–Осина), методы статистической обработки данных (z-критерий Колмогорова–Смирнова, t-критерий Стьюдента).

Результаты и их обсуждение. Осуществлен анализ личностных детерминант, влияющих на формирование психологической готовности к будущей профессиональной деятельности. Сделан вывод о том, что в личностном потенциале, влияющем на готовность к деятельности, могут быть интегрированы такие характеристики и свойства личности, как осмысленность жизни, оптимизм, жизнестойкость, коммуникативная толерантность и самооэффективность. Различная степень выраженности названных характеристик определяет индивидуальную направленность и различную психологическую готовность к профессиональной деятельности.

Заключение. Изучение личностного потенциала на этапе первичного овладения профессией позволяет оптимизировать процесс профессионального становления студентов различного профиля подготовки.

Ключевые слова: личностный потенциал, психологическая готовность, профессиональная деятельность, студенты.

Personality Prerequisites of Student Psychological Readiness for Professional Activities

Tkach M.G., Kosarevskaya T.E.

Educational Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Findings of an empiric research of the components of student personality potential as prerequisites of shaping psychological readiness for independent professional activities are presented in the article.

The purpose is identification of personality prerequisites of shaping student psychological readiness for professional activities.

Material and methods. First to fourth year Vitebsk State University students aged 16 to 22 took part in the research. The following methods were used: "Life sense orientations" questionnaire (D.A. Leontyev), "Life resistance" questionnaire (S. Muddy, adapted by D.A. Leontyev, E.I. Rasskazova), general communicative tolerance diagnostics method (V.V. Boiko), general self-efficiency scale (R. Schwartz and M. Jerusalem, adapted by V.G. Romek), disposition optimism questionnaire (Gordeyeva-Sychev-Osin version), statistic data processing methods (z-criterion by Kolmogorov-Smirnov, t-criterion by Student).

Findings and their discussion. Analysis of personality determinants which influence shaping psychological readiness for would-be professional activities is made. Conclusion is made that such characteristics and personality features as understanding the sense of life, optimism, life resistance, communicative tolerance and self-efficiency can be integrated in the personality potential, which influences readiness for activities. Different degree of the expression of these characteristics determines individual direction and different psychological readiness for professional activities.

Conclusion. The study of personality potential at the stage of initial mastering a job makes it possible to optimize the process of professional maturation of students of different training profiles.

Key words: personality potential, psychological readiness, professional activity, students.

Современное общество предъявляет к работе профессионалов, а значит, и к работе учреждений высшего образования, занятых их подготовкой, принципиально новые требования. Это обусловлено тем, что именно в ходе этапа первичного освоения профессии осуществляется процесс самоопределения молодого человека, формируются его жизненная и мировоззренческая позиции, осваиваются индивидуализированные способы и приемы деятельности, поведения и общения. Развитие личности студентов, формирование их готовности к профессиональной деятельности – одна из ключевых задач современного высшего образования.

В настоящее время психологическая наука переносит акцент с изучения проблем индивида на исследование условий развития потенциала личности и нахождение внутренних ресурсов, позволяющих человеку быть подлинным субъектом жизнедеятельности. В науке сложились теоретические предпосылки решения обозначенных проблем. Ученые, занимавшиеся их разработкой (О.С. Анисимов, А.А. Бодалёв, В.Г. Зазыкин, А.А. Деркач, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Л.М. Митина, В.А. Сластенин и др.), указывают на то, что подготовка специалистов в учебных

заведениях, являющаяся этапом профессионального становления, оказывает значительное влияние на то, как быстро и успешно человек достигнет своего «акме» (вершины) в профессиональной деятельности, и насколько высокой будет эта вершина [1].

Главной особенностью готовности к профессиональной деятельности является ее интегративный характер, проявляющийся в упорядоченности внутренних структур, согласованности основных компонентов личности профессионала, устойчивости, стабильности и преемственности их функционирования. Именно поэтому актуально изучение личностного потенциала как характеристики социально-психологической зрелости человека. С одной стороны, индивид должен обладать социально-психологическими качествами, способствующими его самореализации в изменяющихся профессиональных условиях, с другой – проявление определенного качества требует социальных условий, вызывающих, поддерживающих или делающих необходимым это качество [2]. В личностном потенциале, влияющем на готовность к профессиональной деятельности, могут быть интегрированы такие характеристики и свойства личности, как осмысленность жизни, жизнестойкость, коммуникативная толерантность, оптимизм и самоэффективность.

Цель работы – выявление личностных предпосылок формирования психологической готовности студентов к профессиональной деятельности.

Материал и методы. Для изучения личностных детерминант психологической готовности к деятельности были привлечены студенты 1–4 курсов учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Выборка составила 200 человек в возрасте от 16 до 22 лет. В исследовании были использованы следующие методики: опросник «Жизнестойкость» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой) [3], методика диагностики общей коммуникативной толерантности (В.В. Бойко), опросник «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев) [4], шкала общей самооценки (Р. Шварцер и М. Ерусалем, адаптация В.Г. Ромека), опросник диспозиционного оптимизма (версия Гордеевой–Сычева–Осина), методы количественно-качественной (статистической) обработки данных (z-критерий Колмогорова–Смирнова, t-критерий Стьюдента). Обработка данных осуществлялась с использованием программы «SPSS 16.0 for Windows».

Результаты и их обсуждение. С целью изучения осмысленности жизни у студентов, получающих педагогическое образование разного профиля подготовки, нами было проведено исследование с помощью опросника «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев, русскоязычная адаптация опросника «Цели в жизни» Дж. Крамбо и Л. Махолика). В таблице 1 приведены средние значения по общему показателю осмысленности жизни и всем пяти субшкалам.

Проанализировав общий показатель осмысленности жизни, можно говорить о наличии у испытуемых устойчивых смыслов в жизни, уверенности в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора.

Показатели респондентов по субшкале «Процесс жизни» являются самыми высокими. Содержание этой шкалы совпадает с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что испытуемые воспринимают сам процесс жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Достаточно высокие средние значения были также получены по субшкале «Локус контроля жизнь». Проанализировав данный показатель, можно говорить о том, что студенты убеждены, что могут контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь, готовы к осуществлению самостоятельной профессиональной деятельности.

Субшкала «Цели в жизни», по которой также получены высокие показатели, свидетельствует о наличии у студентов целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Это может объясняться особенностями юношеского возраста, для которого характерны: определение своего будущего, планирование и построение жизненных планов, начало профессионального становления. В значительной степени эти задачи имеют локализацию в будущем, но опираются на прошлое и настоящее, что также нашло отражение в данной выборке (преобладают высокие значения показателей по шкалам «Процесс жизни», «Результат жизни»). С другой стороны, высокие значения по этой шкале могут характеризовать и человека, который достаточно много думает о будущем, но при этом его планы не имеют под собой реальной опоры в прошлом и не подкрепляются личной ответственностью в настоящем.

Определенный интерес представляют и данные, полученные по субшкале «Результат жизни». Данная субшкала связана с удовлетворенностью самореализацией как таковой. Высокие значения отражают оценку пройденного отрезка жизни и ощущение того, насколько продуктивной и осмысленной была прожитая ее часть.

В целом, обобщая результаты, полученные с помощью опросника «Смыслжизненные ориентации» (Д.А. Леонтьева), можно заключить, что испытуемые обладают четкой направленностью на будущее, строят планы и имеют определенные цели. Студенты считают свою жизнь вполне осмысленной, принимают свое настоящее и довольны тем, что есть на данный момент; свое прошлое рассматривают как продуктивное, значимое и важное; убеждены, что способны самостоятельно принимать решения, брать ответственность за те события, которые происходят, воплощать свои цели и отвечать за полученные результаты.

Другой значимой характеристикой в оценке личностного потенциала является **жизнестойкость** человека. Опросник жизнестойкости позволяет оценить способность и готовность человека активно и гибко действовать в ситуации стресса и трудностей или его уязвимость к переживаниям стресса. При этом жизнестойкость является фактором профилактики риска нарушений работоспособности и развития соматических и психических заболеваний в условиях стресса и одновременно способствует оптимальному переживанию ситуаций неопределенности и тревоги. Жизнестойкие убеждения создают своего рода «иммунитет» к действительно тяжелым переживаниям. Важно, что жизнестойкость влияет не только на оценку

ситуации, но и на активность человека в преодолении этой ситуации (выбор копинг-стратегий) [3].

По результатам исследования жизнестойкости были сделаны следующие выводы. Общий показатель жизнестойкости в выборке испытуемых невысок: в пределах нормы показатель **жизнестойкости** наблюдается у 19% девушек и 17% юношей, показатели ниже нормы выявлены у 65% девушек и 71% юношей, выше нормы соответственно у 16% и 12% испытуемых. Это говорит о том, что у девушек жизнестойкость и ее компоненты проявлены в большей степени. При этом нагрузка компонентов жизнестойкости различная (вовлеченность – показатели в пределах нормы и выше отмечены у 38% девушек и 35% юношей; контроль – показатели аналогичны – в пределах нормы и выше отмечены у 38% девушек и 35% юношей; принятие риска – этот компонент наиболее проявлен: показатели в пределах нормы и выше отмечены у 49% девушек и 44% юношей). Выраженность жизнестойкости в целом и ее компонентов в частности препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и копинг-стратегий, что важно для сохранения здоровья и оптимального уровня работоспособности в стрессогенных условиях.

Совместная профессиональная деятельность в современных условиях предъявляет высокие требования к коммуникативной компетентности специалистов. Гетерогенность организаций предполагает значительную коммуникативную толерантность сотрудников как условие продуктивной совместной деятельности. В связи с этим нами рассматривались результаты, полученные по методике **коммуникативной толерантности** В.В. Бойко. После нахождения границ интервалов нами были выделены 3 уровня сформированности диагностируемой переменной: высокий уровень (у испытуемых, получивших оценки в интервале от 15 до 11,25 баллов включительно), средний уровень (у испытуемых, получивших оценки от 3,75 до 11,25 баллов) и низкий уровень (у испытуемых, получивших оценки в интервале от 0 до 3,75 баллов включительно).

Полученные нами данные показывают, что у большинства студентов, принявших участие в исследовании, наблюдается средний уровень коммуникативной толерантности (65% респондентов). Данный уровень можно считать оптимальным, так как он избавляет от крайних проявлений (высокого или низкого уровня) коммуникативной толерантности и сохраняет право выбора за личностью быть толерантным или нет в различных ситуациях коммуникации. Значительное количество студентов обладает высоким уровнем

коммуникативной толерантности – 28% респондентов. Человек, обладающий высоким уровнем коммуникативной толерантности, достаточно уравновешен, предсказуем в своих отношениях с окружающими и совместим с очень разными людьми. Благодаря этим достоинствам создается психологически комфортная обстановка для совместной деятельности, достижения синергического эффекта (удовольствия от взаимодействия на уровне сотрудничества).

Показатели низкого уровня коммуникативной толерантности выявлены у 7% студентов. Низкий уровень объясняется негативными реакциями индивида на обнаруженные различия между подструктурами своей личности и личности партнера. Чем отчетливее негативные переживания человека по поводу своеобразие другого, тем ниже уровень толерантности, тем труднее демонстрировать расположение к партнеру, принимать его во всех или некоторых проявлениях, сдерживать недовольство им. Человек с пониженным уровнем коммуникативной толерантности является источником негативной эмоциональной энергии, которую он переносит на своих собеседников. Результаты представлены в таблице 2.

Проведенный анализ средних значений показателей по субшкалам методики «Общая коммуникативная толерантность» позволяет говорить о преобладании среди студентов категоричности или консерватизма в оценке людей, неумения скрывать или сглаживать неприятные чувства, неприятие или непонимание индивидуальности человека, использования себя в качестве эталона при оценках других. Результаты испытуемых по субшкалам представлены в таблице 3.

Опираясь на полученные данные, можно предположить, что подобное отношение связано с особенностями юношеского возраста, категоричностью, отсутствием опыта взаимодействия с людьми, не сформировавшимся до конца умением идти на уступки иногда вопреки своим интересам и взглядам. Обобщая результаты исследования, можно сделать вывод о том, что большая часть испытуемых показала средний уровень коммуникативной толерантности, который можно считать оптимальным.

В рамках изучения личностного компонента готовности к будущей профессиональной деятельности нами был выявлен уровень **диспозиционного оптимизма** у студентов. Были получены следующие результаты (таблица 4).

Установлено, что по субшкале «Позитивные ожидания» студенты демонстрируют более высокий средний балл. Это в некоторой мере свидетельствует о том, что студенты как люди, видящие

в будущем в основном положительные моменты, более склонны к активным действиям, обладают более высокими предпосылками для осуществления эффективной саморегуляции деятельности. Поскольку оптимисты видят желаемые результаты как достижимые, они чаще реагируют на трудности в активной манере, увеличивая усилия и настойчивость при стремлении достичь цели. Люди с низким уровнем диспозиционного оптимизма, напротив, не испытывают позитивных ожиданий в отношении преодоления трудностей и чаще от-

вечают на последние пассивным и избегающим поведением.

Еще одним компонентом, заслуживающим внимания при изучении личностных детерминант психологической готовности к профессиональной деятельности, является понятие «**самоэффективность**». С целью изучения уровня самоэффективности студентов нами было проведено исследование с помощью теста (шкалы) общей самоэффективности (Р. Шварцера и М. Ерусалема, адаптация В.Г. Ромека).

Таблица 1 – Средние значения по общему показателю осмысленности жизни и субшкалам

№	Субшкала	Средние значения
1.	Цели в жизни	27,84
2.	Процесс жизни	29,89
3.	Результат жизни	25,32
4.	Локус контроля Я	19,16
5.	Локус контроля жизнь	28,89
	Осмысленность жизни	96,68

Таблица 2 – Результаты испытуемых по методике «Общая коммуникативная толерантность»

№	Уровень коммуникативной толерантности	Показатель (в процентах)
1.	Высокий уровень	28
2.	Средний уровень	65
3.	Низкий уровень	7

Таблица 3 – Средние значения показателей по субшкалам методики «Общая коммуникативная толерантность»

№	Субшкала	Средние значения
1.	Неприятие или непонимание индивидуальности человека	5,74
2.	Использование себя в качестве эталона при оценках других	5,67
3.	Категоричность или консерватизм в оценках людей	6,86
4.	Неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства	5,78
5.	Стремление переделать, перевоспитать партнера по общению	5,47
6.	Стремление подогнать других участников коммуникации под себя	5,73
7.	Неумение прощать другому ошибки	5,82
8.	Нетерпимость к дискомфортным (болезнь, усталость, отсутствие настроения) состояниям партнера по общению	3,82
9.	Неумение приспосабливаться к другим участникам общения	5,41

Таблица 4 – Результаты испытуемых по «Тесту диспозиционного оптимизма» (ТДО)

Субшкала	Средние значения
ТДО (позитивные ожидания)	11,47
ТДО (негативные ожидания)	11,32
ТДО (общий показатель)	22,79

На основе анализа полученных результатов было выявлено, что низкий уровень общей самоэффективности наблюдается у 42% респондентов; средний уровень – у 47%; высокий уровень – у 11%. Полученные данные свидетельствуют о том, что большая часть студентов оценивает свою эффективность на среднем уровне. В связи с этим их можно охарактеризовать как людей, достаточно уверенных в собственной эффективности, способных применить свои знания и совершать действия, необходимые для контролирования ситуации. Однако, на наш взгляд, это также может оказывать не лучшее влияние на выбор стратегии деятельности, мотивацию и усилия, которые придется приложить для преодоления препятствий.

Установлено, что 42% опрошенных студентов имеют низкий уровень общей самоэффективности. Вероятнее всего, это характеризует студентов как людей с низким уровнем доверия к собственным способностям и наличием неуверенности при выполнении каких-либо конкретных задач, отсутствием готовности к неожиданным трудностям. 11% студентов показали высокий уровень общей самоэффективности. Следовательно, их можно охарактеризовать как людей, уверенных в собственных возможностях и способных легко и конструктивно взаимодействовать с обществом. В современных условиях от субъекта требуется не только высокий уровень компетентности в той деятельности, которой он себя посвящает, но и наличие представлений о собственной эффективности, выступающее важным психологическим условием достижения успеха в различных областях жизни, в том числе в профессии.

Для того чтобы убедиться в нормальности распределения показателей, полученных в результате диагностики компонентов личностного потенциала студентов, мы использовали Z-критерий Колмогорова–Смирнова и значения асимметрии и эксцесса. Для диагностированных переменных – компонентов личностного потенциала – распределение соответствует нормальному виду.

Статистическая значимость результатов для выборки студентов, принявших участие в исследовании, проверялась с помощью t-критерия Стьюдента. Рассматривалась статистическая гипотеза о том, что среднее значение выявленного уровня осмысленности жизни у студентов, принявших участие в исследовании, равно известному значению общего показателя осмысленности жизни для мужчин и женщин, полученному на выборке 200 человек в возрасте от 18 до 29 лет (по данным Д.А. Леонтьева, 2000). Статистически достоверных различий для переменной «Осмысленность жизни» не обнаружено.

Для переменной «Диспозиционный оп-

тимизм» среднее значение, полученное на выборке студентов, сравнивалось со средним значением по общему показателю диспозиционного оптимизма для мужчин и женщин, полученному на выборке из 581 респондента (по данным Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина). Статистически значимых различий для переменной «Диспозиционный оптимизм» также не обнаружено. Для переменных «Самоэффективность» и «Коммуникативная толерантность» выявленные различия обнаружены на уровне статистической тенденции (уровень значимости $p \leq 0,1$). Таким образом, полученные нами результаты подтверждают ранее представленные данные по выборкам испытуемых соответствующего возраста.

Заключение. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что студенты обладают четкой направленностью на будущее, строят планы и имеют вполне определенные цели. Считают свою жизнь вполне осмысленной, убеждены в том, что смогут контролировать свою жизнь, самостоятельно принимать решения и отвечать за полученные результаты. Студенты, которые ориентированы в будущем на положительные моменты, более склонны к активным действиям, обладают более высокими предпосылками для осуществления эффективной саморегуляции деятельности.

Однако проведенное исследование показало достаточно невысокий уровень показателя жизнестойкости в выборке испытуемых. Средние показатели жизнестойкости неразрывно связаны со стрессовыми состояниями, частой оценкой ситуации как несущей угрозу, с пассивностью поведения и избеганием трудностей.

Большая часть студентов показала средний уровень коммуникативной толерантности, который можно считать оптимальным. Вместе с тем наблюдается преобладание таких качеств, как категоричность в оценке людей, неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства, неприятие или непонимание индивидуальности человека, использования себя в качестве эталона при оценках других. Можно предположить, что подобное отношение связано с особенностями юношеского возраста, с отсутствием опыта взаимодействия с разными людьми, не сформированным умением идти на уступки, иногда вопреки своим интересам и взглядам. Различная степень выраженности названных характеристик определяет индивидуальную направленность и траекторию формирования психологической готовности к профессиональной деятельности.

Таким образом, личностный потенциал – это интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей человека, лежащая в основе его способности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров

в своей жизнедеятельности, сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. В свою очередь, исследование личностного потенциала на этапе первичного овладения профессией позволяет оптимизировать процесс профессионального становления студентов различного профиля подготовки.

1. Деркач, А.А. Акмеологические основы развития профессионала / А.А. Деркач. – М.: Изд-во «Модэк», 2004. – 752 с.
2. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал. Структура и диагностика / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2011. – 675 с.
3. Леонтьев, Д.А. Тест жизнестойкости / Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
4. Леонтьев, Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.

Поступила в редакцию 18.10.2017 г.

УДК 316.613.4

Ревность социального сравнения как аттитюд

Фурманов И.А., Лепешко К.В.

Белорусский государственный университет

Социальные сравнения – сравнения между самостью (собственным Я) и другими – являются фундаментальным психологическим механизмом, влияющим на суждения, переживания и поведение людей.

Цель статьи – на основе анализа феномена социального сравнения теоретически обосновать, что ревность социального сравнения выступает в качестве аттитюда.

Материал и методы. Материалом послужили результаты психологических исследований ревности социального сравнения.

Результаты и их обсуждение. В статье отмечается, что приоритетной переменной, на которую обращают внимание при изучении социального сравнения, является подобие. Делается сопоставительный анализ и указываются различия в ревности социальных отношений и ревности социального сравнения. Дается определение ревности социального сравнения и рассматриваются условия ее возникновения. Теоретически обосновывается, что ревность социального сравнения является аттитюдом. Определяются особенности эмоционального, когнитивного и поведенческого реагирования на ситуацию, провоцирующую появление ревности социального сравнения.

Заключение. Ревность социального сравнения возникает у одного индивида, когда он видит, что другой индивид пользуется большим успехом и, следовательно, нематериальными и материальными преимуществами, достижениями или имуществом в сравнении с ним. Ревность как аттитюд можно охарактеризовать совокупностью связанных между собой комплексов переживаний негативных эмоций и чувств, мыслей, направленных на когнитивное переструктурирование ситуации, и действий, направленных на совладение со сложившейся ситуацией.

Ключевые слова: социальное сравнение, ревность социального сравнения, аттитюд, эмоции, когниции, поведение.

Jealousy of Social Comparison as an Attitude

Furmanov I.A., Lepeshko K.V.

Belarusian State University

Social comparisons are comparisons between the self (me) and others and they are a fundamental psychological mechanism which influences judgments, emotions and behavior of people.

The purpose of the article is through the analysis of social comparison phenomenon, to prove theoretically that jealousy of social comparison is an attitude.

Material and methods. Findings of psychological studies of social comparison jealousy are the research material.

Findings and their discussion. The priority variable, which is paid attention to while studying social comparison, is likeness. Comparative analysis is made and differences are singled out between the jealousy of social relations and the jealousy of social comparison. The definition of jealousy of social comparison is given and conditions of its emergence are considered. Jealousy of social comparison is theoretically proven to be an attitude. Features of emotional, cognitive and behavioral reaction to the situation which provokes the emergence of jealousy of social behavior are identified.

Conclusion. An individual experiences jealousy of social comparison when he sees that another individual is more successful and, consequently has non-material and material advantages or property compared to him. Jealousy as an attitude can be characterized by a complex of feelings, negative emotions, thoughts, which are aimed at cognitive restructuring of the situation, and actions which are aimed at coping with the situation.

Key words: social comparison, jealousy of social comparison, attitude, emotions, cognition, behavior.

Социальные сравнения – сравнения между собой (собственным Я) и другими – являются фундаментальным психологическим механизмом, влияющим на суждения, переживания и поведение людей. Всякий раз, когда люди сталкиваются с информацией о том, что собой представляют другие, что другие могут и не могут делать, чего другие достигли или не смогли бы достичь, они связывают эту информацию с собой [1]. Аналогично этому всякий раз, когда люди хотят знать, что собой представляют они сами, что они сами могут и не могут сделать и достичь – они сравнивают свои собственные характеристики, шансы и слабости с таковыми у других людей. В своей теории социального сравнения L. Festinger [2] прямо указывает, что индивиды используют других, чтобы удовлетворить собственную потребность в получении знаний о себе. Поэтому люди постоянно участвуют в социальных сравнениях.

Цель статьи – на основе анализа феномена социального сравнения теоретически обосновать, что ревность социального сравнения выступает в качестве аттитюда.

Материал и методы. Материалом послужили результаты психологических исследований ревности социального сравнения.

Результаты и их обсуждение. Во многих исследованиях отмечается, что приоритетной переменной, на которую обращают внимание при изучении социального сравнения, является подобие [2–4]. Это следует из того, что сравнения наиболее вероятно делаются с людьми, которые подобны между собой [5; 6]. Вместе с тем было определено, что сравнения особенно вероятны с подобными другими, находящимися на уровнях немного выше, чем сам индивид [7]. По мнению J. Wood [8], это определяется тремя основными мотивационными факторами, побуждающими людей прибегать к социальному сравнению: потребностью в самооценке; стремлением к самосовершенствованию; потребностью в повышении самооценки.

Отмечается, что для удовлетворения указанных потребностей используются восходящие и нисходящие сравнения. Было выявлено, что восходящие сравнения (с теми, кто лучше, кто добивается большего успеха) вызывают негативный аффект, а нисходящие (с теми, кто хуже, кто до-

бивается меньшего успеха) – позитивный аффект. Исследованиями было установлено, что восходящие сравнения могут вызывать ревность [9], враждебность [10], фрустрацию [11] и понижение самооценки [12; 13], тогда как нисходящие сравнения, как правило, усиливают ощущение субъективного благополучия [14].

Исходя из этого, можно утверждать, что в тех ситуациях, которые бросают вызов превосходству или равенству, возникает такой феномен, как ревность социального сравнения. Опираясь на экспериментальные данные, S.A. Bers и J. Rodin [15] предложили различать два вида ревности. Под ревностью социального сравнения они понимают термин, предполагающий желание превосходства в некотором измерении. Ревность социальных отношений, примером которой служит романтическая ревность, предполагает желание привилегированности в отношениях.

Одно существенное различие между ситуациями, вызывающими эти два переживания, – это количество вовлеченных людей. Ревность социального сравнения обычно появляется из реальной или предполагаемой конкуренции двух индивидов из-за желаемого атрибута, которым обладает конкурент, т.е. целевым объектом является не человек. Романтическая ревность включает трех индивидов, где конкурент претендует на объект, т.е. другого человека [16]. Следует отметить, что и в первом, и во втором случае эти ситуации следует рассматривать как триадические (рисунок).

Таким образом, конкурент в ситуации социального сравнения – это индивид, который имеет или угрожает атрибутам или имуществу, которое является желательным для другого. Романтический конкурент – это индивид, который угрожает отношениям с другим индивидом. Когда один человек сравнивает себя с другим и видит несоответствие, он испытывает ревность социального сравнения. Вместе с тем отмечается, что когда отношения с другим человеком угрожает конкурент, он испытывает романтическую ревность, поскольку предполагает потерю этих отношений, но может одновременно испытывать и ревность социального сравнения, поскольку размышляет о сравнительно превосходящих признаках конкурента, которые позволили ему или ей обольстить возлюбленного.

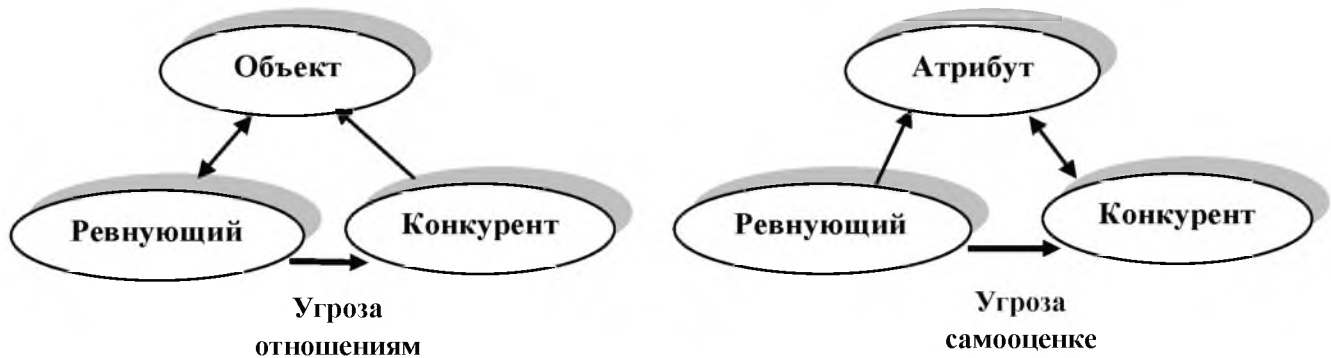

Рисунок – Различия в ситуациях, вызывающих ревность.

В литературе ревность социального сравнения в самом общем виде определяется как чувства, мысли и действия, возникающие у одного индивида, когда другой индивид пользуется большим успехом и, следовательно, материальными и нематериальными преимуществами, достижениями или имуществом в сравнении с ним. Здесь следует обратить внимание, что данное определение является очень неконкретным, плохо операционализированным, особенно в отношении психологических характеристик (индикаторов) данного переживания и поведения в этой ситуации.

Неконкретность определения данного понятия начинается с того, что сама дефиниция ревность обозначается как некое крайне негативное деструктивное чувство, возникающее в ситуации угрозы [17], любое эмоциональное состояние, классифицируемое как специальная форма тревоги [18]. Еще одна трудность в определении собственно ревности состоит в феноменологическом разграничении с понятием «зависть».

В частности, в толковых словарях дефиниция «ревность» трактуется как зависть к чужому успеху, нежелание делить что-либо с кем-либо [19], а в специализированных – как термин, подразумевающий чувство зависти к явным либо воображаемым успехам соперника [20], зависть к успехам или превосходству другого, желание обладать чем-то, чем обладает другой человек [21].

Вместе с тем, хотя в литературе достаточно часто слова ревность и зависть используют как синонимы, некоторые авторы пытались более строго различить эти два понятия [22–25]. Однако М. Silver и J. Sabini [26] предположили, что часто без потери точности, оба эти термина можно применить к одному и тому же аффекту. После исследования литературы S.A. Bers и J. Rodin [15] пришли к выводу, что попытки провести различия между чувствами ревности и зависти не имеют эвристической ценности. Более продуктивно различать типы ситуаций, в которых эти чувства возникают, независимо от того, какое из них субъект переживает и как он их определяет для себя.

Это и стало для них основанием различать ревность социального сравнения и ревность социальных отношений.

Кроме всего прочего, в литературе феномен ревности часто относится только к классу сугубо аффективных явлений и обозначается то как сложная эмоция, то как чувство. Однако это слишком упрощенное представление о феномене ревности, а ревности социального сравнения тем более.

Как показывает анализ литературы, ревность социального сравнения представляет собой социально-психологический концепт, охватывающий целый ряд различных форм эмоций и чувств, мыслей и социального поведения и по своему конструктивному построению напоминающий аттитюд. Во-первых, ревность социального сравнения можно с полным основанием трактовать как некую предрасположенность воспринимать, оценивать, переживать и определенным образом действовать относительно какого-то социального объекта или ситуации [28]. Во-вторых, если исходить из трактовки аттитюда как состояния сознания индивида относительно некоторой социальной ценности [29], то ревность социального сравнения может вызывать только атрибут, принадлежащий конкуренту, который обладает высокой ценностью, значимостью и затрагивает самооценку. В-третьих, если атрибуты, принадлежащие конкуренту, приравнять к объекту (рисунок), то можно предположить, что ревность социального сравнения имеет, как и аттитюд, трехкомпонентную структуру: когнитивный компонент (восприятие, осознание, оценка атрибутов), аффективный компонент (эмоциональная оценка атрибутов) и поведенческий компонент (поведение по отношению к конкуренту, обладающему этими атрибутами).

Сделанные предположения подкрепляются результатами целого ряда, правда, весьма немногочисленных, исследований. В частности, в проведенных ранее исследованиях указывается, что ситуация, провоцирующая появление ревности социального сравнения, вызывает у ревнующего индивида неудовлетворенность, негодование,

возмущение, чувство обиды, а иногда агрессивные действия [15].

Кроме того, отмечается, чтобы ситуация вызвала ревность социального сравнения, необходимы три условия:

1) должна существовать возможность непосредственного сравнения с другим человеком;

2) индивид должен иметь желание обладать [30], чувствовать права на обладание [9], переживать печаль и гнев, особенно гнев в отношении другого человека, обладающего чем-то [15];

3) должны быть мысли о ревнивом поведении, планы об устранении ситуации – принижении другого человека, уравнивании с ним или опережении его [9; 31].

Анализ литературы позволил выявить лишь небольшое количество исследований в области эмоциональных последствий ситуаций, которые вызывают ревность социального сравнения. В одних исследованиях участники выбирали из списка аффективных состояний те, которые они чаще всего испытывали вследствие ревности. Факторы, которые были получены, включали эмоциональное опустошение (депрессию и беспомощность), реактивное возмездие (желают свести счеты), общее возбуждение, поиск социальной поддержки, интрапунитивность и гнев [32]. В другом исследовании индивиды реагировали чувствами гнева, обиды, смущения, неприятия, фрустрации и печали в моделируемой ситуации ревности [33]. S.A. Bers и J. Rodin [15] считают гнев одной из наиболее сильно связанных с ревнивым поведением эмоций. Кроме того, состояние тревоги имеет тенденцию положительно коррелировать с показателями ревности [34; 35].

Ревность социального сравнения тоже подразумевает мысль об атрибуте или ситуации с последующей поведенческой реакцией. В качестве одной из когнитивных стратегий отмечается принижение сравниваемого индивида. В частности, M. Silver и J. Sabini [31] выявили, что индивид воспринимает другого индивида как ревнивого, когда видит его неуместные попытки унижить кого-то, чтобы сохранить собственную самооценку. В их исследовании участники приписали больше ревности неуспешному актору, когда он действовал неадекватно, безучастно или с недостаточной сдержанностью и уважением к успешному актору. Из этого следует, что результатом ревности социального сравнения должно быть принижение сравниваемого индивида.

Анализ литературы позволил определить многообразие поведенческих стратегий при возникновении ревности в ситуации социального сравнения:

– стратегию самосовершенствования, когда действия направляются на то, чтобы стать лучше и опередить другого в чем-либо [8; 36–39];

– стратегию уравнивания, когда действия направляются на то, чтобы стать таким же или же достигнуть такого же уровня исполнения [8; 9; 26];

– стратегию избежания деградации (при нисходящих сравнениях), когда индивид желает или делает все, чтобы не стать хуже [38];

– стратегию уклонения, когда индивид использует возможности ухода от сравнения [8; 39; 40].

Следуя некоторым основаниям теории социального сравнения, можно утверждать, что ревность социального сравнения, как аттитюд, выполняет те же функции [41]:

– инструментальную – направляет субъекта к тем объектам (атрибутам), которые служат достижению его целей, помогает ему оценить, как он и другие люди относятся к данным атрибутам, дает возможность заслужить одобрение и быть принятым другими людьми;

– выражение ценностей – выступает как средство выражения личности, самореализации, самосовершенствования;

– эго-защитную – способствует разрешению внутренних конфликтов личности, ограждает от негативной информации, защищает самооценку;

– организацию знаний – позволяет упорядочить представления об окружающем мире, оценить поступающую из внешнего мира информацию, соотнести ее с имеющимися у человека представлениями, мотивами, ценностями и интересами.

Заключение. Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что ревность социального сравнения возникает у одного индивида, когда он видит, что другой индивид пользуется большим успехом и, следовательно, нематериальными и материальными преимуществами, достижениями или имуществом в сравнении с ним. Ревность как аттитюд можно охарактеризовать совокупностью связанных между собой комплексов переживаний негативных эмоций и чувств, мыслей, направленных на когнитивное переструктурирование ситуации, и действий, направленных на совладение со сложившейся ситуацией.

Кроме того, исходя из биопсихосоциальной природы человека, было бы целесообразным разделить и мишени ревности социального сравнения. К биологическому уровню можно отнести телесные преимущества другого человека – фигуру, телосложение, красоту, физические качества; к психологическому – знания, способности, черты, качества и свойства личности; к социальному – достижения, социальный статус, властные полномочия, материальную обеспеченность.

ЛИТЕРАТУРА

- Dunning, D. Evidence of egocentric comparison in social judgment / D. Dunning, A.F. Hayes // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1996. – Vol. 71. – P. 213–229.
- Festinger, L. A theory of social comparison processes / L. Festinger // *Human Relations*. – 1954. – Vol. 7. – P. 117–140.
- Mettee, D.R. Social comparison and interpersonal attraction: The case for dissimilarity / D.R. Mettee, G. Smith // In J.M. Suls, R.L. Miller (Eds.), *Social comparison processes: Theoretical and empirical perspectives*. – Washington, DC: Hemisphere Publishing, 1977. – P. 69–101.
- Suls, J.M. Social comparison theory and research / J.M. Suls // In J.M. Suls, R.M. Miller (Eds.), *Social comparison processes: Theoretical and empirical perspectives*. – Washington, DC: Hemisphere Publishing, 1977. – P. 1–19.
- Goethals, G.R. Social comparison theory: An attributional approach / G.R. Goethals, J.M. Darley // In J.M. Suls, R.L. Miller (Eds.), *Social comparison processes: Theoretical and empirical perspectives*. – Washington, D.C.: Hemisphere Publishing, 1977. – P. 259–278.
- Wheeler, L. Factors determining the choice of comparison other / L. Wheeler, K.G. Shaven, R.A. Jones, G.A. Goethals, J. Coopet, J.E. Robinson, C.L. Grudei, K.W. Butzine // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1969. – Vol. 5. – P. 219–232.
- Dakin, S. The social comparison of ability / S. Dakin, A.J. Arrowood // *Human Relations*. – 1981. – Vol. 34. – P. 89–109.
- Wood, J.V. Theory and research concerning social comparisons of personal attributes / J.V. Wood // *Psychological Bulletin*. – 1989. – Vol. 106. – P. 231–248.
- Salovey, P. Some antecedents and consequences of social-comparison jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47. – P. 780–792.
- Testa, M. The impact of social comparisons after failure: The moderating effects of perceived control / M. Testa, B. Major // *Basic and Applied Social Psychology*. – 1990. – Vol. 11. – P. 205–218.
- Martin, J.M. The tolerance of injustice / J.M. Martin // In J.M. Olsen, C.P. Herman, M.P. Zanna (Eds.), *Relative deprivation and social comparison: The Ontario Symposium* Hillsdale, NJ: Erlbaum. – 1986. – Vol. 4. – P. 217–242.
- Marsh, H.W. Determinants of student self-concept: Is it better to be a relatively large fish in a small pond even if you don't learn to swim as well? / H.W. Marsh, J.W. Parker // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47. – P. 213–231.
- Morse, S. Social comparison, self-consistency, and the concept of the self / S. Morse, K.J. Gergen // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1970. – Vol. 36. – P. 148–156.
- Gibbons, F.X. Downward comparison and coping with threat / F.X. Gibbons, M. Gerrard // In J. Suls, T.A. Wills (Eds.), *Social comparison: Contemporary theory and research*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1991. – P. 317–345.
- Bers, S.A. Social-Comparison Jealousy: A Developmental and Motivational Study / S.A. Bers, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1984. – Vol. 47(4). – P. 766–779.
- Salovey, P. The Differentiation of Social-Comparison Jealousy and Romantic Jealousy / P. Salovey, J. Rodin // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1986. – Vol. 50(6). – P. 1100–1112.
- Ревность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Ревность>. – Дата доступа: 20.08.2017.
- Ревность. Оксфордский толковый словарь по психологии [Электронный ресурс] / под ред. А. Ребера. – М.: Мир, 2002. – Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/6-487-revnost.htm> – Дата доступа: 20.08.2017.
- Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с. – (Б-ка словарей рус. яз.).
- Психоаналитические термины и понятия: словарь / под ред. Барнесса Э. Мура и Бернарда Д. Файна; пер. с англ. А.М. Боковой, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. – М.: Независимая фирма «Класс», 2000. – С. 180–181. – (Б-ка психологии и психотерапии, вып. 79).
- The Cambridge Dictionary of Psychology / General Editor David Matsumoto Cambridge University Press. – New York, 2009. – P. 271.
- Spielman, P.M. Envy and jealousy: An attempt at clarification / P.M. Spielman // *Psychoanalytic Quarterly*. – 1971. – Vol. 40. – P. 59–82.
- Gellert, S. Mixed emotions / S. Gellert // *Transactional Analysis Journal*. – 1976. – Vol. 6. – P. 129–130.
- Neu, J. Jealous thoughts / J. Neu // In A. O. Rorty (Ed.), *Explaining emotions*. – Los Angeles: University of California Press, 1980. – P. 425–463.
- Titleman, P.A. Phenomenological comparison between envy and jealousy / P.A. Titleman // *Journal of Phenomenological Psychology*. – 1982. – Vol. 12. – P. 189–204.
- Silver, M. The perception of envy / M. Silver, J. Sabini // *Social Psychology*. – 1978. – Vol. 41. – P. 105–117.
- Frankel, S. Observations on the development of normal envy / S. Frankel, I. Sherick // *Psychoanalytic Study of the Child*. – 1977. – Vol. 32. – P. 257–281.
- Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко: АСТ; АСТ-Москва; Прайм-Еврознак. – М.: СПб., 2008. – С. 61.
- Андреева, Г.М. Социальная психология: учебник для высш. учеб. заведений / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2001. – С. 227–228.
- Frankel, S. Observations on the development of normal envy / S. Frankel, I. Sherick // *Psychoanalytic Study of the Child*. – 1977. – Vol. 32. – P. 257–281.
- Silver, M. The perception of envy / M. Silver, J. Sabini // *Social Psychology*. – 1978. – Vol. 41. – P. 105–117.
- Bryson, J.B. The nature of sexual jealousy: An exploratory study / J.B. Bryson // Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. – Washington, DC, 1976.
- Bryson, J.B. Situational determinants of the expression of jealousy / J.B. Bryson // Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association. – San Francisco, 1977.
- Bringle, R.G. Conceptualizing jealousy as a disposition / R.G. Bringle // *Alternative Lifestyles*. – 1981. – Vol. 4. – P. 274–290.
- Jaremko, M.E. Stress-coping abilities of individuals high and low in jealousy / M.E. Jaremko, R. Lindsey // *Psychological Reports*. – 1979. – Vol. 44. – P. 547–553.
- Martin, M.C. Advertising and Social Comparison Consequences for Female Preadolescents and Adolescents / M.C. Martin, P.F. Kennedy // *Psychology & Marketing*. – 1993. – Vol. 10(6). – P. 513–530.
- Corcoran, K. Social comparison: Motives, standards, and mechanisms / K. Corcoran, J. Crusius, T. Mussweiler // In D. Chadee (Ed.), *Theories in social psychology*. – Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 119–139.
- Taylor, S.E. Social Comparison, Stress, and Coping / S.E. Taylor, B.P. Buunk, L.G. Aspinwall // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1990. – Vol. 16(1). – P. 74–89.
- Buunk, B.R. The Affective Consequences of Social Comparison: Either Direction Has Its Ups and Downs / B.R. Buunk, R.L. Collins, S.E. Taylor, N.W. VanYperen, G.A. Dakof // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1990. – Vol. 59(6). – P. 1238–1249.
- Wood, J.V. Strategies of Social Comparison Among People With Low Self-Esteem: Self-Protection and Self-Enhancement / J.V. Wood, M. Giordano-Beech, K.L. Taylor, J.L. Michela, V. Gaus // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1994. – Vol. 67(4). – P. 713–731.
- Katz, D. The functional approach to the study of attitudes / D. Katz // *Public Opinion Quarterly*. – 1960. – Vol. 24. – P. 163–204.

Поступила в редакцию 07.09.2017 г.

Развитие знаково-символического опосредствования у ребенка

Поляков А.М.

Белорусский государственный университет

В статье представлен обзорный анализ исследований онтогенеза знаково-символического опосредствования.

Цель работы – определить основные этапы овладения знаково-символическими средствами в период детства.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили теоретические и эмпирические исследования отечественных и зарубежных авторов по проблеме овладения ребенком знаково-символическими средствами. Основными методами выступили методолого-теоретический анализ литературных источников и моделирование.

Результаты и их обсуждение. Развитие знаково-символического опосредствования анализируется в контексте проблемы социального взаимодействия и культурного развития ребенка. Развитие опосредствования рассматривается как овладение различными культурными формами в функции замещения. Выделены основные этапы развития знаково-символического опосредствования у детей. В периоды раннего и младшего дошкольного детства ребенок последовательно овладевает жестами, предметами-заместителями и предметными действиями, словами, пространственными реалистичными изображениями и моделями, графическими символами. Развитие знаково-символической функции в старшем дошкольном и младшем школьном возрастах сопряжено с отделением знака от его значения (преодолением «феномена стекла»). В младшем школьном и подростковом возрастах осваиваются: пространственные (квазипространственные) схемы, модели, научные понятия и др.

Отмечается ограниченность существующих исследований развития знаково-символического опосредствования утилитарно-прагматическим контекстом.

Заключение. Овладение ребенком знаково-символическими средствами в большинстве научных исследований понимается как необходимое условие полноценного взаимодействия с другими людьми. В психологии сложилась традиция понимания знаково-символических средств в утилитарно-прагматическом контексте как: 1) средств материальных, замещающих предметы действительности; 2) используемых про-извольно; 3) включенных в сотрудничество со взрослым, который оказывает соответствующую помощь в овладении ими (скаффолдинг); 4) развивающихся по линии от обозначения чувственно-конкретного содержания к обобщенно-абстрактному. Такое положение привело к недооценке таких форм культуры, как символы, метафоры, художественные образы, ритуалы, мифы, необходимых для освоения ценностно-смыслового содержания культуры и решения задач, связанных с установлением и поддержанием связей и отношений с другими людьми.

Ключевые слова: знаково-символическое опосредствование, социальное взаимодействие, психическое развитие, замещение.

Sign-symbolic Mediation Development in Childhood

Polyakov A.M.

Belarusian State University

The article presents an overview analysis of ontogeny of sign-symbolic mediation.

The purpose of the work is to determine the main stages of mastering symbolic tools during childhood.

Material and methods. The material for the study was theoretical and empirical studies of domestic and foreign authors on the problem of mastering the child sign-symbolic tools. The main methods were the methodological-theoretical analysis of literary sources and modeling.

Findings and their discussion. The development of sign-symbolic mediation is considered in the context of the problem of social interaction and cultural development of the child. The development of mediation is seen as the mastery of various cultural forms in the function of signification. The main stages of the development of children sign-symbolic mediation are singled out. In the periods of early and younger preschool childhood the child consistently takes possession of gestures, substitute subjects and subject actions, words, spatial realistic images and models, graphic symbols. The development of sign-symbolic function in the senior preschool and junior school age is associated with the separation of the sign from its meaning (overcoming the “phenomenon of the glass”). In the younger school age and adolescence spatial (quasi-spatial) schemes, models, scientific concepts, etc. are mastered.

The limitedness of existing empirical studies of the development of sign-symbolic mediation by a utilitarian-pragmatic context is noted.

Conclusion. The child's mastery of sign-symbolic tools in most scientific research is understood as a necessary condition for full-fledged interaction with other people. In psychology the tradition of understanding sign-symbolic mediators in a utilitarian-pragmatic context has developed. They are understood as: 1) material signs, substituting objects of reality; 2) used intentionally; 3) involved in cooperation with an adult who provides appropriate assistance in mastering them (scaffolding); 4) developing along the line from the designation of sensory-content to generalized abstract. This situation led to a under-evaluation of such forms of culture as symbols, metaphors, artistic images, rituals, myths, necessary for mastering the value-semantic content of culture and solving problems related to establishing and maintaining relationships with other people.

Key words: sign-symbolic mediation, social interaction, mental development, signification.

Проблема социализации и культурного развития ребенка напрямую связана с проблемой знакового опосредствования [1–6]. Л.С. Выготский пишет: «Знак первоначально выступает в поведении ребенка как средство социальной связи, как функция интерпсихическая; становясь затем средством овладения собственным поведением, он лишь переносит социальное отношение к субъекту внутрь личности. Самый важный и основной из генетических законов, к которому приводит нас исследование высших психических функций, гласит, что всякая символическая деятельность ребенка была некогда социальной формой сотрудничества и сохраняет на всем пути развития до самых высших его точек социальный способ функционирования. История высших психических функций раскрывается здесь как история превращения средств социального поведения в средства индивидуально-психологической организации» [4, с. 32]. В этом отношении возникает необходимость определения специфики сотрудничества, благодаря которому формируются высшие психические функции. Г.А. Цукерман подчеркивает мысль Л.С. Выготского, что «не всякое взаимодействие, в которое включен ребенок, автоматически создает интерпсихическую форму высшей психической функции. Это возможно лишь там, где намерения ребенка и взрослого пересекаются в теле знака, символа или орудия» [7, с. 63]. Таким образом отмечается необходимость знаковой медиации человеческих взаимоотношений и сотрудничества.

В свою очередь Г. Дениелс, анализируя развивающую роль сотрудничества взрослого с ребенком с позиций культурно-исторической психологии, обращает внимание на то, что сами культурные орудия (знаки) создаются людьми в социальном взаимодействии [6]. При этом важны не сами по себе знаки, а содержащееся в них значение или смысл [1–4; 8]. Последние как раз и вырабатываются в процессе сотрудничества людей, в котором культурные формы (знаки в широком понимании) наделяются разделяемым между его участниками идеальным содержанием и создается единое (разделяемое) пространство значений и смыслов [1; 2; 4; 6]. Этот процесс предполагает способность человека соотносить свою и чужую позиции, свой и чужой «голос» (по М.М. Бахтину), осуществляя диалог между ними [1; 2; 6]. Значение (смысл) в этом контексте можно рассматривать как продукт диалогического взаимодействия субъектов.

Соединение культурной формы со значением (или наделение ее значением) отражает важный процесс превращения внешних культур-

ных форм (знаков, научных терминов, символов, моделей, кодов и др.) во внутренние психологические орудия [4; 6; 9; 10]. Культурные формы превращаются в средства организации психологического опыта, психологических функций и поведения, качественно изменяя их и предоставляя человеку принципиально новые возможности. Человек приобретает способность действовать целенаправленно, произвольно контролировать свои функции и поведение, рефлексировать и обобщать свой опыт, использовать выработанные человечеством способы решения разнообразных задач и др.

Цель работы – определить основные этапы овладения знаково-символическими средствами в период детства.

Каким образом происходит овладение ребенком различными культурными формами в ходе онтогенетического развития? Иначе этот вопрос можно представить как вопрос о развитии знаково-символической функции. Рассмотрим исследования, затрагивающие эту проблему.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили теоретические и эмпирические исследования отечественных и зарубежных авторов по проблеме овладения ребенком знаково-символическими средствами. Основными методами выступили методолого-теоретический анализ литературных источников и моделирование.

Результаты и их обсуждение. Развитие знаково-символического опосредствования в раннем и младшем дошкольном детстве. Зарождение знаково-символической функции практически всеми авторами соотносится с периодом раннего детства. Исследователи также единогласны в том, что изначальная сущность данной функции связана с использованием заместителей. Однако поскольку в различных эмпирических исследованиях детям предлагался различный материал и различные формы замещения, имеются специфика и нюансы в интерпретации полученных данных, а также расхождения в конкретных сроках возникновения функции замещения.

Так, исследования, выполненные в русле культурно-исторической психологии и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, связывают становление знаково-символической функции с развитием предметных действий [5; 9; 10]. Во-первых, овладение предметными действиями сопровождается их переносом с одних условий или предметов на другие (например, ребенок может кормить ложкой плюшевого медвежонка или собаку), а следовательно, обеспечивает развитие обобщений, составляющих, по Л.С. Выготскому, суть значений [8]. Во-вторых, благода-

ря предметным действиям происходит перенос схемы действия на предмет-заместитель, то есть одно и то же действие ребенок может совершать как с реальным предметом, так и с его заместителем (кормит ложкой или совочком) [5; 9; 10]. В-третьих, через предметные действия ребенок осваивает значение (назначение) вещей, что рождает осмысленное отношение к предметной действительности [5]. Следует заметить, что осмысленное отношение проявляется в этом возрасте (после 2-х лет) и в изобразительной деятельности ребенка, который начинает воссоздавать предметные изображения (например, головоногов).

Кроме того, существенным является момент изначально совместного характера предметной деятельности, на котором особо заостряет наше внимание Д.Б. Эльконин [5]. Так, использование одних предметов в качестве заместителей других сначала происходит только после того, как их назовет взрослый, и лишь затем после самостоятельного выполнения предметного действия ребенком (например, мочалкой сможет назвать кубик после того, как выполнит с ним соответствующие действия). Д.Б. Эльконин отмечает, что процесс овладения предметным действием связан с построением самим ребенком образца этого действия, тождественного тому образцу, носителем которого выступает взрослый [5]. Освоение предметного действия имеет смысл тех отношений, в которые ребенок вступает со взрослым. Процесс формирования образа действия есть одновременно процесс отождествления ребенка со взрослым.

Таким образом, в качестве исходного средства, выполняющего знаково-символическую функцию, выступает предмет-заместитель, использование которого в сотрудничестве со взрослым начинается на втором году жизни [11]. При этом главным условием такого использования является некоторое внешнее сходство заместителя и обозначаемого, достаточное, чтобы выполнить с ним соответствующее действие [10; 12].

Рождение и развитие знаково-символической функции связывает, хотя и в иной объяснительной логике, с предметно-практическими действиями (сенсомоторными операциями) и Ж. Пиаже, а также опирающиеся на его работы необихевиористы [13]. Ключевой здесь является идея Ж. Пиаже о том, что образы и мыслительные операции есть интериоризированные внешние действия [13]. Образ же является по сути образом-символом, который отображает интериоризированную имитацию совершенного действия или события. Утверждается, что действие (а не только образ) может отражать объект или событие, т.е. выполнять сигнификативную функцию.

Соответственно, делается вывод о том, что свернутое интериоризированное действие является символом, обозначающим объект или событие.

Значение, согласно Ж. Пиаже, есть связь образа-знака (символа) со схемой объекта или события. Следовательно, именно образ-знак (символ) выступает онтогенетически первичным по сравнению со словом-знаком. Различение знака и обозначаемого – суть процесса символической репрезентации.

В основном в англоязычной литературе появление знаково-символической функции соотносится с третьим годом жизни ребенка. М.Б. Макмуллен и К.А. Дарлинг (М.В. McMullen, С.А. Darling, 2003) изучали функцию символического замещения у детей в возрасте 30–36 месяцев ($n = 36$) [14]. В эксперименте использовались задачи на поиск и возвращение предметов с помощью наглядных пространственных моделей, тождественных по своей конструкции реальным объектам (авторы статьи использовали большого и маленького плюшевых медведей, в кармашках фартука которых прятались различные предметы, и большую и маленькую фанерные доски с 4-мя синими дверями, за которыми скрывались персонажи Улицы Сезам; по уменьшенной модели требовалось определить, за какой дверью на замещаемом объекте скрывается соответствующий предмет или персонаж). Были выявлены разные стратегии решения задач: младшие дети (30–35 мес.) использовали сенсомоторную стратегию проб и ошибок, в то время как старшие (33–36 мес.) – символическую стратегию, что можно рассматривать как начало становления символической функции. В результате старшими детьми проблема решалась в уме, а не вовне.

Дж.С. Делоче (J.S. DeLoache, 1991) изучала символическую функцию у детей 2,5 лет на основе понимания ими двух типов символических стимулов – моделей уменьшенного размера (scale model, игрушечные модели) и картинок [15]. Использовались аналогичные задачи на поиск и возвращение предметов (например, игрушечный предмет прятался в игрушечном домике, а дети должны были его найти в настоящей комнате). Выяснилось, что дети лучше устанавливали связь между картинками и реальными предметами, нежели между игрушечными моделями и более крупным реальным пространством. Это автор объясняет в терминах двойной ориентации: во втором случае ребенок должен думать о модели как об объекте и как символе одновременно. В отличие от реалистичных моделей, картинка не воспринимается как реальный объект. Кроме того, использование картинок как символов способствует лучшему пониманию реалистичных моделей.

Лонгитюдное исследование ($n = 16$, дети от 28 до 42 мес.) Т. Каллаган и М. Рэнкин (Т.С. Callaghan, М.Р. Rankin, 2002) посвящено изучению влияния социального скаффолдинга на появление использования графических символов [16]. Авторы придерживаются позиции культурно-исторической психологии, что культура содержит способы, помогающие освоению символических систем в раннем детстве [1; 4; 5]. Следовательно, помощь взрослого, в данном случае состоящая в том, что экспериментатор рисовал предметы и подчеркивал связь между картинкой и обозначаемым (в течение 16 недель), может повлиять на умение ребенка использовать графические символы. Если в отношении овладения языком скаффолдинг укоренен в культуре, то в отношении освоения графических символов этого сказать нельзя. Было доказано, что помощь эффективна, начиная с 3-летнего возраста, и способствует овладению графическими символами.

Авторы обращают внимание на то, что овладение языком и графическими символами – не одно и то же. В одном из исследований (Callaghan, 2000) исключалась возможность использования слов для узнавания и выбора одной из двух картинок детьми 2,5 и 3 лет (например, собака против собаки – сенбернар и немецкий шепард, или выбор из объектов, для которых у ребенка нет названий) [16]. До 3 лет дети очень плохо справлялись с заданиями (хотя легко решали задачи, в которых требовалось выбрать легко вербализуемые объекты (кот – тигр). Следовательно, до 3 лет дети опосредствуют свои «символические» ответы по выбору картинок языком и не готовы к использованию символов-картинок, что совпадает со спонтанным порождением графических символов в первых детских рисунках. Отмечается, что графический символизм – поздно формирующийся по сравнению с языковым или предметным, хотя и имеет отношение к языку.

Развитие способности использования графических символов в дошкольном возрасте следует соотносить не только с освоением их предметного содержания, но и с построением пространственных схем, отражающих пространственные отношения отображаемых объектов или даже их временную последовательность (последняя чаще осваивается в начале школьного детства) [9].

Особое значение в культурно-исторической традиции всегда придавалось использованию такой культурной формы, как слово. В экспериментах Л.С. Славиной было показано, что до трех лет ребенок не может преодолеть связанность конкретной ситуацией даже в словах [3]. Так, в экспериментальной ситуации ребенок без труда

повторяет фразы: «курица идет», «ко-ко идет», «собака бежит», но сказать «Таня бежит», когда Таня перед ребенком сидит на стуле, он не может. Слово в сознании ребенка еще не отделено от обозначаемого предмета и соответственно не может использоваться им произвольно. Произвольное употребление слов и предметов-заместителей становится доступным лишь в дошкольном детстве.

В обзорном исследовании Л. МакКун-Николл (L. McCune-Nicolich, 1981) по проблеме развития детской игры выстраивается его тесная связь с развитием символической функции [17]. В соответствии с характером символизации автор выделяет 5 стадий развития игры у детей 8–30 месяцев: 1) *досимволическая стадия* (12–13 мес.) – дети отображают с помощью жестов функционирование реальных объектов (знает, что из чашки можно пить, может воспроизвести этот жест и без жидкости, понимание значения этого действия); 2) *аутосимволическая стадия* (14–16 мес.) – они воспроизводят свою повседневную деятельность (по собственной инициативе переносят действия с предметами на другие похожие объекты (пьет из игрушечной баночки); в игре воспроизводятся лишь собственные повседневные действия ребенка – питание, сон и др.); 3) *децентрированная символическая игра* (18–19 мес.) – игровые действия децентрируются, что позволяет детям воспроизводить деятельность других людей и накладывать игровые схемы на кукол или других участников игры (расширяется репертуар игровых действий – звонки по телефону, уборка, чтение; но используется лишь одна символическая схема (например, куклу только укладывает спать или только поит)); 4) *комбинаторная символическая игра* (22–24 мес.) – используется несколько игровых схем (поит и укладывает спать куклу); 5) *внутренне управляемая символическая игра* (20–36 мес.) – замысел игры опережает его реализацию; использование предметов-заместителей для обозначения отсутствующего объекта (палочка – конь).

Автор считает второй год жизни принципиальным поворотом в развитии игры и символической функции. На начальных стадиях развития игры она ситуативно обусловлена, на поздней стадии (двухлетние дети) используются вербальные и невербальные знаки, что позволяет мысленным конструкциям предшествовать действию и делает игру менее зависимой от доступных объектов и ситуации. Развитие символической игры и речи рассматриваются как аспекты символической функции. Кроме того, начальная стадия развития символической функции соотносится с концом первого – началом второго года жизни и проявляется в использовании жестов и внешних действий,

отображающих реальные объекты и их использование. Полноценное развитие символической игры и символической функции (игра по замыслу, произвольное замещение отсутствующих предметов) происходит на 3-м году жизни.

Необходимо также обратить внимание на то, что многие авторы связывают развитие знаково-символической функции в раннем и дошкольном детстве с развитием аффективно-смысловой сферы и социальными (в частности, материнско-детскими) отношениями [3; 5; 18].

Таким образом, если обобщить проанализированные данные, можно представить следующую примерную онтогенетическую последовательность овладения ребенком знаково-символическими формами в функции замещения в периоды раннего и младшего дошкольного детства:

- 1) жесты (конец 1-го года);
- 2) предметы-заместители и предметные действия (начало 2-го года);
- 3) слова (начало 3-го года);
- 4) пространственные реалистичные изображения и модели (конец 3-го года);
- 5) графические символы (3–4 года).

Развитие знаково-символического опосредствования в старшем дошкольном и школьном детстве.

Обзор как отечественных, так и зарубежных эмпирических исследований по проблеме символизации в дошкольном детстве подводит к мысли, что большинство авторов отмечают связь развития знаково-символической функции с тремя основными видами деятельности – речью, изобразительной и игровой [3; 8–10; 12; 14–16]. Развитие всех трех видов активности взаимосвязано. Каждый из них соотносится с определенными формами знаков-символов: речь – с языком (словом), изобразительная деятельность – с графическими символами, игра – с использованием предметов-заместителей.

В школьном возрасте виды знаков-символов, которыми учится пользоваться ребенок, становятся более разнообразными, сложными и комбинируемыми: понятия (знаки), поступки, предметные действия, метафоры, художественные образы, пространственные (квазипространственные) схемы, модели, символы в узком понимании, семантические коды (оценки) и др. В старших возрастах разбивается символический синкретизм, понимаемый как недифференцированное единство знаково-символических форм [11].

Развитие знаково-символической функции в старшем дошкольном и младшем школьном возрастах сопряжено с отделением знака от его значения. Напротив, их «склееность», благодаря экспериментам Н.Г. Морозовой и Л.С. Выготского,

получила метафорическое название «феномена стекла», так как знак остается как бы прозрачным, невидимым для сознания ребенка [8]. «Феномен стекла» проявляется в неспособности ребенка произвольно поменять название предмета, сохраняя его значение (например, корову не может называть кошкой). Способность отделить слово от его значения является необходимым условием для овладения письменной речью, которая рассматривается как вторичная по отношению к устной и правила построения которой во многом не зависят от ее предметного содержания. Преодоление данного феномена, как правило, наблюдается после 6–7 лет и связано с развитием рефлексии речи.

Среднее детство сопровождается преодолением «феномена стекла» (например, ребенок учится различать цифру и число, слово и его значение), а также освоением такой знаково-символической деятельности, как моделирование [9; 10]. Модель служит наглядным отображением структуры и существенных характеристик отображаемого предмета, абстрагируясь от признаков случайных, несущественных. Благодаря этому она решает задачу связывания конкретных чувственных образов и абстрактных понятий в сознании ребенка, выступает культурной формой, обеспечивающей переход от эмпирических житейских представлений о реальности к научно-понятийному мышлению [9; 19]. Использование моделей как средства познания способствует развитию обобщений и освоению абстрактных теоретических знаний, накопленных человечеством. Овладение ребенком моделированием не происходит естественным путем, а требует специально организованного развивающего обучения [9]. Н.Г. Салмина пишет: «Символическая функция, знаково-символическая деятельность не формируется в качестве побочного продукта при усвоении предметных знаний ... символическое развитие требует организации специальной деятельности по решению задач на соотношение плана содержания и плана выражения, на анализ содержательной формы» [20, с. 77].

Вершиной развития знаково-символической функции принято считать использование абстрактных и обобщенных научных понятий, благодаря которым преодолевается зависимость сознания от конкретных чувственных впечатлений [8; 9; 19]. Оно достигается лишь в старшем подростковом возрасте.

Заключение. Таким образом, в психологии сложилась определенная традиция понимания знаково-символических форм как, во-первых, материальных средств, замещающих предметы действительности; во-вторых, используемых произвольно; в-третьих, изначально включенных в сотрудниче-

ство со взрослым, который оказывает соответствующую помощь в овладении ими (скаффолдинг); в-четвертых, развивающихся по линии от обозначения чувственно-конкретного содержания к обобщенно-абстрактному. Такое положение привело к недооценке форм сознания, опирающихся на конкретно-чувственные формы (работа воображения, наглядно-образного мышления, повествовательная репрезентация опыта и др.), а также к трудностям выявления отличий от знака таких форм культуры, как символы, метафоры, художественные образы, ритуалы, мифы и др., основанных на использовании конкретно-чувственного опыта, содержание которого не может быть произвольно отделено от идеального содержания этих форм. Кроме того, данная логика понимания онтогенеза знаково-символической функции очевидно обслуживает овладение предметным содержанием культуры и совершенствует техническое оснащение деятельности человека, обеспечивая решение по преимуществу прагматически-познавательных задач. Однако она мало эффективна для освоения ценностно-смыслового содержания культуры и решения задач, связанных с установлением и поддержанием связей и отношений с другими людьми, с определением того, зачем и ради кого следует что-либо делать. Все это сталкивает нас с необходимостью раскрытия и эмпирического исследования альтернативной логики понимания развития знаково-символической функции, делающей акцент на осознании субъект-субъектной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкхёрст, Д. О понятии опосредствования / Д. Бэкхёрст // Культурно-историческая психология. – 2007. – № 3. – С. 61–66.
2. Верч, Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию / Дж. Верч. – М.: Тривола, 1996. – 176 с.
3. Выготский, Л.С. Вопросы детской (возрастной) психологии / Л.С. Выготский; под ред. Д.Б. Эльконина // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – С. 243–432.
4. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский; под ред. А.М. Матюшкина. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3: Проблемы развития психики. – 368 с.
5. Эльконин, Д.Б. Психическое развитие в детских возрастах / Д.Б. Эльконин; под ред. Д.И. Фельдштейна. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Ин-т практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. – 416 с.
6. Daniels, H. Vygotsky and Dialogic Pedagogy / H. Daniels // Cultural-historical psychology. – 2014. – Vol. 10, no. 3. – P. 19–29.
7. Цукерман, Г.А. Взаимодействие ребенка и взрослого, строящее зону ближайшего развития / Г.А. Цукерман // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 4. – С. 61–73.
8. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – Изд. 5-е, испр. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1999. – 352 с.
9. Салмина, Н.Г. Знак и символ в обучении / Н.Г. Салмина. – М.: Моск. гос. ун-т, 1988. – 288 с.
10. Сапогова, Е.Е. Ребенок и знак. Психологический анализ знаково-символической деятельности дошкольника / Е.Е. Сапогова. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1993. – 264 с.
11. Гаврилушкина, О.П. Использование знаково-символических средств дошкольниками с интеллектуальной недостаточностью. Психокоррекционный аспект / О.П. Гаврилушкина // Культурно-историческая психология. – 2006. – № 1. – С. 40–47.
12. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л.С. Выготский. – СПб.: СОЮЗ, 1997. – 96 с.
13. Ausubel, D.P. Neobehaviorism and Piaget's views on thought and symbolic functioning / D.P. Ausubel // Child development. – 1965. – № 4. – P. 1029–1032.
14. McMullen, M.B. Learning from their mistakes: glimpses of symbolic functioning in two-and-a-half to three-year-old children / M.B. McMullen, C.A. Darling // Early years. – 2003. – Vol. 23, no. 1. – P. 55–66.
15. DeLoache, J.S. Symbolic Functioning in Very Young Children: Understanding of Pictures and Models / J.S. DeLoache // Child Development. – 1991. – № 62. – P. 736–750.
16. Callaghan, T.C. Emergence of graphic symbol functioning and the question of domain specificity: a longitudinal training study / T.C. Callaghan, M.P. Rankin // Child Development. – 2002. – Vol. 73, № 2. – P. 359–376.
17. McCune-Nicolich, L. Toward Symbolic Functioning Structure of Early Pretend Games and Potential Parallels with Language / L. McCune-Nicolich // Child development. – 1981. – № 52. – P. 785–797.
18. Smith, N.R. Symbolic functioning in childhood / N.R. Smith, M.B. Franklin. – New Jersey: Hillsdale, 1979. – 240 p.
19. Давыдов, В.В. Учебная деятельность и моделирование / В.В. Давыдов, А.У. Варданын. – Ер.: Луйс, 1981. – 220 с.
20. Салмина, Н.Г. Концепция Л.С. Выготского и проблема развития символической функции / Н.Г. Салмина // Вопросы психологии. – 1994. – № 5. – С. 69–78.

Поступила в редакцию 28.09.2017 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. **Список литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Исполь-

зается следующий формат страницы: абзац – 1 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К статье нужно приложить экземпляр иллюстраций. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

13. К статье прилагаются следующие материалы:

– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен

иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;
– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

16. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000

printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows. Use the following format page: paragraph – 1 cm; field: top – 2,5 cm, from the bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, on the right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations should be numbered in the order of citation in the text. It is necessary to attach a copy of illustrations to the article. Figure captions, diagrams and tables are printed single-spaced. The names of tables and figures should not be abbreviated.

11. The size of all variables used in the text should comply with the International System of Units (SI).

12. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

13. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's home address, phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

14. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

15. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

16. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.